

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

ВДОВЧЕНКОВ Евгений Викторович

**Этносоциальная история сарматов
Нижнего Подонья**

Специальности

07.00.03 «Всеобщая история (древний мир)»,
07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Попов Владимир Александрович

Ростов-на-Дону
2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Социальные и этнические реконструкции сарматского общества: теория и практика	
§ 1. Методология и методика исследования: в поисках социального у сарматов.....	40
§ 2. Сарматское общество: пути этнической реконструкции.....	58
§ 3. Археологические материалы и попытки социальных реконструкций. 3.1. Статистическая обработка погребальных комплексов: возможности метода.....	65
3.2. Уровень социальной сложности сарматов.....	76
§ 4. Экономика сарматского общества.....	86
Глава II. Социопотестарные структуры и институты сарматов	
§ 1. Социальное пространство Сарматии и социальная структура сарматского общества.....	102
§ 2. Институт миграции и социальные процессы.....	110
§ 3. Социальные институты сарматов.....	121
§ 4. Экзополитарные отношения и потестарные институты сарматов.....	151
Глава III. Этапы социальной истории сарматов Нижнего Подонья	
§ 1. Сарматы раннесарматской эпохи Нижнего Подонья.....	158
§ 2. Сарматы среднесарматской эпохи Нижнего Подонья.....	176
§ 3. Сарматы позднесарматской эпохи Нижнего Подонья.....	191
Глава IV. Седентаризация сарматов в Нижнем Подонье (на примере сарматов в Танаисе)	

§ 1. Донские меоты и сарматы: проблемы взаимодействия.....	199
§ 2. Сарматизация Танаиса.....	208
§ 3. Танаиты и их культурная и социальная трансформация.....	220
Заключение.....	243
Список источников и литературы.....	248
Список сокращений.....	305
Приложение.....	307

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования.

В последнее время достигнуты значительные успехи в археологических исследованиях в области сарматологии. Уже известно множество комплексов сарматов на огромном пространстве от венгерских степей до Приуралья. Преобладающее количество исследований номадов раннего железного века связано с публикацией комплексов, выявлением их историко-культурного контекста, периодизации. Обработка и осмысление археологических комплексов запаздывает. Возникает необходимость осмысления археологических материалов для их исторической интерпретации и создания социальной реконструкции сарматского общества. Новые материалы позволяют пересматривать и актуализировать уже известные данные письменных источников.

Проблема социальных (в самом широком смысле этого слова) реконструкций – одна из ключевых задач, стоящих перед исследователем, занимающимся древними обществами. Ситуация в сарматологии запаздывает по сравнению с изучением центральноазиатских кочевников и скифов. По настоящее время нет еще ни одного монографического исследования социальной истории сарматов, в то время как количество и качество известных нам комплексов позволяет проводить исследование сарматского общества, а также изучать его взаимодействие с античной цивилизацией и варварскими оседлыми сообществами.

Большие перспективы имеет теоретическое обобщение полученного материала на основе современных концептуальных подходов, выработанных номадологией и социальной антропологией, а также соотнесение основных

этнографических и социально-антропологических категорий (таких как «племя», «семья», «род», «возрастные классы», «вождество» и т.п.) с сарматским обществом.

Актуальность исследования определяется существующим разрывом между археологией и социальной антропологией, т.е. между изучением культурных (известных по данным археологии) и социальных процессов, и запаздыванием процессов осмысления полученных результатов с точки зрения современной антропологической мысли.

Также актуальность связана с накоплением критической массы археологического материала и появлением соответствующих публикаций по культурным процессам у сарматов, исследований по отношениям сарматов и оседлого мира, политической истории сарматов, а также биологической антропологии носителей сарматской культуры. Это позволяет на настоящем этапе не только ставить, но и решать некоторые задачи реконструкции и этносоциальной истории сарматов.

Данное исследование – первая попытка системного исследования истории сарматского общества отдельного региона.

Хронологические рамки исследования – рубеж III-II вв. до н. э. – IV в. н. э., т.е. основное время функционирования сарматской археологической культуры в Подонье. Сарматскую эпоху делят на три части по археологическим культурам – раннесарматскую (рубеж III-II вв. до н. э. – рубеж эр), среднесарматскую (рубеж эр – середина II в. н. э.) и позднесарматскую (середина II в. н. э. – вторая половина IV в. н. э.).

Территориальные рамки – бассейн Нижнего Дона, то есть территории от излучины Дона в районе г. Калача до его впадения в Азовское море. Привлекаются данные по другим регионам Сарматии, а также пограничным областям (Боспор, Предкавказье и т. п.).

Нижнее Подонье традиционно был одним из важнейших регионов для

номадов европейских степей. Сарматская археологическая культура надежно фиксируется здесь со II в. до н. э. и до гуннского нашествия в IV в. н. э. В I в. н. э. Нижнее Подонье позволяет получить вполне репрезентативную выборку материалов раскопок по всем трем периодам сарматской истории, при этом значительный объем погребальных комплексов обработан антропологами Е.Ф. Батиевой и М.А. Балабановой.

Нижнее Подонье – очевидный политический центр сарматов первых веков нашей эры, и общество сарматов здесь представлено самыми разными социальными группами. Концентрация погребений высшей сарматской знати позволяют предположить наличие здесь политического центра, значимого для всего сарматского мира. Наличие в регионе оседлых обществ (меотские поселения, Танаис), отношения с которыми так важны для номадов, играет принципиальную роль в конструировании политических структур кочевников.

Объект исследования – кочевое население Нижнего Подонья сарматской эпохи и его культура. В связи с тем, что жизнь сарматов Подонья была тесно связана с иранским кочевым массивом раннего железного века, а с другой стороны, в связи с недостаточной информативностью наших источников, в работе привлекаются данные по сарматам из других регионов и обществ ираноязычных кочевников (в первую очередь скифов).

Предмет исследования – этнические и социальные процессы в сарматском обществе Нижнего Подонья, социальная организация сарматского социума, его структура и эволюция. В связи со спецификой имеющихся источников нельзя говорить непосредственно об истории и об обществе сарматов. И то, и другое в нашем исследовании являются реконструкциями.

Сарматология в настоящее время – преимущественно археологическая субдисциплина, а все ведущие сарматологи – это археологи. Но именно эта особенность препятствует социальным реконструкциям. Археология имеет своей целью анализ культуры древних обществ. Между тем существует

значительная дистанция между культурным и социальным пространством в обществе (особенно по материальным остаткам). Господство индуктивного подхода приводит к тому, что исследователи исходят из возможностей материала, и в трудах археологов, посвященных социальным реконструкциям, нередко происходит подмена предмета исследования.

Несмотря на то, что значительный объем используемых источников относится к археологии, предмет исследования – реконструкция этносоциальных процессов и институтов – относится к сфере антропологии, поскольку в фокусе исследования этносоциальная история сарматов и динамика развития сарматского общества в контексте взаимоотношений с оседлым миром. По своему содержанию диссертация соответствует двум специальностям: 07.00.03 – «Всеобщая история (древний мир)»; 07.00.07 – «Этнография, этнология и антропология».

Как возможна история при отсутствии значительной письменной традиции? Этот вопрос является ключевым для данного исследования. Можем ли мы строить (конструировать, реконструировать) исторический процесс без нарративных источников? Я думаю, что ответ очевиден – можем, но при этом возникает вопрос о подходах.

Один из возможных путей – счет по поколениям. Зная демографические параметры общества, мы можем реконструировать время поколения и создать примерную картину.

Другой путь – анализ миграций. За примерно 600-летнюю историю донской Сарматии нам известны четыре крупные миграции, приводящие к смене населения (рубеж III-II вв. до н.э., рубеж эр – середина I в. н. э., середина II в. н. э., середина III в. н. э.). Этапы каждой миграции повторяются, а общество проходит через сходные этапы развития.

Исходя из экзополитарного способа производства, каждая сарматская группировка имела свою систему отношений с внешним миром. Смена

господствующей в степях группировки приводила к переформатированию политической системы и меняла ситуацию в степи.

Археологические исследования также показывают нам определенные тенденции культурного процесса. Точная датировка затруднена (археологические комплексы редко дают большую точность чем треть века), особенно в степных некрополях. В поселениях (особенно Танаис) обычно больше закрытых комплексов и датирующих материалов. Тем не менее, определенные социокультурные тенденции могут быть прослежены.

Использование упомянутых подходов позволяет проследить социокультурную динамику сарматского общества. Если добавить редкие свидетельства античных писателей и картографов, а также данные эпиграфики, то формируемая реконструкция сарматской истории получает право на существование.

Цель исследования – изучение этносоциальной истории сарматов Нижнего Подонья.

Эта цель предполагает постановку и решение **следующих задач**:

Анализ историографии проблемы;

Разработка методики исследования этнической и социальной истории сарматов;

Определение особенностей этнической реконструкции сарматского общества;

Изучение экономики сарматов Нижнего Подонья;

Определение влияния климатического фактора на развитие общества сарматов Подонья;

Анализ возможностей и способов социальной реконструкции на основании археологических данных, в том числе с помощью статистической обработки погребальных комплексов;

Выявление уровня социальной сложности общества сарматов Подонья;

Анализ социальных и потестарных структур и институтов сарматов;

Рассмотрение такого важного института для номадов, как миграции и изучение их роли в социо- и культурогенезе сарматского общества;

Исследование этапов социальной истории сарматов Нижнего Подонья в ранне-, средне- и позднесарматскую эпохи;

Изучение процессов седентаризации сарматов Нижнего Дона (на примере сарматов в Танаисе).

Методология и методы исследования проблемы. В качестве главной методологической посылки используется идея А.М. Хазанова о принципиальной зависимости номадов от оседлого мира, вызванная нестабильностью и неавтаркичностью экономики кочевого скотоводческого хозяйства. Также большое значение в настоящее время придается концепции экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов (по Н.Н. Крадину), в соответствии с которым решающее значение для политической организации кочевников играют взаимоотношения с внешним миром.

Еще одна важная идея, обоснованная А.М. Хазановым – типологическое сходства общества как ранних кочевников, так кочевников средневековья и нового времени, что позволяет привлекать данные по этнографии номадов для изучения древних кочевников.

Существуют два подхода при анализе археологических данных (применяемых в том числе и для реконструкции сарматского общества): *индуктивный подход*, т.е. анализ всего объема данных и попытка реконструкции структуры сарматского общества (отталкиваясь от разных критериев – богатства, структур погребального обряда и т.п.), и *дедуктивный*, который состоит в том, чтобы, исходя из наличия социальных институтов, предполагаемых для данного общества, попытаться проследить их по материалам имеющихся источников.

Дедуктивный подход является ключевым для данного исследования.

Особенно его необходимость следует из практики статистической обработки памятников, проводимой археологами. Полученные результаты возможно интерпретировать, и здесь полезными оказываются гипотезы о закономерностях развития социума номадов.

В настоящее время в отечественной социальной археологии распространены два методологических подхода и одна псевдометодологическая установка. Это марксизм, неэволюционизм и установка на отрицание любых теорий, т.е. опора на эмпиризм.

Разница между марксизмом и неэволюционизмом иногда стирается. И те, и другие могут использовать одни и те же понятия. Оба направления относятся к эволюционизму, с той только разницей, что неэволюционисты делают упор на многофакторности исторического процесса, и на многолинейности эволюции.

Отрицание теорий не приводит авторов к освобождению от теории (любой факт как таковой не может быть свободен от того или иного теоретического наполнения). Опыт показывает, что в реальности авторы, которые проповедуют такой эмпирический пуризм – отказ от теории, на самом деле часто оказываются неосознанными марксистами, опираясь на усвоенную в качестве фундаментальной установки марксистскую базу. Особенно это актуально для археологов старшего поколения (и это проскальзывает в их работах и используемом языке описания). Они призывают к полевым исследованиям и усвоению материальной базы, однако что делать с полученными материалами? Какие вопросы задавать исследуемому материалу? На этот вопрос ответа нет. Самые яркие памятники требуют методики, способной их раскрыть, и без теории в социальной археологии не обойтись.

В данной диссертации исследованию одним из основополагающих является комплексно-синтетический подход, который применяется при использовании нескольких видов разнородных источников, содержащих

информацию об одном явлении (археологических, письменных, антропологических и лингвистических). Согласно принципу, провозглашенному немецким исследователем Р. Гахманом, комплексно-синтетический подход необходимо применять только после соответствующей подготовки всех видов исторических источников, избегая смешанной аргументации (Клейн 1988: 19). Историческая действительность в разных видах источников отражается неодинаково, поэтому использование комплексно-синтетического подхода требует специальной подготовки источника.

При использовании комплексно-синтетического подхода необходимо учитывать ограниченные возможности каждого из видов источников и не пытаться извлечь информацию из источника, которую он дать не может. В исторических исследованиях, где используется сразу несколько видов источников (например, археологических и письменных), часто наблюдается стремление исследователей извлечь как можно большее количество информации из источника, что приводит к «перенапряжению» источника. Другой важной особенностью работы с комплексно-синтетическим подходом является правильный подбор так называемых «изоморфных точек», то есть тех явлений, которые отражены в нескольких видах источников (Клейн 1988: 18). Для социальных исследований сарматов такими изоморфными точками или ситуациями выступают миграции сарматов, появление катафрактарной конницы, отношения сарматов с оседлым миром, набеги и т.п.

Для успешного синтеза следует выполнить следующие условия:

1. Перед использованием источника в синтезе необходимо провести анализ каждого вида источника отдельно, чтобы не использовать отдельные факты и частные выводы сразу в общей модели исторического построения. Любой вид исторического источника весьма односторонне и фрагментировано освещает исторические процессы и явления, поэтому данные каждого вида источника необходимо привести в стройную схему, проведя внутриотраслевой

анализ всей системы данных.

Это служит, в первую очередь, для преодоления «смешанной аргументации», то есть произвольного отрыва фактов из каждого вида источников для их использования в историческом исследовании. При синтезе полученных данных следует применять только конечные результаты внутриотраслевого анализа.

2. При использовании комплексно-синтетического подхода следует учитывать, что при скудости источниковой базы возможны несколько вариантов развития событий, и ни от одного варианта нельзя отказываться, предварительно не обосновав этот отказ (Л.С. Клейн назвал этот пункт «сохранение неопределенности»). При ограниченном количестве источников и неоднозначности содержащейся в них информации возможны несколько вариантов развития событий. Исследователю следует осторожнее относиться к сужению выбора.

3. Сосредоточение на катаклизмах, то есть использование в процессе исследования резких сдвигов и трансформаций. События подобного рода (миграции, войны и т. д.) позволяют резче проявляться различным явлениям, не выявляемым при более спокойном течении событий.

Принцип, согласно которому каждая дисциплина должна прорабатывать материал самостоятельно, и только результат сопоставить с результатом другой дисциплины, очень важен, но необходимо учитывать, что исследователь может от него отходить. Как указывает Л.С. Клейн, чтобы не быть слепыми при изучении проблемы, необходимо знать, в каком направлении искать. Так, именно этнограф укажет археологу, что именно он может найти, или археолог обратит внимание антрополога на направление поиска. Поэтому неизбежно тесное взаимодействие специалистов на разных этапах исследования.

При анализе этнических общностей исследователи традиционно исходят из позиций примордиализма или конструктивизма. Возникает вопрос о том,

насколько применимо понятие «этнос» к обществам древности, а тем более кочевникам. Этнос – весьма изменчивое понятие, и конструктивисты упирают на это обстоятельство. Однако изменчивость не означает, что этноса не существует. Потребность в расширенном (и часто воображенном) родстве, в делении мира на своих и чужих приводила к тому, что этничность того времени, хоть и отличается от таковой в эпоху модерна, но все же существовала. Нам трудно определить, какие понятия скрываются за терминами античных авторов – *gentes, gens, natione, populus* и др. (Голубцова 1998: 22-35). Следует иметь в виду крайнюю нечёткость терминов, обозначавших объединения различного уровня и принципа группирования, свойственную абсолютному большинству кочевых обществ Евразии в различные исторические эпохи. Однако этническое наполнение этих понятий во многих случаях для меня очевидно.

Этнос как явление отражает потребность человека в причастности к общности людей, в рамках которой он реализует ряд важнейших своих потребностей. Но социальные формы, через которые происходит реализация потребности в этничности у человека, ситуативны и зависят от многих факторов (Барт 2006). Таким образом, для данного исследования особое значение играет тезис Ф. Барта о ситуативности этничности и важности для формирования содержания этничности социальных границ.

При работе в исследовании используются такие методы, как анализ погребального инвентаря (выделение социальных маркеров, анализ имущественной дифференциации и богатства-бедности; социальная стратификация номадов); объем трудозатрат на создание погребальных и культовых сооружений; совокупность формализовано-статистических методов; картографический метод; изучение погребального обряда; анализ половозрастной структуры общества; институциональный подход; кросс-культурные исследования и другие.

Наряду с традиционными подходами, можно отметить рассмотрение

социальной археологии с позиций новой материальности и акторно-сетевой теории.

Исследователь социальной истории сарматов не имеет одного ключевого источника и ведущей методики исследования. Он должен работать с разными материалами и пытаться применить разные методы, «разговорить» источники с помощью разных подходов. В исследовании социального у сарматов нет универсальной методики и волшебного ключа. Нужно уметь искать и подбирать разные методы к наличным источникам.

Например, богатые комплексы номадов имеет смысл рассматривать через систему экзополитарных отношений, систему внешней эксплуатации, анализ потестарной системы. А бедные комплексы – через анализ половозрастных особенностей, выявление мужской, женской субкультур при помощи статистического анализа.

При использовании нескольких источников важно соблюдать методику междисциплинарного исследования. Ее принципы обозначил Л.С Клейн, назвав комплексно-синтетическим подходом (Клейн 1988). Этот подход применяется при использовании нескольких видов разнородных источников (археологических, письменных, антропологических и лингвистических), содержащих информацию об одном явлении.

Изучение социальной истории сарматов сопряжено с известными трудностями. При ограниченности наших источников (в первую очередь письменных и археологических) использование сравнительного этнографического метода и исторических параллелей не всегда оправданно. Известные нам этнографические материалы касаются уже иных этнокультурных реалий (и в случае с евразийскими степями связаны с тюркским миром) и, как правило, более поздней эпохой, когда кочевой мир существенно трансформировался под влиянием разных факторов (иная система взаимодействия с оседлым миром, появление мировых религий и т.п.). Иранская

же традиция осетин – потомков аланов – также серьезно деформировалась под воздействием местных традиций и в новых исторических условиях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что комплексное исследование сарматского общества отдельного региона проводится впервые.

В настоящей работе:

1. Произведена комплексная реконструкция сарматского общества и его истории на примере конкретного региона – Нижнего Дона.

2. Обобщена вся имеющаяся литература по этносоциальной истории сарматов Нижнего Подонья.

3. Исследована информативность разных источников для этнических и социальных реконструкций сарматов.

4. Разработана методика социальных реконструкций сарматского общества, в основу которой легли методологические положения неозволюционизма.

5. Проанализирован процесс седентаризации сарматов на примере сарматов в Танаисе.

6. Изучен институт миграции у сарматов, и её влияние на процесс социогенеза и культурогенеза в сарматском обществе.

7. Рассмотрены экзополитарные отношения в сарматском обществе, а также потестарные институты сарматов (племя, вождество, кочевая империя).

8. С помощью статистических методов исследован самый большой могильник донских сарматов.

9. Исследованы социальные институты сарматов, поставлен вопрос о существовании мужских объединений.

10. Рассмотрена экономика сарматского общества Нижнего Подонья.

В диссертации впервые применяются подходы и методики современной социальной антропологии в отношении кочевников Европы раннего железного

века, известных преимущественно по археологическим данным. Идея изучения сарматских социальных институтов в широком социально-антропологическом контексте еще не реализовывалась в отдельных исследованиях, а только затрагивалась отдельными сарматологами.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они будут иметь значение для археологов и историков, изучающих историю западной части евразийских степей и Европы раннего железного века и раннего средневековья. Такое исследование станет опорой для дальнейших исследований социальной структуры и этносоциальной истории сарматского общества, а также других обществ кочевников древности.

Кроме того, содержащиеся в диссертации материалы помогут в чтении учебных курсов по социальной антропологии, археологии, истории древнего мира, древней истории степной зоны, краеведения.

Положения, выносимые на защиту:

В итоге проведенного диссертационного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1) Историографический анализ имеющейся отечественной и зарубежной литературы позволяет отметить своевременность постановки задачи социальной реконструкции общества сарматов. Количество введенных в научный оборот комплексов, уровень исследований античных памятников Боспора, достижения естественнонаучных методов, а также социальной антропологии позволяют ставить и решать проблемы социальной реконструкции сарматского общества.

2) Традиционные индуктивные методы исследования должны дополняться дедуктивными, при которых для постановки гипотез необходимо использовать данные этнографии и социальной археологии, а потом проверять при помощи источников.

3) Методической основой для реконструкции сарматского общества может быть неозволюционизм. Марксистская методология неэффективна при анализе общества сарматов. При изучении номадизма более применимы нелинейные модели развития и понятийный аппарат неозволюционизма.

4) Всестороннее изучение письменных свидетельств и памятников археологии изучаемого региона позволяет связать все три сарматские эпохи с четырьмя последовательными миграциями, меняющими политическую и культурную ситуацию в регионе. Миграции номадов (как правило, с востока) были ключевыми факторами политической истории евразийских степей. Следствием этого были процессы формирования новой этнической общности, ядром которой становились мигранты (при откочевке или постепенном ослаблении прежних этнических групп), а также процесс формирования новой культуры.

5) Погребальная традиция коррелирует, хотя обычно и не напрямую, с социальной организацией и структурой сарматского общества. Но в трех сарматских культурах Подонья это проявляется неодинаково. Каждая из этих трех культур и погребальных традиций по-разному отражают социальные реалии, поскольку концепции погребального обряда у них явно отличались.

6) Анализ богатых комплексов сарматской культуры позволяет выделять элитарные погребения и по ним восстанавливать политические центры.

7) У сарматов выявлено две модели экономики – экстенсивный кочевой номадизм и экзополитарный способ производства, связанный с эффективной военно-политической деятельностью сарматов. Особенно успешен экзополитарный способ производства в среднесарматскую эпоху, когда у сарматов появилась катафрактарная конница.

8) Изучение системы взаимодействия сарматов с внешним – оседлым – миром позволяет сделать вывод о существовании у сарматов

институтов «вторичного племени» и вождества, а также – в отдельные периоды – «квазиимперии».

9) У сарматов выявлен такой социальный институт, как молодежные объединения, играющий важную роль в военном деле сарматов. Именно они могли быть инструментом мобилизации и военной организации сарматского общества. Выдвинуто предположение об их особой роли в миграциях сарматов (на первом этапе – завоевания и освоения пространства)

10) Климат имел существенное воздействие на социум сарматов Подонья. Период наибольшего могущества донских сарматов совпадает с периодом климатического оптимума (Демкин 2012). Периоды аридизации (III-II вв. до н.э., II-III вв. н. э.) отмечены резким сокращением численности кочевников и ослаблением их политического влияния.

11) Статистический анализ погребального инвентаря на материалах самого крупного донского могильника Новый позволил проследить особенности мужской, женской и детской субкультур. Выявлено, что погребения, содержащие маркеры статусности, богатства – это погребения зрелых мужчин и молодых женщин. Мужские и женские погребения утрачивают статусные маркеры с возрастом, так же как и ослабевают гендерные отличия.

12) В раннесарматскую эпоху общество сарматов характеризуется не очень выраженной стратификацией, что объясняется слабым взаимодействием с античным миром и не развитой системой экзополитарных отношений.

13) Процесс формирования среднесарматской культуры связан с миграцией с востока, в которой ключевую роль играли аланы, впервые надежно фиксируемые в Подонье в 70-е гг. н. э. Концентрация импортов и богатств в захоронениях на Нижнем Дону говорит о том, что именно в этом регионе был самый важный политический центр Сарматии и сформирована мощная полития, связываемая с аланами. Изменение политической культуры сарматов в

среднесарматскую эпоху может быть связано с трансфером политической модели аланами из Средней Азии.

14) В поздних сарматах следует видеть несколько военизированных кочевых группировок, объединенных происхождением и культурой, но выстраивающих каждая по-своему свою систему взаимодействия с оседлой периферией и подчиненными им племенами номадов. Ярко выраженный воинский облик культуры, а также высокий уровень повседневного насилия говорят о большей политической слабости поздних сарматов по сравнению со среднесарматским населением.

15) Седентаризация номадов – это вынужденные шаги, а не закономерный итог развития общества номадов (Плетнева 1982). Процесс оседания является следствием военного давления или климатических изменений, которые делают для части номадов невозможными дальнейшие перекочевки.

16) Появление танаитов в Танаисе связано с сарматской миграцией в город, что вызвано политикой Боспора по усилению переселенцами военного и политического потенциала Танаиса. Выдвинуто предположение о том, что частные союзы – фиасы и культ Бога Высочайшего могут быть связаны с политикой инкультурации пришлого населения.

Источниковая база исследования

Наиболее информативным типом источника при изучении этносоциальной истории выступают **письменные источники**. Специфика исследования этнической и социальной истории бесписьменных обществ заключается в том, что исследователю приходится иметь дело с материалами другой этнокультурной письменной традиции. В нашем исследовании это, в основном, данные греческой и римской письменных традиций.

Использование данных армянской и грузинской литературной традиции о сарматах подвергается критике. Так, исследователи весьма критично оценивают сведения Мовсеса Хоренаци об аланах (Перевалов 2014), и оспаривают выводы

С.А. Яценко, основанные на этих данных (Яценко 2009).

Античные авторы были носителями иных идей и ценностей, нежели кочевники. Насколько их свидетельства объективны, и свободны от литературных штампов и бытовых стереотипов? Часто описания сарматов превращались в сборник анекдотов и описаний диковинных обычаев. Это не позволяет нам напрямую соотносить понятия и термины, используемые античными авторами, и факты и явления в жизни варварских обществ. Одно и то же явление в разных этнических культурах несет разную символическую нагрузку, имеет разное содержание и значение. Какие этнические и социальные образования в варварском мире соответствуют римскому термину «gens» и греческому «ethnos»? Этот момент важно учесть при работе с источниками.

В отношении сарматов у античных авторов существовало предубеждение. Письменная традиция на все лады склоняет дикость и воинственность сарматов – для античных авторов сарматы представляют собой квинтэссенцию варварства. Те, кто были олицетворением варварства для античного мира, воспринимались как дикари, чьи странные обычаи и военизированный быт только подтверждали эти стереотипы (Яценко 2002).

При описании Скифии и Сарматии античные авторы часто использовали одни и те же образы воинственных кочевников. Существуют, однако, определенные различия в описании скифов и сарматов, которые отметил С.А. Яценко: «Письменные сведения на эту тему в сравнении с аналогичными данными по скифам лишней раз демонстрируют тенденциозность и необъективность греко-римских авторов. Если скифы зачастую идеализировались, представлялись как мудрый народ, живущий простой жизнью, непобедимый благодаря справедливым обычаям и не совсем чуждый усвоению норм эллинской цивилизации, то в отношении сарматов и ранних аланов мы не находим и следов подобных восторгов» (Яценко 2002: 91). Т.е. сарматы античными авторами представляются более дикими и некультурными,

чем скифы. Д. Браунд отметил, что, у античных авторов «сарматская "дикость" разрабатывается как средство исследования греко-римской "цивилизации"» (Браунд 1994: 169). С.А. Яценко предполагает, что для таких оценок были свои основания, связанные с разницей в культурной ориентации. По его мнению, сарматы, в отличие от скифов, были ориентированы на контакты не с греко-римской, а с восточными цивилизациями (Китай, парфянский Иран, Кушания и др.) (Яценко 2002: 91).

К любой этнографической информации древних писателей следует подходить критически, сопоставлять ее с другими источниками и всегда помнить о неизбежном культурном разрыве, существующем между античным писателем и теми варварскими племенами и народами, которые он описывает. Но при всем этом письменные источники остаются приоритетными в отображении этнического самосознания и его проявлений.

В основе наших знаний о древнем населении Европы, не относящихся к античной цивилизации, лежат сведения античных авторов. В большинстве случаев древние племена не были основным объектом внимания античных авторов, поэтому сведения о них, как правило, отрывочны. Из тех произведений, которые были посвящены картине мира, в том числе этническим процессам на окраине античного мира, сохранились не многие.

Социальные практики других народов могли привлечь внимание древнего писателя, и он тогда описывал их и давал какое-то объяснение. В обратном случае о существовании каких-либо социальных институтов приходится догадываться, вычитывая намеки и обрывки информации, содержащиеся в древних источниках.

Античная письменная традиция о сарматах уже неоднократно и обстоятельно рассматривалась (Ростовцев 1925; Кулаковский 2000; Скрипкин 1990; Щукин 1994 и др.), что позволяет нам не останавливаться подробно на анализе античной письменной традиции и только коротко охарактеризовать ряд

основных авторов.

Среди эллинистических авторов выделяется Страбон, показавший широкую картину всего известного античности мира. Страбон использовал множество различных трудов своих предшественников IV – I вв. до н. э., в том числе Эфора, Эратосфена, Посидония, Аполлодора, Артемидора Эфесского и других (Ростовцев 1925: 10, 42). Одна из главных задач исследователя при работе с «Географией» Страбона – определение источника Страбона и времени, к которому относится его сообщение. Как выходца из Малой Азии Страбона интересовали события недавно прошедших в этом регионе Митридатовых войн.

Из латинских авторов I в. н. э. пристального внимания заслуживают труды Помпония Мелы и Плиния Старшего. Они широко привлекают современные им данные, пользуясь литературными трудами своих предшественников и современников. Сведения Помпония Мелы и Плиния Старшего можно возводить к одним источникам и они лишь немного расходятся по времени.

Плиний Старший в IV книге своего труда “Естественная история” подробно освещает вопросы этнической истории. В своих сообщениях Плиний Старший использовал сведения знакомых ему римских военных и чиновников, хорошо знающих этническую картину варварского мира, что делает его сообщения более достоверными. Сам Плиний Старший занимал крупные военные и административные посты, поэтому имел доступ к важной государственной информации. В IV книге отражены реалии 47 – 79 гг. н. э.

О сарматах в своих произведениях сообщал также Корнелий Тацит, представитель уже следующего поколения и один из крупнейших римских историков. Исполняя функции государственного чиновника, бывшего одно время претором Рима, Тацит получил доступ к достоверным источникам информации. Провинциал по своему происхождению, он активно интересовался жизнью в провинции и народами, граничащими с Римом с севера, благодаря чему его сведения заслуживают особого внимания. Это отразилось в его

известных произведениях «Анналы», «История», «О происхождении и местах обитания германцев», где эпизодически встречается информация, посвященная сарматам и их участию в военно-политической жизни Римской империи.

Большой массив информации о древних народах встречается у автора II в. н. э. Клавдия Птолемея в его «Географии». В своем труде он сообщает множество сведений о варварских племенах и местностях, привязывая их к определенной сетке географических координат. Существенным препятствием для исследователя является то, что Птолемей использует данные, относящиеся к разному времени, поэтому его данные нуждаются в тщательном анализе и сопоставлении с данными других исследователей.

Греческий историк IV в. н. э. – Аммиан Марцеллин в своем произведении «Римская история», которое было продолжением произведений Тацита, подробно рассказал о дунайских сарматах и аланах. Аммиан Марцеллин использовал как литературную традицию, так современные ему источники информации для освещения событий сарматской истории, произошедших в середине IV в. н. э.

Упоминание в письменных источниках сарматов – дело довольно случайное, и связано с внутренними закономерностями развития античного общества. Так, внимание к сарматам было привлечено в связи с Митридатскими войнами (Страбон), а позже – в связи с приходом Рима в регион (Помпоний Мела, Плиний Старший, Тацит). Больше всего информации у нас есть для I в. до н. э. и особенно I в. н.э., а также, благодаря Аммиану Марцеллину – для IV в.

Большая часть сообщений авторов касается размещения сарматов и их набегов. Так, информация Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего фиксирует сдвиг сарматских племен на запад в I в. н. э. Такие важные события, как проникновения сарматов в Подонье на рубеже III-II в. до н.э., катастрофы середины II в. н. э. и середины III в. н. э. практически не нашли отражения в

литературной традиции.

Материалы античной традиции известны давно. Перспективы их изучения связаны с развитием других видов источников и сарматологии в целом, поскольку новые данные позволяют нам пересматривать и переосмысливать уже известные данные. В античных текстах прямой информации о социальной структуре сарматского общества совсем немного. В них присутствует социальная терминология – скептухи, цари, знать.

Эпиграфические данные дают информацию иного характера, нежели античная традиция. Эти данные постоянно пополняются в результате раскопок. Для изучения этносоциальной истории сарматов Подонья большую роль играют надписи из Танаиса. Нам известны сотни имен, часть которых были иранскими. Этот источник позволяет исследовать историю Танаиса, о котором античные авторы оставили только несколько упоминаний.

Также для реконструкции этнической и социальной истории сарматов большую роль играет декрет Протогена, декрет из Мангупа и др.

Археологические источники. При исследовании бесписьменных культур на первый план выходит археология. Ни в коей мере не следует недооценивать сообщения античных авторов – даже те отрывки информации, которые есть в нашем распоряжении, являются определяющими для понимания этнических и культурных процессов в сарматском мире. Но большая часть фактов получена нами археологическим путем, и с ним связаны перспективы развития сарматологии. Археологические данные являются самым массовым источником по истории сарматов, источником, который постоянно пополняется за счёт новых раскопок.

При реконструкции общества, социальных процессов, социальной структуры у нас возникает проблема сопоставления двух разных реальностей – культурной и социальной. Археология – это дисциплина, в центре внимания которой находятся культурные процессы. Конечно, археологическая культура

является весьма своеобразным слепком живой культуры. Но, тем не менее, ключевым понятием для раскрытия содержания археологии является культурный процесс.

Для решения проблем социальной реконструкции следует выявить точки пересечения и сопряжения культурного и социального. При работе с материальными остатками прошлого оперируют понятием археологическая культура. Следует поставить под вопрос объективность ее существования. Археологическая культура – это в первую очередь аналитическая категория, предназначенная для описания типологически близких между собой групп памятников. Иными словами, это интеллектуальная абстракция, продукт мышления исследователя (Крадин 2009: 10-11). То есть реальность такого культурного явления, как археологическая культура, предположительна. Тем более сложно говорить о соответствии ему какой-то общности людей, каковую эта культура якобы позволяет идентифицировать.

По проблеме соотношения археологической культуры и этноса написано уже немало, и несовпадение археологической культуры и этноса давно стало общим местом. Так, различие между процессами этногенеза и культурогенеза хорошо показал Л.С. Клейн (Клейн 2013: 338 и далее).

Несмотря на то, что археологическая культура априори не может рассматриваться как объективно существующая реальность, все же, как правило, их выделение имеют под собой основания. Сарматскую эпоху делят по археологическим культурам на три периода – раннесарматский, среднесарматский и позднесарматский. Смены культур происходили в первую очередь благодаря миграциям. В реальности за этими периодами стоят пять волн миграций и пять разных сарматских эпох. Дело в том, что в археологических материалах номадов абсолютно преобладают погребальные комплексы. Таким образом, когда мы говорим об археологических памятниках номадов раннего железного века, речь идет о погребальной практике –

важнейшей части традиции оставившей его населения.

При анализе экономики погребальной обрядности следует иметь в виду разную информативность погребального обряда для разных сарматских культур. Погребальный обряд является отражением тех идей, концепций, которые господствуют в обществе. Три сарматских эпохи/культуры (понятие культура и эпоха по отношению к трем этапам сарматской культуры используются исследователями как синонимичные) связаны с разными этническими группировками, и за ними скрываются разные представления. При анализе информативности погребального обряда важно понимание идей, лежащих в основании концепции погребального обряда. И.В. Сергацков предположил, что в погребальном обряде раннесарматской культуры отражена идея социума. Она нашла воплощение в курганах-кладбищах, т.е. размещении в одном кургане нескольких, часто более десятка впускных погребений. Считается, что это семейные и клановые погребения. В среднесарматскую эпоху распространяются индивидуальные захоронения в курганах. Важнейший признак среднесарматской культуры – погребения в подквадратной могиле с диагональным размещением костяка, ориентированного головой на юг. По мнению И.В. Сергацкова в основу погребального обряда среднесарматской эпохи легла идея формирования космоса (Сергацков 2006). Т.е. при проведении погребального обряда и при сооружении погребения руководствовались идеей конструирования космоса (Вдовченков 2015).

Далеко не все погребальные комплексы донских сарматов изучены и введены в научный оборот. Так, из трех сарматских культур Нижнего Подонья полностью исследованы только раннесарматские памятники (Глебов 2010). Среднесарматские и позднесарматские памятники еще не обработаны полностью и не обобщены.

Изучение погребальных комплексов затруднено в связи с тем обстоятельством, что многие погребения ограблены, в том числе и

современиками. Кстати, сам феномен древних ограблений у сарматов только недавно стал предметом исследования (Яценко, Вдовченков 2013).

При изучении сарматов большую роль играет исследование городищ и некрополей поселений Нижнего Дона. Большое значение для изучения истории сарматов имеет Танаис. Исследования на территории городища и некрополя древнего Танаиса ведутся уже более 150 лет. С 1955 г. археологически раскопки проводятся ежегодно. Особое место в них занимает изучение курганного и грунтового могильника, окружавшего город с трех сторон. В последние годы произошло значительное увеличение количества открытых объектов городского некрополя. Только с 2006 г. по 2014 г. в рамках спасательных работ здесь было исследовано более 1200 погребений.

Сложность интерпретации археологических материалов как источника приводит к необходимости применения комплексного подхода на основе привлечения археологических, этнографических, палеозоологических, антропологических и других данных.

Существенно дополняет археологические исследования **естественнонаучные методы**, которые могут внести ясность в вопросы социальной реконструкции. Анализ содержимого сосудов в погребениях (Демкин, Демкина 1999), экологические аспекты скотоводства, климат (Демкин 2012; Хохлова и др. 2007, 2009), изучение времени погребения по остаткам растений, рацион питания – все это позволяет нарисовать достоверную картину прошлого и сделать социальную реконструкцию более полной.

Данные **биологической антропологии** дают нам информацию о физическом типе, половозрастных, физиологических особенностях людей – носителей археологических культур, а также их физических и психических нагрузках и травмах. Биологическая антропология позволяет исследовать любопытный социальный феномен – традицию деформации черепов, фиксируемая в позднесарматское время

Коллекции донских некрополей обрабатываются антропологами. Недавно была опубликована монография Е.Ф. Батиевой, посвященная населению Нижнего Дона в эпоху раннего железного века (Батиева 2011). Совместные исследования вместе с археологами организует М.А. Балабанова, которая делает упор на изучении населения Поволжья. Результатом работы группы археологов и антропологов стала публикация коллективной монографии «Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология» (Балабанова и др. 2015).

Лингвистические материалы являются важным дополнением к имеющимся у нас сообщениям древних авторов и археологическому массиву данных. Лингвистические материалы являются важным источником при проведении этнических исследований, поскольку позволяют нам определить языковую принадлежность древних народов и племен. Язык же выступает как один из определяющих признаков этноса. Этнонимы, топонимы и антропонимы являются источником ценной информации по сарматскому обществу. Особо следует отметить результаты изучения надписей из Танаиса, которые дали большой массив данных по языку иранских кочевников. А с другой стороны, стали самым важным свидетельством проникновения сарматов в Танаис (Абаев 1979). Работа С.В. Кулланды по скифам показывает нам перспективы анализа языка для этногенетического исследования. Из работ по языку следует особо выделить статью С.Р. Тохтасьева, посвященную анализу этнонима «сармат» (Тохтасьев 2005).

Перспективным источником по социальной истории Нижнего Подонья являются **тамги**. Их значение и информативность в исследовании родо-племенной структуры сарматских обществ еще не в полной мере осмыслены. По мнению многих исследователей, в сарматском мире тамги – это знаки коллективной принадлежности (клановой, родовой). Они могут быть знаками собственности, знаками присутствия, власти, оберегами (Ольховский 2001).

Однако в настоящее время с изучением тамг связано много вопросов, и универсальных ответов на них не существует. Обычно генезис знаковых систем связан не столько с кочевым, сколько с оседлым миром, как правило, более развитым экономически; однако тамги оказываются эффективными при функционировании именно в среде номадов,

Общепринятый термин, используемый для знаков социальной принадлежности – тамга. С.А. Яценко предлагает еще термины нишан и гакк (известные по этнографическим данным у ираноязычных народов – таджиков и осетин). Термин «тамга» в значительной степени условен. Его зарождение в среде тюркских и монголоязычных народов, конечно, откладывает свой оттенок на его значение. Но, как известно, о терминах не спорят, о них договариваются. Поскольку по поводу этого термина сложился определенный консенсус, поэтому, на мой взгляд, лучше его и использовать.

В общем массиве тамг попадают знаки, значение которых не вполне ясно. Их обычно называют тамгообразные знаки. Так, например, при работе над тамгами Танаиса и его округе насчитано около 180 знаков. Но, возможно, далеко не все они являются тамгами. Критерии тамг и их отличия от тамгообразных знаков не могут быть выработаны по внешним признакам. Ключевой критерий – это функция знака. Она может быть выявлена только культурным и социальным контекстом. Тем более что за понятием «тамгообразные знаки» могут скрываться самые многообразные символы с разными значениями. В ряде случаев в качестве тамг могут использовать не совсем обычные знаки. Конечно, тамги угадываются по стилю исполнения, или по близости формам хорошо известных тамг. Об этом говорят предметы, на которые они наносятся, используемый материал, техника нанесения.

Значительная часть знаков происходит из так называемых энциклопедий тамг. По мнению С.А. Яценко помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных и политических

акций. Знаки на таких плитах могут с высокой долей вероятности считаться тамгами. Но мы знаем много спорных ситуаций. Например, знаки на копьях из Центральной Европы (Яценко, Добжаньска 2012). Рядом с предполагаемыми тамгами мы видим символы солнца, луны и другие знаки.

Новый язык описания социальной реальности – тамги – оказался чрезвычайно удобен и востребован номадами Европы. Но обилие разнообразных знаков в материальной культуре кочевого и оседлого населения Восточной Европы заставляет нас быть осторожными при их изучении. Требуется осмысление этих знаков и формирование функционального понятийного аппарата.

Важнейшим источником для социальных реконструкций древних обществ являются **данные этнографии и предполагаемые этнографические параллели.**

Номады Евразии в эпоху средневековья и нового времени – в основном тюркоязычные и монголоязычные кочевники, а ираноязычные номады были вытеснены в горы и смешались с другими народами (осетины). Большое влияние на традиционные культуры оказали также мировые религии. Поэтому сравнение тюркоязычных кочевников и сарматов, или калмыков и сарматов имеет смысл, когда речь идет об экологии номадизма, хозяйственном укладе. Что же касается мифологии, религиозных представлений, традиций, то такие параллели носят довольно спорный характер.

Но анализ этнографии осетин и таджиков позволил выявить много интересных сходжений с сообщениями античных авторов. Горы, куда отступали вытесненные с равнин народы – это своеобразные этнографические заповедники. Анализ осетинской этнографии, особенно погребальной обрядности, показывает результативность таких параллелей (Яценко 1998).

В первых социальных исследованиях ранних номадов исследователи в большей степени ориентировались не столько на материалы погребальных

сооружений, сколько на сведения, содержащиеся в античных трудах. Однако в дальнейшем пути исследователей разошлись. Археологи сосредоточили свое внимание на археологических культурах, а этнографы – на изучении этнографических материалов и разработке теоретических вопросов. В итоге социальная организация кочевых обществ изучена достаточно подробно. При этом ее основные параметры мало изменились со времен древности, что позволяет привлекать для интерпретации сравнительно-исторический метод и этнографические сведения. С точки зрения социальной антропологии вполне допустимо использовать данные по средневековым кочевникам и кочевникам нового времени. При всем том, что они отличаются от ранних номадов (новые технологии, влияние мировых религий, более тесные контакты с оседлыми обществами серьезно повлияли на кочевников), тем не менее, ключевые особенности номадов связаны с их особым типом хозяйствования, который не мог сильно измениться (так называемый номадный способ производства). Это позволяет нам выводы и закономерности, выявленные у позднейших кочевников, распространять на ранние эпохи и пытаться более полно понять контекст тех отрывочных сообщений, которые до нас донесли древние авторы.

Применение достижений современного кочевниковедения к археологическим материалам и данным античной традиции позволяет получить новые данные по социальной истории ранних номадов. Эти этнографические материалы могут использоваться как при формировании подходов к изучению номадов, так и при использовании конкретных методик исследования. Без сравнительного материала этнографии археолог останется перед набором археологических фактов, интерпретировать которые адекватно он не сможет.

Историография и степень изученности проблемы. Сарматология – одно из новых и интенсивно развивающихся направлений отечественной истории и археологии. Здесь достигнуты очевидные успехи, в первую очередь благодаря

масштабным раскопкам 1950 – 1980-х гг. В центре внимания ученых традиционно находятся следующие проблемы: публикация и первичная обработка археологических комплексов; происхождение культур (проблема, решаемая к руслу противостояния концептов миграционизма и автохтонизма); хронология; этнические реконструкции на базе письменных и археологических данных, а также попытки этнополитических реконструкций отдельных эпизодов сарматской истории.

Несмотря на интенсивные исследования этнокультурных процессов у сарматов, мы можем отметить слабую изученность социальной истории и общественных отношений у сарматов. Эти вопросы меньше привлекали внимание. Сложилась в известной степени парадоксальная ситуация: для общества, археологически изученного очень полно и известного по данным античной традиции, мы имеем относительно немного работ по социальной проблематике, и еще ни одного – монографического. Причина в состоянии письменных источников. Античная традиция весьма фрагментарна – для сарматов нет своего Геродота. А другая, еще более важная причина, состоит в том, что проблема социальных реконструкций по археологическим данным отличается значительной сложностью. И все же практически все крупные исследователи, обращавшиеся к сарматской проблематике, так или иначе, касались проблем социальных отношений у сарматов.

Начальный этап социальных исследований у сарматов связан с изучением письменных источников. Основателем сарматологии по праву может считаться М.И. Ростовцев. В своих трудах он впервые дал широкую и достоверную картину истории сарматов. Основой для его построений служили письменные источники и материалы археологических раскопок, которые надежно уже могли быть сопоставлены с сарматами. Он характеризует сарматов как «кочевое племя конных дружинников» (Ростовцев 1918: 128). Строй государственной жизни, как писал М.И. Ростовцев, отличается от скифского большей расщепленностью

и разбитостью (Ростовцев 1918: 129). Большое значение в истории сарматов М.И. Ростовцев придавал миграциям, и эта позиция критиковалась советскими исследователями, исходящими из концепции автохтонизма.

Второй этап изучения сарматов (1920 – 1980-е гг.) связан с расширением археологической базы исследований. Археологические комплексы становятся основным источником изучения сарматов. Хронологически этот этап совпадает с советским периодом отечественной истории, что отразилось в специфике и направленности исследований. Характерный признак советского этапа – автохтонизм, закрепленный трудами Б.Н. Гракова и унаследованный следующими поколениями советских археологов (и противостоящий миграционистским построениям М.И. Ростовцева, исходящего в этом вопросе из данных письменных источников).

В 1950 – 1980-е гг. проводятся масштабные раскопки, проводимые экспедициями в ходе новостроечных работ. В оборот вошло множество как рядовых, так и элитных погребений. В результате появляются монографии по археологии и истории сарматов разных регионов. Особое внимание археологов элитные погребения стали привлекать в 1980-е гг., когда были исследованы и опубликованы богатейшие комплексы преимущественно среднесарматской культуры. Автохтонизм постепенно сменяется пониманием важности миграций в процессе формирования сарматских культур.

Практически все крупные исследователи, обращавшиеся к сарматской проблематике, так или иначе касались проблем социальных отношений у сарматов. Монографии по археологии и истории сарматов разных регионов (К.Ф. Смирнов, А.М. Хазанов, А.С. Скрипкин, М.Б. Щукин, А.В. Симоненко, В.Е. Максименко, А.П. Медведев и др.) подводят нас к решению проблем социальной истории.

Военную организацию сарматов и проблему возникновения и функционирования катафрактарной конницы рассматривал А.М. Хазанов

(Хазанов 1971). Своего рода итоговым трудом по изучению сарматского общества в свое время стала статья М.Г. Мошковой, написанная в масштабной работе «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» и посвященная экономике и социальным отношениям у сарматов. Автор использовала наработки советских исследователей, особенно А.М. Хазанова.

Одну из самых значительных работ по социальной истории сарматов написал Ф.Х. Гутнов (2001), опираясь на археологию, фольклор и письменные источники. Очень важен подход, используемый автором – анализ отдельных социально-политических институтов – царской власти, дружины, мужских союзов.

Третий этап (1990-2010-е гг.) характеризуется сокращением объемов полевых исследований и осмыслением результатов масштабных раскопок предшествующего периода. Это позволило успешно решать традиционные проблемы сарматологии и ставить новые задачи.

В центре внимания в этот период находятся элитные погребения. Если до середины 1980-х годов археологов интересовали, в основном, погребения рядовых скотоводов, то в последнее время исследователи акцентируют свое внимание на богатых комплексах. Появляются новые подходы, пересматриваются данные античных авторов. При изучении сарматского общества все большую роль играют данные биологической антропологии (Е.Ф. Батиева, М.А. Балабанова). Для анализа социальных процессов у сарматов все чаще привлекается такой перспективный материал, как тамги (Яценко 2001).

Отдельного внимания заслуживают работы по статистической обработке археологических памятников. К сожалению, сарматские древности редко были предметом социальной реконструкции, в то время как для истории скифов, северокавказских аланов и донских аланов раннего средневековья такие исследования уже есть (Бунатян 1985; Коробов 2003 и др.). Известная коллективная работа по статистической обработке памятников сарматского

времени в большей степени касались общекультурных тенденций (Статистическая обработка 1994; Статистическая обработка 1997; Статистическая обработка 2002; Статистическая обработка 2009).

Значительное внимание уделяется сюжетам политической истории и проблемам взаимодействия сарматов и Боспора, а также роли сарматов в крушении Скифии. Из всех региональных вариантов сарматских политий пристальнее всего анализируются царство Фарзоя и Инисмея, нижнедонская Алания, царство сираков. Разворачивается дискуссия о правомерности использования в отношении сарматов таких понятий как государство, вождество, кочевая империя. Все большее внимания уделяют исследователи отношениям сарматов с внешним миром и экзополитарному способу производства. Традиционно на страницах литературы возникают вопросы о положении женщин у сарматов (Хазанов 1970; Зуев 1996; Яценко 2007).

В последнее время в вопросе изучения сарматского общества произошли заметные подвижки. Это не только введение в научный оборот новых материалов (например, Безуглов, Глебов, Парусимов 2009). Следует приветствовать выход новой монографии по половозрастным субкультурам сарматов Поволжья (Балабанова и др. 2015). В 2015 г. вышла коллективная монография по элитам у кочевников (Элита в истории 2015).

В целом в сарматологии социальная проблематика еще не рассматривалась так подробно, как на скифском или сибирском материале. Это хорошо заметно на примере сборника «Социальная структура ранних кочевников Евразии» (Социальная структура 2005).

В связи с тем, что история скифов и сарматов связана в основном с территорией России, Украины, то и основные исследования принадлежат российским и украинским археологам и историкам. Именно отечественные авторы преимущественно осуществляли социальные реконструкции обществ номадов. Вклад в обозначенную тематику западных авторов на настоящий

момент не настолько значителен, чтобы говорить о каких-то сложившихся историографических тенденциях.

Значительный отклик вызвали в свое время работы Я. Хармагты и Т. Сулимирского. Из зарубежных исследований следует обратить внимание на работы венгерских археологов, связанные с изучением сарматов Среднего Дуная, особенно Эштер Иштванович и Валерии Кульчар.

Подводя итог изучения сарматского общества, следует указать на неразработанность целого ряда проблем – экономики сарматов, социальных и потестарных институтов, изучение половозрастных групп и мужских и женских субкультур по регионам и т. п.

Личное участие соискателя в получении результатов, изложенных в диссертации.

Диссертация является самостоятельным научным исследованием и вносит вклад в научную разработку рассматриваемой проблематики. Проблема социальной реконструкции сарматского общества в таком объеме ставится впервые. В решении исследовательских задач автору приходилось самостоятельно ставить и решать многие научные задачи (статистический анализ археологического материала для социальных реконструкций, изучение экономики сарматов, анализ экзополитарных отношений и т.д.). Для решения оставленных задач автором был вынужден привлечь данные из смежных областей исследования (анализ ограблений у сарматов, анализ тамгообразных знаков из Танаиса, изучение социальной истории скифов).

Апробация результатов работы. Основные положения и выводы диссертации изложены в двух монографиях, а также в 15 статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и в 58 научных публикациях (статьи в журналах и сборниках, материалы и тезисы конференций).

Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях

кафедры археологии и истории древнего мира ИИМО ЮФУ и проходящих в ЮФУ конференциях.

Разделы работы были представлены на международных конгрессах этнографов и антропологов России (С.–Петербург, 2005 г.; Петрозаводск, 2011 г., Москва, 2013 г.; Екатеринбург, 2015 г.);

конференциях Института всеобщей истории «Восточная Европа в древности и средневековье», XXIII, XXV и XXVII, XXVIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто (г. Москва, 2011, 2013, 2015, 2016);

круглых столах «Цивилизация и варварство» (г. Москва, ИВИ РАН, 2012-2015 гг.);

VIII и IX Всероссийской научных конференциях «Проблемы сарматской археологии и истории» (г. Уфа, 2014; г. Оренбург, 2016);

археологических конференциях студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» в 2012-2015 гг. (г. Ростов-на-Дону);

конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций. Пятая международная конференция» (г. Москва, 2009 г.);

международной конференции "Древние культуры степей Евразии и их взаимодействие с цивилизациями", посвящённой 110-летию со дня рождения М.П. Грязнова (г. С.–Петербург, 2012 г.);

международной конференции «Древняя Русь и Средневековая Европа: возникновение государств» (г. Москва, 2012 г.);

международной школе-конференции молодых учёных «Культурные границы и границы в культуре» (г. Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 2012 г.);

Всероссийской конференции молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования» (г. Москва, Институт археологии РАН, 2013 г.);

международной научной конференции «Боспорский феномен. Греки и

варвары на Евразийском перекрестке» (г. Санкт-Петербург, 2013 г.);

IV Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Саратов, 2013 г.);

международной научной конференции «Война и военное дело в скифо-сарматском мире», посвящённой памяти А.И. Мелюковой (ЮНЦ РАН, 2014 г.);

7 международной научной конференции "Cliodynamics: complex systems analysis and mathematical modeling of global, regional and country dynamics" (г. Москва, 2014 г.);

всероссийской научной конференции «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (г. Ростов-на-Дону, 2014 г.);

XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (г. Санкт-Петербург, 2015 г.);

научной конференции «Власть и насилие в незападных обществах: проблемы теоретического осмысления и опыт практического изучения», (г. Москва, 2015, 2016 гг.);

всероссийской научной конференции «Война и воинские традиции в культурах народов Юга России» (V-е Токаревские чтения) (г. Ростов-на-Дону, 2016 г.), а также других конференциях и круглых столах.

Результаты работы также нашли отражение в реализации научных проектов РГНФ:

«Сарматские тамги Танаиса и его округа: публикация и историческая интерпретация» (2012-2013 гг., исполнитель);

«Танаис накануне катастрофы: закрытые комплексы второй четверти III в. н. э.» (2015 г., исполнитель);

X Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (2015 г., руководитель проекта).

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование объемом 13 а.л. состоит из введения, четырех глав, заключения, списка

сокращений, приложения и списка использованных источников и литературы.

Глава I. Социальные и этнические реконструкции сарматского общества: теория и практика

§ 1. Методология и методика исследования: в поисках социального у сарматов

Исследование специфики кочевнического общества – непростая задача, и в настоящее время у исследователей нет консенсуса по поводу методологических подходов к решению этой проблемы. Сложность методологической концептуализации общества номадов показывает хотя бы тот факт, что в настоящее время существуют в том или ином виде основные методологические подходы, используемые при их исследовании: цивилизационный и стадийные одно- и многолинейные теории (в числе популярнейших – марксизм, мультиэволюционистские теории, неозволюционизм, мир-системный подход).

В методологическом плане в отечественной науке на протяжении большей части XX в. доминировал догматический марксизм, который оказал на все исторические исследования сильнейшее воздействие. Однако при рассмотрении проблем номадов возникали серьезные сложности. Марксистская методология слабо применима к кочевникам. Кочевников пытались втиснуть в рамки формационного подхода, говоря о кочевом феодализме, предклассовом обществе номадов, раннем государстве и даже рабовладельческом строе. Значительная дискуссия развернулась вокруг «кочевого феодализма» (подробная историография «кочевого феодализма»: Крадин 2007: 14-16). Однако, подводя итоги этой дискуссии, следует указать на слабые места этой теории. Мы не видим у верхушки номадов монополии на средство производства (скот и землю). Возможности эксплуатации соплеменников у них были резко

снижены по сравнению с оседлыми обществами.

Однако при рассмотрении проблем кочевников возникают серьезные сложности. Марксистская методология слабо применима к кочевникам. Так, непонятно, к какой формации относить кочевников. С одной стороны, мы видим у кочевников племенную структуру социума, не эволюционное, а скорее циклическое развитие общества в силу природных и политических причин (миграции, нашествия, природные катастрофы – эпизоотии, эпидемии, бураны, джуты), отсутствие стабильного прибавочного продукта, сопоставимого с земледелием. В политическом же плане кочевники выглядят намного более развитыми. Они создавали империи, потрясавшие весь мир, а потом, распадаясь, все равно оказывали ощутимое политическое влияние на жизнь регионов и даже континентов – вплоть до наступления Нового времени.

Долгое время в советское время исследователи пытались приспособить марксизм и использовать его для изучения кочевнических обществ (на наш взгляд, не очень успешно). Отход от марксистской парадигмы привел к постепенному распространению в отечественном кочевниковедении новых методологических подходов и теорий, характерных в основном для западной социокультурной антропологии: многолинейный подход, мир-системный анализ. Большое значение имеет культурный эволюционизм, в рамках которого прослеживаются универсальные аспекты изменений в обществах. Особую значимость для исследований кочевниковедов приобрела концепция вождества.

Наличие пережитков первобытности – и очевидной социальной стратификации, мощное политическое влияние на соседей – и простота быта кочевников, достаточно эгалитарное общество – и частносемейная собственность на скот ставили исследователей в тупик. Несоответствие базиса и надстройки сразу же бросалось в глаза. Кочевников пытались втиснуть в рамки формационного подхода, говоря о кочевом феодализме, предклассовом обществе кочевников, раннем государстве и даже рабовладельческом строе.

Значительная дискуссия развернулась вокруг «кочевого феодализма» (подробная историография «кочевого феодализма»: Крадин 1992). Однако, подводя итоги этой дискуссии, следует указать на слабые места этой теории. Мы не видим у верхушки номадов монополии на средство производства (скот и землю). Земля находилась в общеплеменной собственности, а скот – семейной. Кочевая знать не могла закрепить за собой монопольное право ни на скот, ни на землю. Возможности эксплуатации соплеменников у них были резко снижены в силу ряда причин – отсутствия стабильного, отчужденного от общества аппарата подавления, всеобщей вооруженности, высокой вероятности откочевки и миграции в случае слишком сильного давления и т.д.

Отказ от идей феодализма сделал популярной идею характеристики номадов как предклассового общества. Но тогда возникает вопрос о природе кочевых империй, которые невозможно возвести на экономическом фундаменте предклассового общества. Исходя из развития экономики номадов, мы не можем объяснить, почему на одном экономическом фундаменте кочевого скотоводства могут появиться как практически эгалитарные общества, так и общества со значительной степенью стратификации и даже империи, и переходы между этими состояниями происходят очень динамично. Таким образом, нестыковки и сложности использования догматического марксистского подхода затрудняют его применение при анализе социальных отношений у номадов. Если советские историки старались втиснуть кочевников в прокрустово ложе формационных схем, то у нас нет такой потребности. Справедливости ради следует указать на то, что марксизм не исчерпал своих возможностей и способен развиваться. Об этом говорят работы Ю.И. Семенова и В.П. Илюшечкина (Илюшечкин 1990; Семенов 2003: 462-463). Однако значительных перспектив в рамках марксистской концепции для номадологии, по нашему мнению, пока не прослеживается.

Отход от марксистской парадигмы привел к постепенному

распространению в отечественном кочевниковедении новых методологических подходов и теорий, характерных в основном для западной социокультурной антропологии: многолинейный подход, мир-системный анализ. Большое значение имеет культурный эволюционизм, в рамках которого прослеживаются универсальные аспекты изменений в обществах. Особую значимость для исследований кочевниковедов приобрела концепция вождества.

Как ответ на недостатки марксистского подхода возникла концепция номадного способа производства. Особый путь развития номадов первым выделил Г.Е. Марков, а затем эту же идею высказал французский антрополог П. Бонт (Марков 1976). Исследователи показали, что для всех номадов характерны следующие черты: племенная структура социума, частносемейная собственность на скот, социальная стратификация, основанная на имущественном расслоении, привилегированное положение военных предводителей, племенная собственность на пастбища; система патриархально-генеалогических связей. Главная специфическая особенность кочевников, из которой следуют все эти особенности кочевого социума – это биологические средства производства, слишком зависимые от экологических факторов. В силу этого существуют естественные пределы концентрации средств производства (Масанов 1995: 213-224). Номады не имеют достаточного количества прибавочного продукта, который к тому же очень нестабилен – скот можно утратить в результате нашествия или одной зимы, что не позволяет закрепить верхушке общества свое преимущество.

Хотя базовые положения особого номадного производства трудно оспорить, при этом следует учесть его незначительный эвристический потенциал. Ведь разница между относительно эгалитарными акефальными номадными общинами и кочевыми империями этим подходом практически не учитывается. Поэтому, отметив наличие номадного способа производства у сарматов, мы не в состоянии двинуться дальше и получить объяснительную

модель развития сарматского общества.

Очень значимы работы одного из ведущих нomaдологов А.М. Хазанова. Одной из фундаментальных идей, которую исследователь развивает в своих трудах, является зависимость нomaдов от оседлого мира. Любая специализация означает большую зависимость. Само появление нomaдизма в конце II – начале I тыс. до н. э. является приспособлением хозяйства и общества к аридным зонам Евразии. Однако его появление, видимо, было связано с развитием оседлых обществ и формированием пояса цивилизаций на окраине степного и пустынного мира. Чем более специализированы подвижные скотоводы, тем более зависимыми становятся они от земледельцев. Специалисты неоднократно отмечали неавтаркичность нomaдов в изучаемых ими регионах (Хазанов 2000: 170) – без активного взаимодействия с оседлым миром само существование нomaдизма невозможно. В свете этого дихотомия между чистыми кочевниками и полукочевниками не является принципиальной. Точно так же, как полукочевники вынуждены сочетать кочевание с земледельческим укладом и использовать элементы оседлого образа жизни, «чистые» кочевники обращаются за необходимыми для них продуктами оседлого мира, только находят их за пределами своего социума. Обретение необходимых для них продуктов происходит в результате торговли, даннических отношений, подарков и т.п. Таким образом, нестабильность и неавтаркичность экономики можно считать почти неизменными атрибутами кочевого скотоводческого хозяйства. Для преодоления их у нomaдов имелось два пути. Первый – седентеризация, которая, если она затрагивает все кочевое общество, обычно бывает связана с его коренной структурной ломкой, однако в занятой нomaдами природной зоне она почти никогда полностью не осуществима (Хазанов 2000: 171). Второй путь заключается в приобретении различными способами необходимых продуктов в соседних оседлых обществах.

Идея зависимости нomaдов от земледельцев представляется очень

продуктивной для анализа обществ сарматов. Необходимость контактов с земледельческим миром заставляет нас по-новому посмотреть на отношения номадов с населением античных государств (Боспором, римскими провинциями), населением варварских городищ лесостепной и степной зон и т.п. Отдельно привлекает к себе внимание проблема взаимодействия с так называемыми меотами нижнедонских поселений I –III вв. н. э. Также эта идея позволяет рассмотреть процессы седентеризации у сарматов – проблему, слабо освещенную в науке.

Между кочевниками и оседлым миром происходило постоянное и интенсивное взаимодействие. По мнению А.М. Хазанова, мобилизация номадов и размер образуемых ими политий напрямую зависели от сил и масштабов противостоящего им земледельческого общества. Так, крупные кочевые империи у номадов являются ответом на земледельческое окружение, и в качестве иллюстрации приводятся обычно отношения Китая и его кочевой периферии (Барфилд 2009).

Развитием идей А.М. Хазанова, только с упором на политические процессы, является концепция экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов, которую разрабатывает Н.Н. Крадин (Крадин 2007: 34-37). У кочевников нет внутренних ресурсов для развития, и вместе с тем они нуждаются в продукции оседлого общества. Это заставляет их прибегать к военной силе (где у них есть очевидные преимущества) для извлечения у соседей прибавочного продукта. Сохраняя у себя традиционные племенные структуры, вполне эффективные для военной мобилизации, а также относительную однородность общества¹, номады формируют экономический фундамент своих политических образований вне степи. Таким образом, для

---

¹ Эта однородность, наличие кочевнического «среднего класса» является важным условием военной успешности. В случае размывания однородности номадов и имущественного расслоения военная эффективность обычно снижается.

оседлого населения номады могут рассматриваться как ксенократическая надстройка над земледельческим базисом. Это не классический марксизм, в котором государство может появиться только в силу внутренних причин. Задача эффективного правителя – заставить оседлых соседей «делиться» - будь это торговля, успешные войны, подарки, даннические отношения. Экзополитарный способ производства предполагает в дальнейшем редистрибуцию правителем полученных продуктов (добычи, дани, подарков, товаров). Эту же идею высказывает один из известнейших специалистов по кочевникам Т. Дж. Барфилд: «Несмотря на то что образ жизни и методы разведения скота у кочевников были весьма схожими (имевшиеся отличия были обусловлены в основном экологическими условиями), политическая организация каждого племени, его экономические связи с окружающим миром и степень централизации варьировали в очень широких пределах. Различия, по-видимому, были связаны не с внутренним развитием, а с характером внешних сношений» (Барфилд 2009: 3).

С.А. Васютин несколько корректирует точку зрения Н.Н. Крадина, предлагая рассматривать экзополитарные отношения не как способ производства, а как вид эксплуатации, который по отношению к главному номадному способу производства выступает как уклад (Васютин 2002: 64).

Как показал А.М. Хазанов, социальное неравенство в кочевых обществах имеет три источника (Хазанов 2000: 274 и далее): 1) потребность в организации политической власти; 2) систему взаимоотношений кочевников с другими кочевыми обществами; 3) систему взаимоотношений с оседлыми земледельческо-городскими обществами. Третий источник является наиболее мощным для развития неравенства, поскольку внутренние ресурсы социума номадов, как уже было указано, совершенно недостаточны. Систематически эксплуатировать номадов, изымая часть прибавочного продукта, практически невозможно, в отличие от земледельческих обществ.

В применении к сарматам идея экзополитарного способа производства представляется плодотворной. Рассмотрение политических процессов у самих сарматов и политического взаимодействия с оседлыми центрами в ракурсе ксенократической модели позволяет нам лучше понять действующие при этом механизмы внутри самого общества номадов и отношения с соседними племенами и государствами.

В последние десятилетия значительные достижения в области социальной антропологии связаны с культурным эволюционизмом, в рамках которого рассматриваются универсальные аспекты изменений в обществах. Исследователи, руководствуясь этим подходом, ищут стадии развития общества, через которые проходят разные народы. Одна из самых удачных моделей была создана Э. Сервисом и включает в себя следующие этапы: локальная группа, община, племя, вождество, архаичное государство, государство-нация (Service 1975). Критика его положений позволила исключить племя из этого ряда последовательного развития как необязательное звено. Важный момент в эволюционизме – отсутствие представлений о неизбежном прогрессе человеческих обществ. По Х.Дж.М. Классену социальная эволюция – это не прогрессивный рост человеческого общества, а качественная реорганизация общества из одного структурного образования в другое (Крадин 2007: 25). Это заключение очень ценно для номадов, у которых частой является такая картина – могучая и процветающая кочевая империя распадается на десятки враждующих объединений. Для линейных схем XIX в. это однозначный регресс, однако согласно концепции эволюционизма это просто очередной виток социальной эволюции, переход общества номадов в новое качество.

Н.Н. Крадин для кочевников предлагает следующие варианты эволюции (Крадин 2007: 26):

1. акефальные, сегментарные, клановые и племенные образования;
2. «вторичное племя» и вождество;

3. кочевые империи и «квазиимперские политии» меньших размеров.

Для сарматского общества наиболее типичны, видимо, вторичное племя, вождества и политии с высокой долей подчиненного оседлого населения.

Как указывает Н.Н. Крадин, эволюция у кочевников подразумевает только трансформацию политической системы, в то время как наблюдается несоответствие другим критериям роста сложности (плотность населения, усложнение технологии, функциональная специализация, структурная дифференциация). Действительно, характер экономики подвижных скотоводов не позволяет серьезно изменить плотность населения или перейти к более сложной модели общества. Технологии все же оказывали значительное влияние на нomaдизм, особенно технологии, связанные с войной и коневодством. Следует отметить такие важнейшие новшества, меняющие облик и политический вес нomaдов, как юрта, стремена, сабля, гуннский лук, жесткое седло и т.п. Однако влияние этих технологических изменений было узконаправленным и не может сравниться по масштабам и последствиям с технологическими изменениями в земледельческих обществах.

Отдельно следует сказать о вождестве и государстве. Проблема существования государства у нomaдов уже неоднократно обсуждалась в литературе. Можно присоединиться к точке зрения, что у нomaдов нет внутренней необходимости для создания государства. Вопрос о том, достигают ли политии нomaдов государственного уровня, является дискуссионным и должен решаться в каждом конкретном случае, однако в большинстве случаев об этом можно говорить вполне определенно. Что же касается вождества, то исследователями признается применение этого термина в отношении политических организаций нomaдов. Вождество – это промежуточная форма социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более

легального репрессивного и принудительного аппарата (Service 1975: 15).

Вождества можно зафиксировать и у кочевников. В частности, все выделенные признаки вождества в той или иной степени просматриваются у сарматов. Вождества выделяют простые, сложные, суперсложные. Кочевые империи, по мнению Н.Н. Крадина, являются суперсложными вождествами. От сложных вождеств они отличаются размерами и важным качественным признаком – институтом наместников. Впрочем, у сарматов мы не видим таких масштабных кочевых империй, как у хунну или жужаней.

Помимо Н.Н. Крадина, свою типологию предложил С.А. Васютин, который выделил семь типов потестарно-политических систем кочевников (Васютин 2002: 68-69):

1. Кочевые суперимперии (один из видов раннегосударственных образований);
2. Кочевые ксенократические империи, важной чертой которых являлась сложная этническая и родоплеменная стратификация;
3. Этнически более или менее монолитные образования номадов (вождества);
4. Созданные кочевниками образования с высокой долей подчиненного оседлого населения;
5. Децентрализованные, аморфные, не имевшие единой организации "политии", но территориально крупные образования с многочисленными традиционными вождями – главами родоплеменных структур;
6. Локальные децентрализованные группы с родоплеменной структурой;
7. Развитые государства, созданные кочевниками на территории земледельческих центров (завоевательные империи по Н.Н. Крадину).

Эта типология нуждается в дополнительном обосновании и четком прописывании критериев каждого из типов. Однако уже сейчас можно сказать, что для сарматского времени не характерны кочевые империи, сопоставимые с

такowymi у восточных кочевников, противостоящих Китаю. Более типичны, видимо, вождества и политики с высокой долей подчиненного оседлого населения. Также существовали локальные децентрализованные группы с родоплеменной структурой.

В отличие от стадильных и эволюционных концепций теория цивилизаций делает упор не на универсальные, а на особенные и специфические признаки обществ. В отечественной науке цивилизационный подход привлек к себе значительное внимание в конце 1980-х – 1990-е гг. С ним связывали значительные надежды, поскольку советский марксизм утратил господствующие позиции в отечественной науке. Со временем выяснилось, что надежды на цивилизационный подход не оправдались.

Классик цивилизационного подхода А.Дж. Тойнби выделил застывшую цивилизацию номадов (Toynbee 1948: 263). Действительно, номадизм в эволюционном плане «тупиковая ветвь развития» в силу экономических ограничений, хотя политическое и культурное влияние номадов на мировую историю велико непропорционально слабости их экономики.

Но хотелось бы отметить, что популярный в определенной литературе термин «цивилизация номадов» не совсем правомерен. Единой цивилизации номадов не существовало. Не было религиозного, этнического, политического единства. Не может быть и речи о том, чтобы объединить в одну цивилизацию скифов, кочевых арабов и монголов. Те общие черты, которые присущи кочевникам, мировоззренческие и культурные установки определяются типологическим сходством, многие черты носят стадильный характер.

Сам подход, рассматривающий мировую историю через призму локальных цивилизаций, не исчерпал себя полностью, и содержит определенный потенциал. Если исходить из концепции локальных цивилизаций, то можно использовать понятие цивилизации, понимая ее как регионально-культурное образование. Можно выделить локальные цивилизации-культуры у

номадов, в основе которых может находиться этнокультурная общность или устойчивая политическая структура, такая, как Золотая Орда. Если рассматривать сарматов как часть иранского этнокультурного мира («иранской цивилизации»), то такой взгляд, по нашему мнению, вполне оправдан. Кочевой иранский мир господствовал в степной зоне Евразии. Близость сарматов оседлому иранскому миру (той же Парфии и Персии) вполне осознавалась, видимо, самими сарматами. Так, близость верхушки парфян с прикаспийскими ираноязычными кочевниками – широко известный факт. Мы, таким образом, можем оперировать понятием иранская цивилизация, но в связи с тем, что понятие цивилизация уже вызывает весьма неоднозначную реакцию, лучше использовать понятие иранский мир, или по М.И. Ростовцеву – иранство. Название работы М.И. Ростовцева «Эллинство и иранство на юге России» подразумевает иранскую этнокультурную общность в широком смысле этого слова.

Если понимать под цивилизацией, в том числе, и самую общую форму идентичности и самосознания, то в таком виде концепция локальных цивилизаций весьма любопытна и заслуживает внимания. Для реконструкции социальной истории она перспективна с той точки зрения, что осознание общности с иранским кочевым и оседлым миром, с иранским миром Ближнего Востока и Средней Азии не могло не влиять на политические концепции в среде самих сарматов, на осознание ими феномена политической власти. С другой стороны, нам неизвестна степень близости этой общности, и мы должны быть осторожны в оценке самосознания сарматов, тем более, что у нас нет аутентичных источников по ним.

Мир-системная теория – это еще одно интересное направление в изучении мировой истории, разработанное И. Валлерстайном (Wallerstein 1984) и другими исследователями. В этом направлении сочетаются цивилизационный и стадийный подходы. И. Валлерстайн выделил в мировой истории три способа

производства:

1. реципрочно-линейные минисистемы;
2. редистрибутивные мир-империи;
3. капиталистическая мир-система.

Под мир-империей понимается самодостаточное в экономическом отношении образование (древний и средневековый Китай, Римская империя). В новое время капиталистическая система расширяется из Европы и охватывает весь мир, формируя мир-систему. Основная масса кочевых обществ по И. Валлерстайну относится к первому способу производства. Однако нам интереснее взаимоотношения номадов с мир-империями и роль кочевников в мир-системных процессах.

Мир-системная теория – это еще одно интересное направление, разработанное И. Валлерстайном (Wallerstein 1984). Мир-системный подход стремится к междисциплинарному исследованию, обратив внимание на функционирование не отдельных обществ, а целых регионов и социальных систем. Мир-системный подход использует понятия «центр», «полупериферия» и «периферия». Экзополитарное общество номадов можно отнести к полупериферии, поскольку, будучи слабыми экономически (и в этом плане являясь классической отсталой периферией), в политическом плане кочевники оказывали серьезное воздействие на центр мир-системы (Крадин 2007: 34-37).

Номады выполняют важную роль посредников между мир-системами, позволяя проникать из одной мир-системы в другую товарам, технологической и культурной информации. Кочевники, являясь трансляторами информации, были катализаторами мировых процессов. Например, интересно проследить роль сарматов в появлении катафрактарной конницы в Европе.

Очень сложна в методологическом плане проблема социальных реконструкций на основе археологических материалов (Подробный анализ этой проблемы в современной литературе см.: Васютин, Коротаев, Крадин, Тишкин 2005). Для работы с сарматским материалом предпочтительно использовать два

подхода – процессуальную археологию и концепцию социальной сложности. В 60-х годах в западной археологии возникло новое направление – «новая археология», которая известна также под именем «процессуальной археологии» (Клейн 2009). Главной задачей провозглашался поиск научно обоснованных закономерностей развития общества. Очень важным считалось исследовать систему отношений общества со средой, установить формы его жизнеобеспечения, тип экономики, выявить природу общественных отношений, определить тип взаимодействия между отдельными социальными институтами. Поскольку главным видом археологических источников по истории номадов вообще и сарматов в частности являются погребальные комплексы, то проблема стоит в таком ключе – возможно ли, и если возможно, то насколько, реконструировать общество по материалам погребений. Процессуализм допускает здесь определенную зависимость между социальным статусом и погребальными обрядами.

Реакция на процессуализм – так называемый постпроцессуализм критиковал многие постулаты процессуализма. Согласно постпроцессуализму, религия, а не социальный статус определяет погребальные обряды. Более того, современному человеку недоступен исходный смысл, который древние вкладывали в погребальный ритуал. Но, признавая значение религиозных, культурных факторов для погребальной традиции, мы, тем не менее, не должны закрывать глаза на его материальные составляющие. Анализируя их, мы можем делать определенные заключения. Как сказал П. Уасон: «Выводы о социальной иерархии не зависят от наших знаний о том, какой смысл вкладывали люди в строительство этих сооружений. Чтение подтекста не требует знания о том, что означает сам текст» (Уасон 2003: 166. Цит. по: Васютин, Коротаев, Крадин, Тишкин 2005: 55).

Концепция социальной сложности – еще один подход со значительным эвристическим потенциалом. В 1950-х гг. американский антрополог Дж. Стюарт

предложил теорию социальной и культурной интеграции, в соответствии с которой общества развиваются в сторону увеличения сложности (имеется в виду, в первую очередь, сложность общественной организации). Говоря о необходимости определения типа общества по археологическому материалу, К. Ренфрю и П. Бан выделяют несколько основных критериев сложности социальной организации:

1. Масштаб и размер общества
2. Границы социальной системы.
3. Внутренняя организация.

При анализе сложности имеет смысл обратиться к концепциям эволюционистов. Схема Э. Сервиса (локальная группа, община, племя, вождество, архаичное государство) широко используется археологами, но, все же, предпочтительнее схема М. Фрида. По М. Фриду, развитие обществ идет от простых форм к более сложным: эгалитарные, ранжированные, стратифицированные, государства (Fried 1967). Если схема Э. Сервиса требует дополнительных исследований по поводу археологических критериев его стадий, то понятия «ранжированные и стратифицированные общества», «статус», «ранги», «стратификация» лучше подходят для работы с археологическими материалами. Это показал в своем интересном исследовании по сравнительному анализу культур бронзового и железного века А.П. Медведев, использующий понятия ранжированное и стратифицированное общества (Медведев 2002).

При анализе социальной сложности перспективно использовать энергетическую теорию власти Р. Адамса (Adams 1975). Власть можно рассматривать как контроль над энергией, который включает в себя:

1. Контроль над источниками энергии (продукция, добыча, товарооборот);
2. Контроль над накопителями энергии (склады, стада, сокровища);

3. Перераспределение энергии.

Самое ценное в этом подходе заключается в том, что он позволяет перевести археологические данные в модель социальной и политической реконструкции. Мы можем произвести исчисление трудовых затрат, оценить ценность найденных в погребениях предметов, произвести статистические подсчеты.

Реконструируя социальные структуры сарматского времени, конечно, следует помнить о многовариантности социальной эволюции и многофакторности этого процесса. Перечисленные нами методологические подходы определяют базовые установки работы. Набор применяемых методик и исследовательских процедур будет зависеть от конкретной задачи, стоящей перед исследователем.

При решении задач социальной истории номадов следует помнить об историографических штампах и стереотипах, навязанных нам античными авторами и научной традицией. Следует постоянно осмысливать вопрос о том, насколько релевантен наш язык материалу. Например, работы африканиста В.М. Мисюгина (Мисюгин 2009) выполнены в нетрадиционном ключе. Анализ африканистом реалий европейского Барбарикума наводит на размышления об используемом нами языке описания. Надо помнить о том, что методология и термины задают рамки исследования и ограничивают наше восприятие, и они не должны скрывать от нас сложности социального мира ранних номадов.

Понимание археологами социальных и этнических процессов часто слишком прямолинейно и не соответствует тому, как видят социальное социологи и социальные антропологи (Гуляева 2006). Конструируемый нами социальный образ прошлого уже предуготовлен нашими представлениями (и, кстати, представлениями античных авторов), и может сильно отличаться от реальности. В этом плане широкое знание этнографической и антропологической теории помогает избавиться от устойчивых стереотипов

сознания и историографии, и ставить вопросы по-новому.

Следует также по возможности учитывать языковую картину мира сарматов и соотносением с ней социальных и политических реалий.

В последнее время внимание археологов привлекли положения концепции новой материальности и акторно-сетевая теория (Незамеченные революции 2015). Бруно Латур в своих работах предлагает нам новое видение реальности и новую теорию знания, позволяющие объединить как социальные и естественные науки, так и объекты их изучения – природу и культуру. Согласно акторно-сетевой теории, предлагаемой Латуром, мир представлен не как совокупность субъектов и объектов, а как населенный «квазиобъектами» или «гибридами», взаимодействующими в рамках сетей (Латур 2014). Позиция Бруно Латура характеризуется как «материалистический поворот».

Огромный массив археологических данных обрабатывается довольно стандартным набором приемов и методов (анализ погребального обряда, жилищ и поселений; подсчет трудозатрат; выявление уровня богатства и социальной стратификации; анализ мужской, женской и детской субкультур и т.д.). Акторно-сетевая теория, выводящая в качестве активного участника сетевого взаимодействия артефакты материального мира, позволяет иначе взглянуть на проблему социальных реконструкций. Согласно акторно-сетевой теории, предлагаемой Латуром, мир представлен не как совокупность субъектов и объектов, а как населенный «квазиобъектами» или «гибридами», взаимодействующими в рамках сетей (Латур 2014). Например, общество номадов зависело от технических инноваций, которые серьезно меняли культурное и социальное пространство кочевого мира. В довольно ограниченном наборе предметов материальной культуры номадов каждая инновация весьма существенно трансформировала деятельность человека, способствуя созданию новых сетевых форм взаимодействия. Хорошо известно, какие последствия имели появление длинного меча, катафрактариев, стремени,

жесткого седла, сабли у кочевников. Например, появление катафрактарной конницы изменило отношения между номадами и оседлой периферией, что, согласно экзополитарной концепции политической организации сарматов, не могло не сказаться на сарматском обществе и властных отношениях. Анализ нового явления с точки зрения акторно-сетевой теории акцентирует внимание на новых практиках (поведенческих, ритуальных и т.п.), связанных с внедрением новых артефактов.

Не менее важный момент, чем рассмотрение вещей как актантов – это анализ акторно-сетевых взаимодействий. Вернее, это разворачивание логики существа предметов-актантов, вписывание их в контекст. Любое действие, институт или явление можно рассмотреть как сеть. Погребение, феномен всадничества, вожжество.

Согласно акторно-сетевой теории, именно сети делают предмет – предметом, помогают проявить предмету его свойства. То есть сети выявляют значение предмета, формируют его (Alberti 2011: 897). Процесс становления в ходе акторно-сетевых взаимодействий отмечен зарубежными авторами: «нет никаких независимых, индивидуальных “вещей” (объектов, предметов и т.д.) с заранее заданными свойствами или идентичностями, только “вещи-в-явлениях”» (Alberti, Marshall 2009: 348).

§ 2. Сарматское общество: пути этнической реконструкции

Этничность – чувство сопричастности к определенному этносу и связанная с этим система представлений, самооценки, этнических символов и т.п. В последние два десятилетия обострилась дискуссия в отечественной науке вокруг разного понимания этноса – примордиалистского и конструктивистского. Этнос как явление отражает потребность человека в причастности к общности людей (чувство единения с коллективом, продолжение рода и т.п.). Но социальные формы, через которые происходит реализация потребности в этничности у человека, ситуативны и зависят от многих факторов. Этнос может выстраиваться вокруг политического образования, коллектива мигрантов, могущественного племени, религиозной идеи и т.п.

Исследование этничности сарматов упирается в вопрос о собственно этничности, этносе у сарматов, существуют ли они и не являются ли эти понятия научными фикциями, «конструктами», созданными античными авторами вместе с современными учеными. Социальная и политическая организация номадов предполагает несколько таксономических уровней – род, племя, союз племен. Нам трудно определить, какие понятия скрываются за терминами античных авторов. Для определения этничности важно понимать, о каком уровне идет речь. Проблема в изучении этнических процессов археологами заключается также в том, что понимание этноса строится часто в ключе примордиальной концепции. Даже подчас не желая «дочитывать» и «додумывать» за источник, исследователь подсознательно воспринимает этносы как нечто цельное. Очень важно воспринимать идею многоуровневого и ситуативного характера этничности, в том числе и для номадов. Этническое сознание в древнем мире не однослойно. Ведь в разных ситуациях для номада может быть актуализирована не его «большая идентичность» (ираноязычный

кочевник – сармат – языг), а чувство племенной и клановой идентичности. На определение этнической принадлежности может повлиять также и ракурс ее рассмотрения, и контекст сообщения, и многое другое. Н.Н. Крадин приходит к обоснованному выводу, что «любые древние или средневековые этнонимы представляют собой конструкты. Эти конструкты были созданы современниками для описания народов в соответствии с их собственными представлениями» (Крадин 2009: 17). Что видели за понятием «сарматы» античные авторы? Кочевника, живущего в Сарматии, или же члена племени сарматов? Априори дать ответ невозможно – надо конкретно разбираться с каждым сообщением древнего автора.

Этнонимы, известные нам по источникам, могут быть отражением этнической идентичности, когда за общим названием стояло реальное осознание кочевниками своей общности. Однако мы можем объяснить существование единого названия для кочевников позицией соседей, которые использовали обобщающий этноним для самых разных группировок (широко известные примеры – скифы, сарматы, которые во многих случаях являлись экзоэтнонимами). В исторических источниках часто упоминаются не этнонимы, а политонимы. Эти названия могли иметь и географическую привязку – народы Скифии, Сарматии. Например, в сообщении Плиния Старшего говорится о названиях племен, связанных с регионом проживания: «имя скифов повсюду переходит в имена сарматов и германцев» (Plin. S. NH. IV, 81).

Имена могли дублироваться и использоваться в отношении самых разных народов. Некоторые этнонимы имели очень долгое хождение (этнокарта Скифии Геродота) и превратились в несуществующие фантомы. Для одних и тех же племен использовались разные именованья (общепризнанный пример – сарматы-амаксобии и аорсы).

Проблема исследования этнического самосознания и идентичности может

быть частично решена с помощью анализа соотношения экзоэтнонимов и эндоэтнонимов. Есть этнонимы, которые представляются «внутренними», эндоэтнонимами – роксоланы, аорсы, аланы, языги. Есть этнонимы, очевидно, «внешние» – сарматы-гиппофаги, амаксобии. Сарматы, исходя из наших представлений на данный момент, были обозначением конкретного племени, как и савроматы, но в дальнейшем это название стало собирательным и слово сарматы обрело самое широкое значение и самостоятельную жизнь.

Информация самих сарматов о своем происхождении у нас отсутствует (в отличие от скифов, о которых у нас такая информация есть). Происхождение сарматов от мидийцев по сообщению Плиния Старшего – «по реке Танаису, впадающей в море двумя устьями, живут сарматы, по преданию, – потомки мидян, также разделяющиеся на многие племена» (Plin. S. NH. VI, 30) – трудно прокомментировать и трудно представить источник этой информации.

С.Р. Тохтасьев, анализируя данные языка, пришел к выводу, что названия сарматы-савроматы-сирматы имеют общее происхождение и означает «люди, вооруженные (метательным) оружием» (Тохтасьев 2006: 296). Правда, это не означает, что это одно и то же общество. Происхождение из общей среды и название, сформированное из одной основы, не дает обязательно единства этноса. Так же как единство происхождения таких названий как словенцы, словаки, словене не говорит об этническом единстве его носителей.

С.Р. Тохтасьев также предположил, что название сарматы было общим для значительного массива иранских кочевников, сравнивая их в этом с теми же славянами, имеющими термин для метаэтнической общности (Тохтасьев 2006: 299). Конкретный этноним в IV-III вв. до н.э. получает в дальнейшем самое широкое распространение. Где проходит граница между самоназванием и собирательным термином «сарматы», сказать трудно, тем более, что, как это ни парадоксально, внешняя среда серьезно влияет на этнонимы. Часто названия народов у их соседей становятся самоназваниями-этнонимами (Соколова 2012:

19), но это далеко не всегда учитывается исследователями.

При анализе этнической истории сарматов исследователь не может обойти проблему соотношения культуры и этничности и информативности археологических данных. Значительное внимание исследователей привлекает проблема соотношения сарматских археологических культур и этничности. По этой проблеме написано уже немало, и несовпадение археологической культуры и этноса давно стало общим местом. Так, несовпадение процессов этногенеза и культурогенеза хорошо показал Л.С. Клейн (Клейн 2013: 338 и далее).

Условность названия «сарматская археологическая культура» давно уже осознается исследователями. Несовпадение археологической культуры и этноса давно стало общим местом. Это несовпадение объясняется тем, что археологическая культура – это в первую очередь аналитическая категория, предназначенная для описания типологически близких между собой групп памятников и культурных комплексов. Этнические границы, как правило, точно неопределимы методами только археологического исследования. Другим, не менее важным обстоятельством, является то, что процесс этногенеза и культурогенеза не всегда совпадают.

Но этнические процессы находят отражение (конечно, весьма опосредованное) в комплексах сарматской археологической культуры. Дело в том, что в археологических материалах номадов преобладающими являются погребальные комплексы. Таким образом, когда мы говорим об археологических культурах номадов раннего железного века, речь идет о погребальной практике, которая является важнейшей частью традиции оставившей его населения, и позволяет проследить не только культурные изменения, но и социальные и этнические процессы.

Критерии этничности – это отдельная большая тема в археологических исследованиях. По поводу активных этнических признаков в культуре у

археологов много устойчивых стереотипов и априорных суждений. Так, отношение к лепной керамике или орнаменту как надежному этноиндикатору далеко не бесспорно. Определение этничности по археологическим данным при обрывочной информации письменной традиции вполне возможно, только необходимо отказаться от оперирования единичными этническими маркерами. Культурные символы, маркирующие этничность, могут быть самыми разными. Есть, конечно, некоторые наборы этнических признаков, общие для разных культур. Но какие из них «работают» в данном конкретном случае, сказать точно нельзя. Например, традиция южных и североориентированных погребений в раннесарматской культуре Подонья и Левобережной Украины. Погребальный обряд и инвентарь очень схож. Ключевое отличие – ориентировка, поскольку южная ориентировка преобладает в Подонье, а северная – западнее. Является ли это отличие элементом оппозиции «мы – они» в культуре двух этносов, оппозиции, очень важной для этнического самосознания, или же это отражение других аспектов культуры? На этот вопрос нельзя ответить, но исследователи относят северную ориентировку к роксоланам, обитающим в раннесарматское время в междуречье Дона и Днепра, и южные – аорсам, живущим в Подонье.

По поводу активных этнических признаков в культуре у археологов много устойчивых стереотипов и априорных суждений. Так, отношение к лепной керамике или орнаменту как надежному этноиндикатору далеко не бесспорно. Опыт современных исследований в Африке показал значительное разнообразие в производстве и обмене керамическими сосудами, что позволяет критически отнестись к некоторым этнокультурным реконструкциям археологов (Крадин 2009: 12). Определение этничности по археологическим данным при обрывочной информации письменной традиции вполне возможно, только необходимо отказаться от оперирования единичными этническими маркерами (керамика, погребальные сооружения и т.п.). Следует использовать наборы

признаков, обращая особое внимание на костюм, погребальный обряд, орнамент, пищу, лепную керамику, тамги.

Следует учесть также популяционный критерий – использование материалов биологических антропологов. С одной стороны, несовпадение антропологической ситуации и этнической картины давно стало общим местом в этнологии. С другой стороны, важным признаком этноса является эндогамия и между разными этническими группами могут быть вполне реальные антропологические различия. Для сарматов ситуация облегчается регулярными миграционными волнами. Отличить представителя позднесарматской общности от среднесарматской во II в. не так сложно – отличия не только культурные, но и физические.

Еще одно важное направление поиска этнических границ – это изучение миграций. Результатом их является переход к новой политической ситуации, где ведущую роль играют новые мигранты – аланы, аорсы, роксоланы, появляются на базе смешения местного и пришлого населения новые археологические культуры. То есть сломы культурные совпадают с таковыми в этнической сфере.

Миграции являются важным фактором этнических процессов у кочевников, но отражение миграций в археологическом материале не всегда очевидно. Мы их не видим (миграция может быть кратковременной), но следы их хорошо заметны (новые артефакты, элементы погребального обряда, следы разрушений и т.п.). Правда, это может быть не миграция, а диффузия, но археология позволяет отличить миграцию от проникновения элементов культуры другими путями.

Сопоставление археологических комплексов с данными античной традиции может проходить при помощи «изоморфных точек», то есть тех явлений, которые отражены в нескольких видах источниках (Клейн 1988: 18). Это миграции, вторжения, отражение в археологических комплексах

зафиксированных античными авторами реалий.

Политические и культурные процессы в кочевническом обществе, в отличие от социальных и экономических, более динамичны. Политическое объединение племен способствует сложению нового этнического самосознания, культуры, в итоге – образованию нового этноса. Политическая организация предстает перед нами в роли действительного разграничителя в системе отношений «мы – они», составляя объективную основу для формирования этнического сознания и самосознания. Особая сложность этнических процессов у кочевников связана с изменчивостью степного пространства. Каждые 100-150 лет приходит новая волна завоевателей, которая меняет политическую и культурную ситуацию. Следом за этим трансформируется и этническая картина.

Сарматскую эпоху делят на три части по археологическим культурам – раннесарматскую, среднесарматскую и позднесарматскую. Смены культур происходили в первую очередь благодаря миграциям. В реальности за этими культурами стоят пять волн миграций и пять разных сарматских эпох: первый этап раннесарматской культуры (IV-III вв. до н.э.); второй этап раннесарматской культуры (II-I вв. до н.э.); среднесарматская культура (I-II вв. н. э.); первый этап позднесарматской культуры (II-III вв. до н.э.); второй этап позднесарматской культуры (III-IV вв. н. э.). Успешность этногенеза и складывание новой этнополитической общности на базе политического организма во многом определяет фактор времени и военно-политической стабильности. Постоянные миграции и вторжения кочевников приводили к тому, что полноценные этносы с классическим набором признаков в степной зоне зачастую не успевали сформироваться. К числу таких классических признаков можно отнести единую культуру, постоянную территорию, сложившееся и устойчивое этническое самосознание.

Миграции приводили к миксации кочевнических обществ, к тому, что

население прежних союзов племен входило в состав новых, со временем меняясь. Обычная для кочевников сегментация приводила к расколу племенных групп на меньшие, которые уходили на другую окраину степи и там вливались в местные племенные союзы.

Таким образом, поставленная нами проблема исследования этничности у сарматов уже изначально несет в себе дискуссионные моменты. Окончательное решение ее вряд ли возможно – наши источники не позволяют этого сделать. Но это не значит, что ее не надо решать. Собственно, реконструкция этнических процессов – очень популярная тема в сарматологии, мимо соблазнов которой не прошел ни один крупный сарматолог.

§ 3. Археологические материалы и попытки социальных реконструкций

3.1. Статистическая обработка погребальных комплексов: возможности метода

Внимание, которое привлекали внимание статистические методы для социальных реконструкций по археологическим данным, вполне оправдано. Это один из перспективных путей изучения древних обществ, в том числе сарматского. Однако работа с ними требует известной осторожности. Отбор признаков должен производиться аккуратно. Существует опасность утонуть в деталях и микродеталях, когда важные связи будут не видны из-за переизбытка информации. Полученные зависимости могут носить второстепенный характер и не давать информации об исследуемом обществе, и от постановки проблемы зависит получаемый результат.

Очевидно, при исследовании археологического материала первая задача – это выделение мужских, женских и детских групп и определение соответствующих субкультур – мужской, женской, детской. Эта задача невыполнима корректно без помощи биологических антропологов, что существенно ограничивает изучение многих памятников (разрушенных грабителями или небрежно раскопанных). Целесообразно рассматривать мужские и женские комплексы по возрастным группам, однако результат зависит от определения возрастных рамок этих групп. Постановка этих рамок, определение исследуемых параметров – это всегда гипотеза.

В качестве объекта исследования целесообразно выбирать комплексы отдельных могильников, а затем и отдельных регионов какого-либо периода. Самый крупный некрополь донских сарматов – это могильник Новый в междуречье Сала и Маныча. В 1981-1982 гг. могильник был охвачен раскопками, в которых были исследованы 137 курганов. В 126 из них было 211 погребений сарматской культурно-исторической общности, в свою очередь из них около 193 погребений относятся примерно к одному времени – I в. н. э.

Могильник Новый занимает особое место среди множества сарматских некрополей. При обилии исследованных курганов сарматского времени, раскопанных за последние десятилетия, Новый выгодно отличается по ряду параметров. Это большой могильник, в котором исследовано более 200 комплексов, что делает его крупнейшим на Нижнем Дону. Материалы были в дальнейшем опубликованы в известной монографии авторами раскопок (Ильюков, Власкин 1992). В раскопках участвовала антрополог Е.Ф. Батиева, и она проделала большую работу по обработке антропологических материалов (Батиева 2011: 100-102). Таким образом, антропологически могильник изучен, и, что очень важно, антрополог присутствовал при раскопках памятника. В дальнейшем данные по могильнику активно использовались специалистами при рассмотрении проблем археологии и истории сарматского времени.

Материалы раскопок опубликованы и проанализированы. Большое внимание уделено погребальному обряду и инвентарю могильника. В дальнейшем данные по могильнику активно использовались специалистами при рассмотрении проблем археологии и истории сарматского времени.

Следует обратить внимание на культурно-историческую принадлежность могильника. Авторы монографии разделили комплексы на две группы, одну из которых отнесли к позднему периоду раннесарматской культуры, а другую, меньшую, к среднесарматскому времени. В монографии материалы разделены на две части как в публикационной части, так и аналитической. Было также отмечено, что раннесарматская культура сохраняется в сальско-манычском междуречье и в начале I в. н. э. (Ильюков, Власкин 1992: 230).

О раннесарматской культурной принадлежности в обрядности погребений говорят высокий процент впускных погребений, случаи расположения сарматских могил в курганах в ряд или по дуге, окаймляющей погребение в центре (курганы 31, 58, 70, 74, 80, 83, 107, 130, 132), преобладание среди погребальных сооружений подбоев и узких ям, катакомбы и многокамерные подбои, (Ильюков, Власкин, 1992: 170 и сл.). Здесь мы видим, очевидно, продолжение традиции раннесарматских курганов-кладбищ, трактуемых обычно как родовые или семейные могильники.

К среднесарматской традиции относятся такие черты, как преобладание основных погребений, квадратные и широкие прямоугольные ямы. Традиция курганов с двумя погребениями – центральным и периферийным или равнозначными, считается среднесарматской.

В.П. Глебов обратил внимание на то, что лишь в 17% курганов сарматские погребения впущены в курганы эпохи бронзы (данные Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина по группе курганов Сальского левобережья - Ильюков, Власкин 1992: 170), а в остальных случаях – в сарматские же курганы, обычно по 1-2 могилы, в редких случаях больше (Глебов 2006: 62).

Однако в дальнейшем работа с материалами могильника показала, что Новый – могильник раннесарматского по этно-культурной принадлежности населения, адаптированный к среднесарматской культуре. Погребения и кенотафы могильника у хут. Новый сегодня В.П. Глебовым практически все определяются как среднесарматские (Глебов 2004; 2006: 62).

По мере разработки хронологии отдельных категорий инвентаря стало ясно, что этот пласт комплексов, который, по мнению Л.С. Ильюкова и М.В. Власкина относится к раннесарматской культуре, датируется не I в. до н.э. – началом I в. н.э., а в основном всем I в. н.э., т.е. уже среднесарматским временем. В результате была сформулирована гипотеза, согласно которой могильник Новый оставлен раннесарматским населением, частично сохранившимся в донских степях и включённым в состав нового среднесарматского этно-политического объединения (Сергацков 1999: 149).

В.П. Глебов сделал вывод, что население, оставившее могильник, в большинстве своём состояло из потомков ранних сарматов, продолжавших жить в нижнедонских степях в среднесарматское время. Их погребальный обряд уже не соответствовал полностью всем канонам классической раннесарматской культуры, но это и неудивительно, так как они жили в среднесарматском окружении и воспринимали элементы более престижной обрядности. Кроме того, судя по наличию в Новом погребений, совершенных в квадратных ямах с оформленными выкидами и иногда с диагональным положением костяков, вперемешку с потомками ранних сарматов здесь, вероятно, проживало и какое-то количество носителей среднесарматского обряда (Глебов 2006: 62).

Могильник Новый является довольно специфическим памятником с большим разнообразием погребальных сооружений и смешанными традициями. В.П. Глебов выдвинул гипотезу, что огромное скопление курганов с выделяющимися внутри отдельными курганными группами и цепочками в могильнике Новый напоминает размерами и структурой кладбища индейских

резерваций в Северной Америке. Искусственное сокращение территории обитания до размеров небольших резерваций у ирокезов привело к объединению родовых и клановых могильников в большие племенные некрополи, где каждому роду отводился свой участок (Глебов 2006: 62). Поскольку могильник принадлежит раннесарматскому населению, живущему в среднесарматское время, мы можем допустить осторожное предположение, что в политической ситуации утраты независимости население, оставившее могильник, было вынуждено ограничить ареал обитания и использовать для погребений только этот район в междуречье Сала и Маныча.

В ходе исследования могильника были выделены 184 комплекса, в которых найдены 228 погребенных. Из них мужчин – 90 (39,4%), женщин – 68 (29,8%), взрослых, неопределенных по полу – 13 (5,7%), детских – 57 (25%). Расчет шел не по погребенным, а по погребальным комплексам. Для анализа половозрастных особенностей обряда индивидуальных погребений сарматов были выделены категории взрослого населения (по мужчинам и женщинам отдельно): 16-20 лет; 21-35 лет; 36-50 лет; старше 50 лет. Детские комплексы разбиты на две группы - от 1 до 5 лет и от 6 до 15 лет.

Следует учесть, конечно, условность определенных здесь возрастных границ – они установлены, исходя из определенной традиции антропологических исследований. Особо следует отметить первую возрастную группу – 16-20 лет. Ее значимость в том, что именно в этом возрасте мы можем предполагать переход во взрослую жизнь и соответствующее изменение статуса (то, что известно как инициации по этнографическим данным).

Как погребальный обряд, так и погребальный инвентарь рассчитывался по каждой из этих групп и определялся процент от численности всех погребений.

Следует учесть такой серьезный фактор, как ограбленность значительного количества комплексов могильника. Из 197 могил ограблено 74, то есть 38%. Однако информация в выборке приводится по всем комплексам, в том числе и

ограбленным, поскольку и ограбленные погребения содержат важные сведения (тип погребения, остатки инвентаря и т.п.). Но следует учитывать неполноту исходной базы данных и ограниченность выводов исследования.

Одним из важных шагов в социальных реконструкциях по археологическим данным является определение половозрастных особенностей погребального обряда и инвентаря. Это тем более важно, что опыт этнографических исследований показывает большую роль половозрастных принципов организации общества у кочевников. Выделение признаков, характеризующих «мужскую», «женскую» и «детскую» субкультуры, а также субкультуры отдельных социальных групп, позволяют проверить соответствие социальных институтов этнографических кочевников сарматам, известных по археологическим данным. Между погребальным обрядом и половозрастными характеристиками общества кочевников, конечно, есть существенная разница, обусловленная значительными трансформациями между «живой» культурой сарматов и тем археологическим материалом, который попадает в руки археологов. Однако анализ погребального обряда и инвентаря дает материал для размышления и анализа.

Следует обратить внимание на демографические диспропорции в выборке – мужчин больше, чем женщин, а детей только 25% от всего количества погребенных. В этом отношении могильник довольно типичен для среднесарматской эпохи (Батиева 2011: 40).

В могильнике есть как основные, так и впускные погребения (как в курганы эпохи бронзы, так и современные им курганы сарматского времени). Таблицы 1-2 Приложения показывают, что основными погребениями являлись мужские погребения и женские с ребенком. Их количество вполне сопоставимо с количеством впускных в этих категориях. У мужчин в возрастной категории 36-50 лет основные погребения абсолютно преобладают – впускных погребений в три раза меньше основных. Практически не встречается основных погребений

у женщин в возрасте. Интересно, что весьма значимый процент основных погребений – больше половины – характерен для индивидуальных погребений молодых женщин.

В могильнике встречаются прямоугольные/овальные ямы (57) и подбои (75). Ямы с заплечиками встречаются реже (23), и подквадратные/широкие прямоугольные – еще реже (13). Исследование показало слабую зависимость между типом погребения и полом. В настоящее время трудно сказать, чем определяется тип погребения – этнокультурными особенностями, социальным статусом, обстоятельствами смерти погребенного, или же неизвестными нам факторами *x*, *y*, *z*.

Главная зависимость, которую можно проследить – это высокий статус погребений – ям с заплечиками, которые являются центральными в кургане с несколькими комплексами. Любопытен факт, что из 15 погребений с заплечиками в семи попадают сосуды из бронзы, в основном котлы, а исследования показывают социальную значимость этого маркера для номадов. Ямы с заплечиками чаще встречаются в мужских комплексах, а также в погребениях женщин с ребенком и женщин от 21 до 35 лет.

В могильнике абсолютно преобладает ориентировка костяков в южный сектор, как среди мужских, так и женских погребений. Однако встречаются и иные ориентировки. Данные таблицы показывают, что наибольший процент нестандартной ориентации (западная, восточная, северная) мы видим в детских погребениях и комплексах со старыми людьми.

Погребальный инвентарь по разным группам показан в таблицах 3-4 Приложения. Мы можем выделить в материале общекультурные категории инвентаря, присущие как женским, так и мужским погребениям. Это керамика, кости овцы, часто в наборе с ножом (но нож попадает и отдельно), более редкие находки зеркал, курильниц. Здесь сложно выявить яркую половозрастную специфику. Конечно, предпочтения есть – например, ножи и

курильницы чаще встречается в женских погребениях.

Женские предметы – бусы, бисер, пряслица, алебастровые сосуды, куски мела и т.п. Характерны для женских погребений ритуальные вещества и сакральные предметы – например, куски мела (каждое третье погребение).

В нескольких мужских погребениях встречаются такие типично женские предметы, как бусы, но исключительно одиночные экземпляры, которые, например, могли быть частью военной экипировки. В мужских погребениях найдено только одно пряслице и один алебастровый сосуд. В недавно вышедшей статье М.Г. Мошковой анализируются пряслица в мужских погребениях. По ее мнению, пряслица могли выполнять функции культовых предметов и в мужских погребениях играть роль амулетов-оберегов (Мошкова 2012: 348-349).

Мужские погребения отличаются в первую очередь оружием и сопутствующим инвентарем: мечи, стрелы, в меньшей степени элементы конской сбруи. Следует отметить вооруженность молодых мужчин, особенно в парных подбоях, где встречаются погребенные примерно одного возраста с самыми большими наборами стрел, конской сбруей, наконечниками копий и т.д. (к. 59, погр. 3; к. 70, п. 5; к. 79, п. 5). Любопытным маркером возрастных мужских комплексов является оселок.

Особую роль в погребальном инвентаре играет оружие. Анализ вооружения позволяет исследовать не только военную историю. Статусность и значение оружия позволяют реконструировать некоторые институты прошлого. Оружие по разным группам показано в таблицах 5-6 Приложения.

Мужские погребения отличаются в первую очередь оружием и сопутствующим инвентарем: мечи, стрелы, в меньшей степени элементы конской сбруи. Таким образом, оружие – важный маркер именно мужских погребений, однако есть и женские погребения (они будут рассмотрены ниже).

Что в большей степени является символом вооруженности и военного

статуса – меч или стрелы (сочетавшиеся, возможно, с луком)? Для молодежи характерна высокая степень вооруженности и одинаковый процент и меча, и стрел (77%). Для мужчин возрастной категории от 20 до 35 лет – это в большей степени меч (75 % погребений содержат мечи), а для старшего возраста более характерны стрелы. Возможно, что именно люди в возрасте 16-35 лет играли ключевую роль в войне, и у них вооруженность была практически поголовной. В комплект вооружения входили и меч, и лук со стрелами, однако с возрастом остается только лук и стрелы.

У пожилых людей степень вооруженности снижается, чаще попадаются находки всего лишь нескольких наконечников стрел – от 1 до 4, возможно, лишь символизирующих воинский статус погребенного. Любопытным маркером возрастных мужских комплексов является оселок.

Следует отметить особую вооруженность молодых мужчин, особенно в парных подбоях, где встречаются погребенные примерно одного возраста с самыми большими наборами стрел, конской сбруей, наконечниками копий и т.д. (к. 59, погр. 3; к. 70, п. 5; к. 79, п. 5).

Привлекают к себе внимание отклонения от погребального обряда и находки традиционных мужских предметов у женщин и женских у мужчин. При характеристике гендерных особенностей сарматского общества (которые на археологическом материале могут быть только намечены) эти отклонения, возможно, являются отклонениями только на наш взгляд. Внутренняя логика развития сарматской культуры от нас скрыта, а отрывочные сообщения письменных источников и этнографические свидетельства не всегда дают возможность для надежной интерпретации. Тем не менее, культурное пространство содержит в себе информацию о социальном, в том числе о гендере.

Любопытный факт у номадов скифо-сарматского времени, вызывающий много споров – вооружение в могилах девушек и молодых женщин.

Погребения женщин с оружием будут рассмотрены во 2 главе.

Многие выводы не являются неожиданными и подтверждают наши знания о сарматском обществе. Самые выдающиеся погребения (содержащие маркеры статусности, богатства) – это погребения мужчин и молодых женщин. Это наблюдение перекликается с выводами Н.Е. Берлизова, сделанными на основании использования очень широкой выборки комплексов савромато-сарматских культур: «наиболее сложный обряд и престижный инвентарь характерен для погребений возмужалых мужчин и молодых женщин» (Берлизов 2011: 257).

Мужские и женские погребения утрачивают статусные маркеры с возрастом, так же как и ослабевают гендерные отличия. Увеличивается вариативность такого показателя, как ориентировка костяка. Отмечая простоту обряда и скромность инвентаря в погребениях пожилых людей и младенцев, Н.Е. Берлизов делает вывод о том, что дети и старики были ограничены в правах (Берлизов 2011: 257). Если ограниченность в правах детей никакого сомнения не вызывает, то ограниченность в правах стариков, предполагаемая исследователем, является очень любопытной гипотезой. Здесь мы вплотную подходим к постановке вопроса о наличии у сарматов такого института как возрастные классы, известных по этнографическим данным.

Разность возрастных статусов отражалась в погребальном инвентаре и погребальном обряде. Анализ сарматских комплексов подводит к выводу о культурных различиях между разными половозрастными группами. Следует отметить, что в курганном могильнике Новый встречаются курганы, в которых встречаются только мужские (10 курганов – курганы 53, 59, 64, 67, 70, 80, 82, 100, 116, 119) или только женские погребения (5 курганов – курганы 14, 83, 86, 114, 134). Заметим, что «мужские» курганы встречаются в два раза чаще (Ильюков, Власкин 1992: 182). Такое разделение может быть следствием институциональных границ в сарматском обществе. Разработка гипотезы о

существовании возрастных классов у сарматов возможна при изучении значительного массива сарматских комплексов ранне- и среднесарматского времени (позднесарматская культура весьма специфична и резко выделяется на фоне предшествующих).

Итак, исследование позволило определить характерные женские и мужские категории погребального инвентаря. Прямой зависимости между половозрастными группами и погребальными сооружениями не выявлено. Некоторые данные позволяют предположить существование возрастных групп (возрастных классов?) у сарматов Нижнего Подонья.

Статистический подсчет данных по погребальному обряду – это только первый шаг в исследовании сарматских обществ. Полученные данные нуждаются в интерпретации и осмыслении, а также проверке с помощью разных гипотез.

Исследование такого крупного могильника, как Новый, заставило исследователей пересмотреть стереотипы. До этого разные погребальные конструкции – ямы разных форм, подбои, ямы с запечиками, катакомбы – воспринимались как отражение этнической специфики. Но в могильнике Новой, хоть и неоднородном в культурном плане, мы видим отсутствие четких корреляций между этничностью, половозрастной принадлежностью и погребальным сооружением.

Назрела необходимость статистического анализа и других сарматских могильников Нижнего Подонья, но, как показал опыт изучения могильника у хутора Новый, погребальные комплексы отражают социальную структуру косвенно, и необходимо и далее разрабатывать методику исследования.

3.2. Уровень социальной сложности сарматов

В настоящее время в отечественной социальной археологии все большую популярность приобретает неозволюционизм и связанные с ним подходы и методы. Одно из актуальных направлений – кросс-культурные методы, получившие широкую известность во многом благодаря Джорджу Мёрдоку.

Среди российских ученых к анализу сложности кочевых обществ на основе базы Мердока впервые обратился Н. Н. Крадин. Он использовал работу, написанную Дж. Мердоком в соавторстве с К. Провостом, на примере 186 обществ (Murdock, Provost 1973). В данной статье авторы определяли критерии сложности общества и взяли 10 с их точки зрения наиболее важных критериев культурной сложности – письменность, оседлость, земледелие, урбанизацию, технологию, транспорт, деньги, плотность населения, политическую иерархию и социальную стратификацию. Каждая из переменных оценена по пятибалльной шкале – от 0 до 4, см. описание критериев: (Крадин 2004: 24–30). Используя критерии данной базы, Н.Н. Крадин определял уровень сложности в кочевых империях. Подход был развит С. А. Васютиным, который предложил фиксацию ключевых точек для анализа эволюции сравниваемых между собой обществ (Васютин, Дашковский 2009: 333–334).

В центре нашего исследования – изучение донских сарматов, а поскольку Дон был одним из ключевых регионов Сарматии, то данные по этому региону вполне показательны и для всех сарматов. Для донских сарматских памятников мы знаем четыре периода бытования, от II в. до н. э. до IV в. н. э. В IV – начале III в. Нижний Дон не был сарматским (Глебов 2007: 63). Раннесарматский период на Дону – это II–I вв. до н. э. (Глебов 2007: 66), среднесарматский – I – середина II в. Позднесарматский период распадается на два этапа – середина II – середина III в. (Безуглов 2010: 110-111) и с середины III в. миграция номадов с Кавказа обозначила начало второго этапа (Малашев 2010: 128).

Фиксировать отдельные хронологические точки при анализе социальной сложности, как предлагает С. А. Васютин, вряд ли возможно (наши источники не позволяют так детально рассматривать историю сарматского общества), но интересно сопоставить между собой эти четыре периода.

Поскольку многие пункты в данной таблице могут быть истолкованы по-разному, необходимо дать к ней соответствующие пояснения, взяв за основу рассуждения Н.Н. Крадина об уровне социальной сложности в кочевых империях (Крадин 2004: 30–35).

Письменность и записи. Использование писем сарматскими царями (послание Эвнона императору Клавдию – Тас. Анн., XII, 19) еще не говорит о бытовании письменности у сарматов. Однако с I в. н. э. распространяется такое интересное явление как тамги, которые традиционно трактуют как символы родовой принадлежности. Они сразу стали очень популярны. Актуальность этих знаков подчеркивается существованием так называемых «энциклопедий тамг» – плит, на которые, по предположению С. А. Яценко, наносили знаки представители разных родов в честь своего участия в социальных и политических акциях. Тамги, таким образом, можно интерпретировать, в том числе, и как мнемонические средства (1 балл).

Степень оседлости. В этом вопросе следует исходить из того, какой образ жизни ведет большая часть населения исследуемого общества. Сарматы были, без сомнения, кочевники, однако специфика климата Восточной Европы – снежные зимы – делает невозможным круглогодичное кочевание. Необходимость в зимниках заставляла номадов готовиться к зиме. Обычно зимовья располагались в низовьях рек, в данном случае – устье Дона: «Что касается кочевников, то ... они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Поэтому степень оседлости может быть охарактеризована словами «полукочевая система поселений» (1 балл). Места

зимовьев известны и археологически – прослеживаются по довольно тонкому культурному слою (Ставиский, Яценко 2002: 148).

В позднесарматское время, когда происходит оседание части сарматов, они появляются в Танаисе и на меотских городищах. Однако образ жизни основной массы номадов не изменился, поэтому увеличить балл для позднесарматской эпохи (до 2 баллов – «полуоседлая система поселений») я счел нецелесообразным.

Земледелие. Сарматы занимались земледелием, которое носило вспомогательный характер. Свидетельство этого – единичные находки сельскохозяйственных орудий: серпов, зернотерок, мотыжек (Максименко 1998: 98). Следует вспомнить информацию Страбона о номадах Северо-Западного Причерноморья: «область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)» (Strabo. Geogr. VII, III, 17). Говоря о другой области, прилегающей с севера к Кавказу, Страбон говорит: «При таком географическом положении первую часть – от северных стран и океана – населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (Strabo. Geogr. XI, II, 1).

Клавдий Элиан в «Пестрых рассказах» сообщает: «Меоты и савроматы [употребляют в пищу] просо...» (Claud. Aelian. III. 39). Один из аланских предводителей V в. н. э. звался Эохар – буквально «просоед» (Абаев 1979: 310). Плиний Старший также говорит о популярности проса: «сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса – E. V.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил» (Plin. NH. XVIII. 100).

Подтверждение этой информации – данные анализа содержимого сосудов

из ранне- и позднесарматских погребений Поволжья, в которых находилась, судя по концентрации фосфатов, каша (Демкин, Демкина 1999: 32, 33).

Конечно, зерно кочевники получали и от зависимого оседлого населения, но часть сарматов все же занималась земледелием и могла выращивать неприхотливые зерновые культуры, такие как просо. Однако главное занятие номадов – экстенсивное кочевое скотоводство. Поэтому можно поставить 1 балл – «земледелие менее 10 %».

Урбанизация. Это показатель масштаба локальных сообществ. Поскольку для кочевников-скотоводов Евразии характерна небольшая по численности община, насчитывающая менее 100 индивидов (Крадин 2004: 32), то сарматы могут быть отнесены к самой простой форме (0 баллов – «население местных общин в среднем менее 100 человек»). О небольшой численности общины может говорить преобладание у сарматов небольших курганных могильников, формируемых, видимо, отдельными семьями и небольшими общинами.

Технологическая специализация. Археологические материалы подтверждают, что для всех данных обществ было характерно наличие металлургии, ткачества, гончарства. Павсаний, описывая, видимо, богато декорированный сарматский боевой доспех, хранящийся в храме Асклепия в Афинах, вынужден на его примере признать, что «здесь (т. е. в святилище Асклепия в Афинах), кроме других даров, посвящен сарматский панцирь. Взглянув на него, можно сказать, что варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов» (Pausan. I. 21. 5). Далее он сообщает: «У савроматов нет железа, ни добываемого ими самими, ни привозного; ибо они менее всех местных варваров вступают в сношения с иностранцами. Но они нашли способ восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные» (Pausan. I. 21. 5).

У кочевников, очевидно, преобладало домашнее производство, а потребности в ремесленных изделиях удовлетворялись за счет торговли и внешней эксплуатации оседлых народов. Однако существование металлургического производства на уровне промыслов и даже ремесла весьма вероятно. В отношении ткачества можно уверенно сказать, что у номадов использовался горизонтальный и вертикальный станок (Акбулатов 1999: 44). Что касается продукции гончаров, то сарматы предпочитали получать кружальную керамику от оседлого населения (от меотов, из античных центров и т. п.), сами на ней не специализируясь.

По этому показателю номады получают 3 балла – «общество имеет металлургов или кузнецов, но испытывает недостаток ткачей и / или гончаров». Следующая позиция на 4 балла («общество имеет разнообразных специалистов ремесла, включая кузнецов, ткачей и гончаров») подходит в меньшей степени, поскольку номады предпочитали использовать продукцию из центров оседлости, а не развивать производство у себя.

Наземный транспорт. По определению уровня развития транспорта нет никаких сложностей – «перевозка грузов животными на колесных средствах» – 3 балла.

Деньги. Здесь следует привести мнение С. И. Безуглова, опирающегося на археологический материал: «идея денежного обращения на основе металлической монеты оставалась чуждой миру кочевых сарматов на всём протяжении его существования» (Безуглов 2001: 98). В письменных источниках содержится аналогичная информация: «Но и теперь еще есть так называемые "обитатели кибиток" и "кочевники", занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар» (Strabo. Geogr. VII, III, 7).

Отдельно следует обговорить чеканку монет сарматскими и аланскими

правителями. Самый яркий случай – чеканка царем Фарзоем (который был аорсом или аланом) монет в Ольвии. Согласно определению Ю.Г. Виноградова, выпуск варварскими правителями на монетных дворах античных городов денежных знаков, преследовал, в первую очередь, политико-пропагандистские цели и носил ярко выраженный «демонстрационный характер» (Виноградов 1989: 235).

Чеканка монеты – это политические амбиции и в меньшей степени потребности зависимого оседлого населения, а не внутренние потребности кочевников. Кстати, у Дж. Мердока в его индексах не обозначена престижная функция денег («4 балла – валюта в виде стандартных металлических или бумажных денег; 3 балла – символические средства (каури, ожерелья, слитки); 2 балла – деньги иностранных государств, в том числе колонизаторов; 1 балл – денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения); 0 балла – прямой или косвенный обмен товарами»). Таким образом, использование золотых монет Фарзоем не дает оснований начислять сарматам царства Фарзоя 4 балла за использование денег.

Несмотря на отсутствие денег, сарматы активно торговали, поэтому здесь можно поставить 1 балл – «денег нет, но в качестве средств обмена используются ценные предметы или продукты (соль, зерно, скот, украшения)». Интенсивность обмена, в который включались сарматы, позволяет предположить наличие общеупотребительных средств обмена (скорее всего, скота), хоть прямых данных для этого и нет.

Плотность населения. Страбон отмечал, что царь сираков Абеак выставил в I в. до н. э. 20 тысяч всадников, царь аорсов Спадин – 200 тысяч, а верхние аорсы еще больше, так как владели более обширной областью (Strabo. Geogr. XI, V, 8). Аорсы обитали в Подонье и Нижнем Поволжье. Сведения Страбона о 200 000 всадников, несомненно, преувеличены, но эта цифра –

единственная, которую античные авторы сообщают о населении региона.

На основании анализа археологического материала и сравнительно-исторических данных было предпринято несколько попыток определения плотности и численности населения в эпоху раннего железного века. Н.А. Гаврилюк установила, что для степной Скифии плотность населения равняется 1,32 чел. на кв. км (Гаврилюк 1989: 21–24). В.В. Халдеев пришел к выводу о плотности 0,5–1 чел. на кв. км для Заволжья–Приуралья в сарматский период (Халдеев 1987: 231). И.М. Акбулатов оценивает плотность населения южноуральских степей в 0,6 чел. на кв. км (Акбулатов 1999: 16). Климат Нижнего Подонья отличается большей увлажненностью по сравнению с Приуральем, что позволяет предположить большую плотность населения для номадов.

Исходя из обозначенных данных и кочевого образа жизни сарматов, уровень плотности населения можно оценить в 1 балл – «от 1 до 5 чел. на кв. милю». Весьма вероятно (хотя этот тезис, безусловно, нуждается в дальнейшем обосновании) считать плотность населения в Подонье большей, чем 1 человек на 2,56 кв. км (т. е. 1 человек на кв. милю).

Эти показатели, конечно, меняются в зависимости от климатических условий.

Уровень политической интеграции. В этом вопросе наибольшие сложности, поскольку реконструировать политические институты на основании археологических данных весьма непросто. Страбон сообщает о населении последних веков до нашей эры следующее: «управляют ими так называемые "скептухи", а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (Strabo. Geogr. XI. II. 13). Таким образом, Страбон говорит о двух уровнях власти в раннесарматскую эпоху, т. е. речь идет, по всей видимости, о сложных вождествах (Скрипкин 2014: 14).

Самые богатые комплексы в Нижнем Подонье известны в

среднесарматскую эпоху. Концентрация богатств в погребениях элиты, резкое усиление влияния номадов на оседлый мир позволяют предположить у них существование развитых политических структур. В этот период в Подонье появляется Алания. Вопрос о формах политической организации аланов вызвал дискуссию (Яценко 2009; Вдовченков 2011; Перевалов 2014; Скрипкин 2014).

Следует обратить внимание на несколько уровней элиты у сарматов среднесарматской эпохи. С.А. Яценко предложил критерии для различения представителей царских и знатных родов среднесарматского периода – оружие, украшения, символы власти и т. п. (Яценко 2002). Последние его исследования показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматского времени бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царской», другую связывает с «местными вождями» (Яценко 2015).

Исходя из имеющихся разработок по уровню политической организации аланов, общество сарматов среднесарматского периода было оценено выше – в 4 балла – «три и более уровня иерархии, например государство, разделенное на области и на районы» (но этот высокий балл никоим образом не означает государственности у аланов).

В позднесарматскую эпоху мы не знаем такой концентрации богатств в регионе и можем предположить некоторое упрощение политической структуры. Таким образом, в ранне- и позднесарматский периоды уровень политической интеграции общества оценивается в 3 балла – «два уровня иерархии, например полития, разделенная на районы».

Социальная стратификация. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное (Медведев, 2002). Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Раннесарматская культура сформирована довольно типичными кочевниками, у которых не было

бросающейся в глаза разницы в богатстве. Тем не менее, ряд погребений явно выделяются на фоне рядовых комплексов. Однако аристократическая страта становится очень заметной в среднесарматском обществе. Ярким свидетельством этого является значительное количество элитных комплексов. Мы можем предполагать формирование протосословия, специализирующегося на войне, и развитие социальной стратификации. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, погребальный обряд, трудовозьтраты при его сооружении. О тенденциях формирования сословности свидетельствует также пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки). Элитные группы легко выделяются также и в оба позднесарматских периода (особенно следует отметить так называемую всадническую культуру II–III вв. н. э.).

Исходя из уровня развития сарматского общества, а также наличия аристократии, упоминаемой в письменных источниках и выделяемой археологически (особенно в среднесарматский период), можно для всех периодов предложить 2 балла – «две страты, но рабство и касты неразвиты».

Результаты представлены в Таблице 7 Приложения. Конечно, оценка уровня сложности сарматского общества носит в ряде случаев характер гипотезы и требует дополнительного обоснования. Полученные результаты, вне всякого сомнения, достаточно условны, но дают интересный материал для сравнения.

Важно, что благодаря этой схеме мы можем сопоставить сарматов разных эпох и культур. Безусловно, выделяется на фоне остальных культур среднесарматская культура. Изменение политической культуры в среднесарматскую эпоху связано, возможно, с трансфером политической модели мигрантами из Средней Азии. Богатая и эффектная культура, обилие престижных предметов, появление катафрактариев, особая система отношений

с оседлым миром, интенсификация торговли отличают их от ранних сарматов – аорсов. Эта модель отношений могла быть сформирована в среднеазиатском регионе. Приход новых мигрантов – населения позднесарматской культуры – привел не только к этнокультурным, но и к политическим и социальным последствиям.

Можно сопоставить эти данные с результатами анализа общества хунну (см. графу 5 таблицы 1 – материал по хунну). Отличия объясняются иными условиями кочевания (в Центральной Азии возможно круглогодичное кочевание, что дает 0 баллов во второй колонке) и иным уровнем политической централизации (кочевая империя, противостоящая Китаю). Также Н. Н. Крадин выше оценил уровень развития ремесла – в 4 балла. В результате у нас получается одинаковый результат для хунну и номадов среднесарматского периода – 17 баллов. Остальные общества сарматов оцениваются на 1–2 балла ниже.

Теперь, рассмотрев уровень сложности общества сарматов с позиции базы Дж. Мердока, необходимо ответить на вопрос о ее эвристических возможностях. Следует отметить, что некоторые аспекты, связанные со спецификой социума номадов, не учитываются этими критериями. Так, для номадов важно учитывать военную мощь и уровень развития военных технологий, систему отношений с оседлым населением, религиозный фактор, а также развитие искусства (хотя обсуждение таких параметров и приведение их к единой сумме показателей – отдельная и очень непростая задача).

С другой стороны, использование этих критериев приносит свои плоды. Во-первых, ставятся новые вопросы, зачастую неполно освещенные в литературе (уровень развития ремесла, плотность населения и т. п.). Во-вторых, мы получаем возможность сопоставлять эти данные со значительным количеством других обществ, в том числе и с номадами. Так, мы можем исследовать проблему континуитета и прерывности в социальном развитии

номадов раннего железного века. Постоянные миграции и политические изменения, вызванные ими, приводили к существенным подвижкам в этнической и социальной сфере. Благодаря этому подходу мы получаем возможность для сопоставления обществ как древних, так и средневековых номадов.

§ 4. Экономика сарматского общества

Экономика – недостаточно исследованная проблема для кочевников раннего железного века. В советской историографии экономика и социально-экономические отношения были очень важны, и им традиционно уделялось много внимания. Однако за последнюю четверть века ситуация существенно изменилась. В настоящее время по экономике сарматов нет современных монографических исследований. Впрочем, и статей также немного. Из исследований по экономике номадов раннего железного века выделяется работа И.М. Акбулатова «Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н.э.)» (Акбулатов 1999) и серия работ Н.А. Гаврилюк по экономике степной Скифии (Гаврилюк 2013 и др.). Вполне справедливо утверждение Н.А. Гаврилюк про ситуацию в науке: «Изучению экономики ранних кочевников вообще, и скифов в частности, уделялось гораздо меньшее внимание» (Гаврилюк 2013: 7).

Это справедливо и для анализа войны как формы экономики,

экономических функций войны и тому подобных проблем.

Для экономики сарматов, как типичных номадов, характерно **экстенсивное кочевое скотоводство**. Об экстенсивном кочевом номадизме говорит вполне кочевнический облик материальной культуры сарматов. Так, в погребениях мы находим кости овцы, а ножницы для стрижки овец – один из стандартных предметов позднесарматского погребального инвентаря. Сарматы разводили лошадей и овец, и об этом сообщают античные авторы и материалы палеозоологии и материальная культура.

В настоящий момент нам не совсем ясно, какими были маршруты перекочевок и закономерности хозяйствования номадов. Страбон сообщает о меридиональных перекочевках – от низовьев рек к водоразделам. Зимы номады проводили в низовьях рек, в балках, защищающих их от ветра. Климатические условия Восточной Европы требуют заготовки кормов на зиму. Лето же проводилось на пастбищах на водоразделах, где не мешали насекомые и были обширные пастбища. Разнотравно-полынные степи прекрасно подходили для пастушеского скотоводства. Но если кочевники уходили на север в своих перекочевках, то где их погребения? Нам известные крупные могильники в низовьях Дона, в местах зимовок, но севернее – в бассейне Донца – сарматских комплексов известно намного меньше. Конечно, и копают в тех областях меньше, но тем не менее и разведанных памятников там не так много. Ответы на эти вопросы должны дать дальнейшие исследования.

Районы концентрации курганных некрополей могут нам указывать на центры разных группировок сарматов. Места могильников есть основания связывать с зимовниками. Так, обращает на себя внимание концентрация погребений на левобережье Нижнего Дона (например, курганный могильник Высочино), в междуречье Сала и Маныча (могильник Новый), в районе Есауловского и Курмояровского Аксая (могильник Жутово). В больших некрополях мы видим сочетание как рядовых, так и богатых погребений, и

можем предположить, что могильники связаны с отдельными объединениями сарматов. Они, вероятно, располагались рядом с зимовниками и являлись отправным пунктом перекочевков. Вполне возможно, что природные условия Нижнего Дона позволяли обходиться незначительным радиусом передвижения, особенно в районе дельты. Масштабы и траектории перекочевков, о которых говорит Страбон (Strabo. Geogr. VII. IV. 17), еще предстоит выяснить.

Климат серьезно влиял на условия кочевания. Периоды аридизации – это периоды опустения степей. Аридизация III-II вв. до н. э. стала одной из причин смены населения в европейских степях. А период гумидизации – I в. н. э. – совпадает с эпохой усиления сарматов. Во II-III вв. снова засвидетельствована аридизация в волго-донских степях, и вследствие этого – ухудшение условий кочевания (Демкин 2012: 163, 166, рис. 45). Для позднесарматского времени мы видим уменьшение количества погребений. С этими данными вполне согласуется сообщение Аммиана Марцеллина об аланах: «они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии» (Amm. Marc. XXXI, 2, 17). Есть, конечно, неопределенность в связи с тем, каких сарматов он описывает – позднесарматскую группировку II-III вв. или III-IV вв., но в любом случае его информация говорит о редкости расселения сарматов.

Возможно, климатический фактор стал очень важным обстоятельством для переселения сарматов в Предкавказье, где в это время наоборот, климат увлажняется, и условия становятся весьма благоприятными. В рамках рубежа I-II – середины II в. н. э. происходит заметное усиление увлажненности климата, достигающее пика к концу IV – началу V в. (Хохлова и др. 2009: 317; Малашев 2014: 75). Об этом говорят наблюдения за почвами курганных могильников Брут-2 и Беслан II-III вв. на территории Владикавказской котловины (Хохлова и др. 2007: 1188).

Сарматы занимались **земледелием**, которое носило вспомогательный характер. Свидетельство этого – находки сельскохозяйственных орудий

(серпов, зернотерок). Следует вспомнить информацию Страбона о номадах Северо-Западного Причерноморья: «область иазигских сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием)» (Strabo. Geogr. VII. III. 17). Говоря о другой области, прилегающей с севера к Кавказу, Страбон говорит: «При таком географическом положении первую часть - от северных стран и океана - населяют некоторые скифы-кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны – сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор; они частью кочевники, частью живут в шатрах и занимаются земледелием» (Strabo. Geogr. XI. II. 1).

Плиний Старший говорит о популярности проса: «сарматские племена также питаются по большей части этой кашей (из проса – Е.В.) и не сваренной даже мукой, прибавив к ней либо кобылье молоко, либо кровь голенных жил» (Plin. NH. XVIII. 100). Один из аланских предводителей V в. н. э. звался Эохар (буквально «просоед»).

Конечно, зерно кочевники получали и от зависимого оседлого населения. Но часть сарматов все же занималась земледелием и могла выращивать неприхотливые зерновые культуры, такие как просо. Однако главное занятие номадов – экстенсивное кочевое скотоводство.

Война как способ экономики. Наличие оседлой периферии и весьма эффективная для своего времени военная и политическая организация позволяла им использовать и экзоэксплуатационную модель экономики. В связи со слабостью и недостаточностью экономической базы сарматы, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития во внешнем мире, как среди кочевников, так и оседлого населения.

Нестабильность номадизма как способа производства приводила к росту значения контактов с земледельческим миром. При экзополитарном, или ксенократическом, способе производства именно военное превосходство

номадов было ключевым аспектом успешной деятельности.

Это справедливо и для сарматов. Наличие оседлой периферии и весьма эффективная для своего времени военная и политическая организация позволяла им использовать и экзоэксплуатационную модель экономики. В связи со слабостью и недостаточностью производственной базы сарматы, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития во внешнем мире, как среди кочевников, так и оседлого населения. Необходимость контактов с земледельческим миром заставляет нас по-новому посмотреть на отношения номадов с античными государствами и варварскими племенами. Зависимое оседлое население облагалось данью, подвергалось поборам, набегам.

Проблема исследования экономики сарматов упирается в информативность наших источников. Это, конечно, редкие, но яркие свидетельства античной традиции и эпиграфики, а также массив археологических данных, а конкретно – данные погребальной традиции. Погребальные комплексы позволяют нам увидеть богатства номадов, и прежде всего предметы, полученные в ходе экзоэксплуатации. Справедливо отмечена бедность чистых кочевников, не опирающихся на ресурсы оседлого мира. А феномен элитных комплексов сарматов связан, конечно, с экзоэксплуатационной моделью экономики. Внешние связи сарматов, которые можно выявить по данным погребального инвентаря, имеют своим источником часто не только и не столько торговлю, сколько отражают отношения зависимости, данничества, систему даров, а также военные столкновения.

Говоря об экономике войны, в первую очередь следует сказать, конечно, о набегах, которые часто имели именно экономический смысл. Институт набега – особая практика регулярных походов, осуществляемых в первую очередь молодежью и играющих значительную роль в социальной и экономической жизни общества. О популярности этого явления сообщают многие авторы. Одно из самых живописных описаний оставил Лукиан: «[Вдруг] напали на нашу землю

савроматы [в числе] десяти тысяч всадников, а пеших, говорят, явилось втрое больше этого, а так как их нападение было непредвиденно, то они всех обращают в бегство, многих храбрецов убивают, других уводят живыми, кроме тех, кому удалось спастись вплавь на другую сторону реки... И вот сейчас же стали они угонять добычу, хватать пленных, грабить палатки, захватывать телеги, большая часть которых попала в их руки вместе с людьми, стали на наших глазах позорить наших наложниц и жен, а мы горевали [при виде этих] бедствий» (Lucian. Tox. 39).

Большую роль играли дальние походы (в Подунавье, Закавказье и т.п.), в которых сарматы обогащались добычей – пленными, драгоценными металлами, тканями. Цель набегов – рабы, скот, иная добыча. Главная цель при набеге, видимо, рабы. Говоря о рабстве, следует иметь в виду то очевидное обстоятельство, что экономика кочевников не нуждается в применении рабского труда, а если нуждается, то в небольшом объеме (Хазанов 2002: 141). Рабы поставлялись на внешние рынки, продавались за выкуп. О широком распространении традиции выкупа пишет Лукиан: «Того, кто произнесет это слово («зирин» – Е.В.), савроматы не убивают, но задерживают, считая, что он пришел для выкупа» (Lucian. Tox. 40).

В текстах Дельфийских манумиссий II в. до н.э. появляются имена рабов-сарматов. Появление рабов с именем «сармат» говорит как о появлении сарматов в Северном Причерноморье, так и о практике захвата и продажи военнопленных (Граков 1939: 304-305).

О захвате рабов говорят многие источники. Овидий в своих стихах отражает реалии степного пограничья: «Враг, опасный конем и далеко летящей стрелой, все истребляет вокруг, сколько ни видно земли. Многие в страхе бегут. Никто за полями не смотрит, не охраняют добра, и разграбляется все: бедный достаток селян и скотина с арбою скрипучей – все, что в хозяйстве своем житель убогий имел. В плен уводят иных, связав им за спины руки» (Ov.

Trist. III. 10. 55-61).

Иосиф Флавий повествует об аланах: «Они многочисленными толпами напали на нечаявших никакой опасности мидян, опустошили густонаселенный, изобиловавший стадами край, не встречая нигде со стороны оробевшего населения никакого сопротивления... Варвары же, расвирепевшие еще больше от этой битвы, опустошили всю страну и с огромной массой пленников и добычи, награбленной ими в обоих царствах, возвратились обратно на родину» (Ios. Flav. Bell. Iud. VII, 7, 4). По сообщению Диона Кассия, в ходе Маркоманнских войн в 175 г. языги вернули римлянам по результатам договора 100.000 пленников (Dio Cass. LXXI, 15-16).

Данничество в системе экзополитарных отношений играло значительную роль. Оно может рассматриваться как часть экономики войны в связи с тем, что являлось логичным итогом военного и политического доминирования сарматов и прямым результатом их военной эффективности.

Страбон в применении к кочевникам европейских степей сообщает: «Кочевники, правда, скорее воины, чем разбойники, все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен установленную плату, и то умеренную, не для обогащения, а только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни» (Strabo. Geogr. VII. IV.6).

О подобных отношениях нам говорит Тацит в «Германии», рассказывая об осах и котинах на Среднем Дунае: «Часть податей на них (осов и котинов – Е.В.), как на иноплеменников, налагают сарматы, часть – квады, а котины, что еще унижительнее, добывают к тому же железо» (Tacit. Germ. 43).

В декрете Протогена второй половины III в. до н.э. рассказывается о даннических отношениях Ольвии и племени сайев, которое ряд исследователей

рассматривает как сарматское (Мачинский 1972: 47-48)². В этом документе сообщается: «когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его (стесненным) обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых. Будучи избранным членом коллегии Девяти, он предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых вовремя были удовлетворены многие скиптроносцы. Немало даров было приготовлено для царя» (Декрет в честь Протогена. IPE I2 № 32; Скржинская 2000: 211).

Кочевники могли взимать и иные поборы – по случаю проезда, например. В декрете в честь Протогена сообщается: «когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он, по просьбе народа, дал 400 золотых» (Декрет в честь Протогена. IPE I2 № 32; Скржинская 2000: 211-212).

Кочевники старались получить также субсидии и подарки за свое бездействие. Так, во II в. н. э. Рим выплачивал субсидии роксоланам: «С царем роксоланов, который жаловался на уменьшение ежегодных выплат, он (император Адриан – Е.В.), разобрав дело, заключил мир» (SHA. V. Adr. VI, 8).

Дипломатические дары. Результатом политических контактов были дипломатические дары, которые регулярно получали предводители сарматов: «Фарасман со своей стороны получает поддержку альбанов и поднимает сарматов, скептухи которых, приняв подарки от обеих сторон, по обычаю своего племени отправились на помощь и к той, и к другой» (Tacit. Ann. VI. 33). Добыча, дань, подарки распределялись затем между знатью и воинами.

Военная мощь делала сарматов грозными врагами и выгодными союзниками. Римляне старались заручиться поддержкой мощных варварских племен: «У них (германцев) можно увидеть полученные в дар их послами и вождями серебряные сосуды...» (Tacit Germ. 5). Аналогичная практика

---

² Иная точка зрения на сайев как скифов см. у С.В. Кулланды (Кулланда 2016: 84).

наверняка складывалась и в отношении сарматов.

Л.С. Клейн трактует сервизы из 8 серебряных сосудов (обычно чаш) как дипломатические дары. Такое количество известно для Садового кургана (I в. н. э., г. Новочеркасск), комплекса из Жутово в Волго-Донском междуречье, а также из нескольких памятников времени рубежа эр из Германии и Дании (Гильдесгейм, Хоби и, возможно, Любзов) (Клейн 1979: 212-216). На войну, дипломатические отношения и торговлю как источники поступления импортов указывает Б.А. Раев (Raev 1986: 64-70). М.В. Кривошеев тоже склоняется к версии поступления основного объема импорта в виде дипломатических даров (Кривошеев 2014: 111).

Экономика, обеспечивающая нужды войны – это другой аспект проблемы. Война требует определенных ресурсов, техник, технологий, практик. У номадов следует обратить внимание на то, что на войне могли использоваться повседневные предметы обихода. Лошадь, лук со стрелами, аркан, нож, нагайка... Список можно продолжать. Самое главное здесь – то обстоятельство, что любой пастух должен быть вооружен и готов к бою и защите стада – от грабителей, волков, молодежных групп. Война была сферой применения обычных навыков скотовода – наездничества, стрельбы из лука, перекочевков.

Б. Дженито в своем очерке по современным концепциям социальной организации кочевников останавливается, на мой взгляд, на надуманной проблеме – проблеме различий орудия и оружия: «Значение и роль воина, центральной фигуры кочевых обществ, в археологическом контексте трудно выяснить до тех пор, пока не проведены четкие разграничения, например, между тем, что такое оружие и что такое орудие...» (Дженито 1994: 11). Как мне представляется, для номадов это различие играет второстепенное значение. Можно говорить о технике для войны или труда, но можно и о предметах двойного назначения у номадов. Конечно, было и снаряжение, заточенное только на войну, или только для пастушеского скотоводства.

Судя по сообщениям источников, сарматы большое внимание уделяли коневодству. А.К. Нефедкин рассматривает ситуацию с лошадьми у сарматов и приходит к выводу, что лошади сарматов были типичными лошадьми кочевников, отличающихся выносливостью, неприхотливостью, были хорошо приспособлены для долгих переходов и набегов (Нефедкин 2011: 196-215). Сарматы, конечно, готовили лошадей к войне, но в целом их лошади были универсальными – и для войны, и для пастушеского скотоводства.

Сарматы могли сами производить вооружение. Но сырье для изготовления вооружения, да и само оружие часто брали у оседлого населения зависимой периферии. Например, как сарматы у котинов в уже приведённом месте у Тацита (*Tacit. Germ.*, 43). Интересная гипотеза выдвинута недавно в отношении постзарубинецкого населения, которое, по мнению авторов, играло роль металлургов для сарматов (Воронятов, Еременко 2013: 56-57).

В качестве примера того, насколько значимы ресурсы региона для вооружения номадов, можно привести пример Южного Приуралья, где на небольшой территории в районе лесостепи, то есть в периферийной по отношению к степи зоне, найдено около 200 мечей, видимо, происходящих из культовых комплексов. Такое изобилие объясняется близостью крупных производственных центров (Савельев 2016).

Не всегда ресурсы были в изобилии. Уже упоминалось сообщение Павсания о сарматском доспехе, и его мнение, что «варвары способны к искусствам ничуть не менее эллинов» (*Pausan. I. 21. 5*).

Институты престижной экономики играли важнейшую роль в политической системе номадов. К сожалению, конкретных исследований по этой проблеме не так много, и одной из актуальных задач является исследование редистрибутивных отношений на материалах погребальных комплексов. Продуктивным представляется разделение погребального инвентаря сарматов на обычные финансы и финансы богатства (Васютин и др.

2005: 65). Обычные финансы – это аккумулируемые излишки повседневных товаров, производимых в рамках натурального хозяйства (скот, орудия труда, обычное оружие, традиционная лепная или круговая керамика). Финансы богатства – это ресурсы, не имеющие утилитарного значения (импорты, изделия из золота и т.п.). Сюда же можно отнести символы власти. Закономерности распределения финансов богатства позволяют увидеть за ними те силовые линии, которые определяли политическое пространство. Волны импортов связаны с активизацией номадов на границе, результатом которой становился приток добычи, дипломатических даров и т.п. Районы концентрации импортов можно считать центрами сарматских объединений, играющих заметную роль в регионе. Л.С. Клейн показал информативность такой категории импортов, как римская столовая металлическая посуда (Клейн 1979). Однако в целом проблема не исследована.

Значительную роль играла **торговля**. Сарматов интересовали у оседлого населения одежда, ткани, украшения, фибулы, вино, которые они выменивали на скот и рабов (Strabo. Geogr. XI.II.3). Важнейшим товаром, пользовавшимся стабильным спросом, были бусы и бисер (Ставиский, Яценко 2002: 160). Торговля была довольно примитивной. Сарматам было совершенно чужда идея монетного обращения (Безуглов 2001: 98). В письменных источниках содержится аналогичная информация: «Но и теперь еще есть так называемые «обитатели кибиток» и «кочевники», занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и главным образом сыром из кумыса; они не умеют делать запасов и не знают торговли, кроме обмена товара на товар» (Strabo. Geogr. VII, III, 7).

В раннесарматское время кочевники (видимо, аорсы) закрывали пути купцам вверх по Дону (Strabo. Geogr. XI.II.2), однако с I в. ситуация меняется. В среднесарматское время происходит изменение торговой политики и активизация торговли. Что двигало аланами (а то, что именно аланы с середины

I в. н. э. контролировали регион Нижнего Дона, не вызывает сомнений) – понимание выгод торговли, или же формирование единого политического пространства – трудно сказать. Интенсифицируются контакты с меотами Кубани – в сарматских комплексах с рубежа эр фиксируется значительное количество серолощенной кубанской керамики (Глебов 2002: 135). Важную роль играли новые городища в низовьях Дона. Торговля шла через Танаис, нижнедонские меотские городища, торговые контакты были и с придунайскими областями.

Античная цивилизация оказывала на варварскую периферию сильное воздействие, которое проявлялось в экономических отношениях, культурном влиянии, политической организации. Ситуация с влиянием античного мира на номадов отличается от таковой с другими народами. Образ жизни номадов определял их экономику, социальную организацию и культуру и резко выделял их на фоне других варварских народов.

Без сомнения, античный мир оказывал значительное влияние и на номадов, в том числе и сарматов, но механизмы влияния и их конкретная реализация – это те вопросы, на которые ответить не так просто, особенно учитывая состояние источников. Античные авторы отмечали определенные изменения у сарматов: «Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы чуть ли не всех народов, внеся в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков — гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула также и варварские племена, в особенности «кочевников». Действительно, после знакомства с морем они не только стали хуже в моральном отношении (так, они обратились к морскому разбою и убивали чужестранцев), но соприкосновение со многими племенами привело к тому, что они заимствовали от них роскошь и торгашеские наклонности» (Strabo. Geogr. VII. III. 7).

Проблема существования торговых путей и участия в торговле кочевников уже неоднократно поднималась в литературе (Берлизов 1993; Скрипкин 2003). Особое внимание было уделено проблеме существования северного ответвления Великого шелкового пути. Однако на настоящий момент нет свидетельств о существовании торговли с Китаем. Наличие китайских зеркал, мечей и нефритовых деталей ножен, а также шкатулок в сарматских комплексах на территории Восточной Европы может быть объяснено миграциями и наличием опосредованных контактов, в том числе и торговых, со странами Средней Азии. В Восточной Европе предметы из шелка в I-II вв. н. э. встречаются всего в нескольких экземплярах (Симоненко 2003, 49). В какой степени сами кочевники были вовлечены в торговлю, не совсем ясно.

А.В. Симоненко справедливо полагает: «скорее всего, именно от среднеазиатских родственников и соседей получали сарматы китайские товары, причем это снабжение было далеко не регулярным, а ассортимент изделия – специфически выборочным» (Симоненко 2003: 47). С.А. Яценко указывает на то, что известные нам китайские импорты не соответствуют номенклатуре товаров, вывозившихся из Китая в это время (Яценко 2006: 124). В какой степени сами кочевники были вовлечены в торговлю, не совсем ясно. Регулярные миграции и даже сезонные передвижения номадов делали возможным обмен предметами и без посредничества торговцев. Так, пространство от Приуралья до Хорезма могло быть преодолено в рамках одной сезонной перекочевки.

Для донских сарматов большое значение имел город Танаис. По свидетельству Страбона, основанный боспорскими царями город Танаис быстро превратился в «общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в озеро с Боспора – с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие

принадлежности культурного обихода» (Strabo. Geogr. XI. 2, 3). Страбон сообщает, что это крупнейшее торжище варваров после Пантикапея.

Ремесла и промыслы. Археологические материалы подтверждают, что для всех данных обществ было характерно наличие металлургии. Ткачество и гончарство были, но вряд ли состоялись в качестве отдельного ремесла. У кочевников, очевидно, преобладало домашнее производство, а потребности в ремесленных изделиях удовлетворялись за счет торговли и внешней эксплуатации оседлых народов. Однако существование металлургического производства на уровне промыслов и даже ремесла весьма вероятно. В отношении ткачества можно уверенно сказать, что у номадов использовался горизонтальный и вертикальный станок (Акбулатов 1999: 44). Что касается продукции гончаров, то сарматы предпочитали получать кружальную керамику от оседлого населения (от меотов, из античных центров и Предкавказья), сами на ней не специализируясь.

Экономика осевших сарматов. На этот вопрос нелегко ответить. По Танаису у нас сведений больше. Часть сарматов в Танаисе была военными поселенцами (см. 4 главу). Часть сарматов в Танаисе занималась торговлей (Гугуев, Ильяшенко, Казакова 2007: 443). Любопытно, что в помещениях города накануне катастрофы III в. из неантичной керамики преобладала сероглиняная керамика из Предкавказья, которая преобладала над местной керамикой (Гугуев 1994: 121-122). Эта же керамика из Предкавказья фиксируется в курганах степной зоны Подонья. Что привозили в керамике из Предкавказья? Значительное количество такой керамики не может быть случайностью. Можно предполагать получение зерна из района с лучшими климатическими условиями. С.М. Ильяшенко (Ильяшенко 2013: 88) и Ю.К. Гугуев (устное сообщение) сделали интересное предположение, что этим товаром мог быть мед.

Находка стеклянных изделий в Танаисе, в том числе и из Западной

Европы (Яценко, 2006, с. 134), говорит о возможных торговых связях, проходящих по суше, которые были бы невозможны без участия сарматов.

С.А. Яценко, опираясь на данные скифо-сарматского словаря В.И. Абаева, считает, что анализ танаисской ономастики позволяет узнать профессии или социальный статус сарматов Нижнего Дона. О занятиях сарматов, по его мнению, говорят имена «строитель», «кожевник», «медовар» (Яценко 1998: 54-55).

Что же касается меотских городищ, то предварительно можно предположить для оседающих сарматов те же занятия, что и для меотов (за исключением, пожалуй, ловли рыбы, чье потребление в сарматских комплексах фиксируется крайне редко).

Экономика ограблений. Несмотря на то, что значительный процент сарматских комплексов ограблен, однако эта проблема – анализ ограблений, образ грабителя, экономика ограблений – была поднята только недавно (Яценко, Вдовченков 2013). Существуют ситуации постпогребальной обрядности и обезвреживания покойников. Однако в сарматских некрополях нарушения погребений связаны в первую очередь с ограблениями, в том числе и ограблениями современниками. Более того, именно постоянная угроза ограблений, несомненно, приводила к особым формам маскировки как могилы (небольшие размеры большинства богатых курганов, в начале позднесарматского периода – смещение основного погребения от центра или засыпание могилы грунтами в обратном порядке), так и наиболее ценных погребальных приношений (тайники в стенках или дне могилы в среднесарматское время, замаскированные под материковый грунт). Так риск ограблений стал важным фактором эволюции погребального обряда. Грабители явно знали очень многое о половозрастном и социальном статусе практически каждого умершего и поэтому действовали весьма избирательно. Определенные категории могил (обычно – детей, стариков, то есть бедные погребения) –

обычно не трогали. Высокий процент ограблений отличает погребения среднесарматской культуры.

Таким образом, ограбления могил можно отнести к своеобразной экономической деятельности. По мнению С.А. Яценко, вдохновителями ограблений вполне можно представить себе состоятельных людей; однако трудно допустить, чтобы они сами занимались не престижной для кочевников работой с землей. Характерно, что все наиболее престижные изделия ранних эпох из разрушенных сарматами могил всегда оказывались в могилах сарматской аристократии (Яценко 2009).

Глава II. Социопотестарные структуры и институты сарматов

§ 1. Социальное пространство Сарматии и социальная структура сарматского общества

Одной из существенных проблем, связанных с определением основных социальных категорий сарматского общества является нечёткость и противоречивость понятий, которыми пользовались античные авторы. С большей или меньшей степени уверенности можно известные нам термины античных источников группировать в зависимости от их порядкового значения. Однако, чёткая идентификация таких понятий как «племя», «род», «клан» и т.п., допускаемая некоторыми исследователями, представляется невозможной. Расплывчатость социальной терминологии отмечалась даже в рамках произведений одного автора, что в принципе естественно для донаучной нарративной традиции. И уж тем более нет понятийного единства в произведениях разных историков античной эпохи.

В то же время следует иметь в виду крайнюю нечёткость терминов, обозначающих объединения различного уровня и принципа группирования, свойственную абсолютному большинству кочевых обществ Евразии в различные исторические эпохи. Нет никаких оснований полагать, что в сарматском кочевом обществе ситуация обстоит иначе.

Общества у кочевников структурируются по следующим позициям:

Этнические общности (родоплеменные группы);

Половозрастное разделение;

Экономическая специализация;

Властные отношения.

Опыт исследований показывает, что у номадов большую роль играют половозрастные принципы организации общества. Их еще называют

горизонтальными. Есть и вертикальные принципы организации общества – по экономическому богатству, по властным отношениям. Система вертикальных отношений сопряжена с системой горизонтальных связей – так, процесс социализации и взросления ускоряла принадлежность к элите. Следует учитывать, что эта схема несет очень упрощенный характер, и для любого общества мы имеем несколько пересекающихся систем координат.

Институт половозрастных групп является самой ранней формой социальной стратификации, и выступает главным структурообразующим элементом всех древних и традиционных коллективов. В силу ограниченности номадного способа производства есть предел социальному развитию номадов. В силу этого половозрастное деление обычно сохраняется у номадов древности. Мы должны также учитывать уравнивательные факторы в обществе кочевников. Нет очень бедных номадов, поскольку для кочевания предполагается определенный минимум скота. Без обеспечения этого минимума кочевник не может существовать, часто переходя к оседлому образу жизни. Но экстенсивное кочевое скотоводство ставит предел и богатству, поскольку не позволяет скопить большое количество богатства, и тем более не позволяет установить монополию на средство производства – землю и скот.

Реконструкция **половозрастной структуры** населения, проводимая по антропологическим данным, полученным при исследовании погребальных комплексов, является, как правило, первым шагом при моделировании социальной системы древних обществ. Распределение материального инвентаря по возрасту и полу, определение женских, мужских и детских погребений – это важнейшие задачи, стоящие перед исследователем. Несмотря на значительное количество исследований по сарматской археологии и истории, этот вопрос только начинает прорабатываться.

Обычно, характеризуя уровень социально-политического развития, к сарматам применяют термины «племена», «союзы племен». Это вполне

согласуется с данными античных авторов и сопоставлением с этнографически известными номадами. Родоплеменная структура общества типична для кочевников и в частности для населения степной зоны Восточной Европы. Эти понятия позволяют охарактеризовать как развитие этнических, так и политических процессов у кочевников, в силу двойственного характера такого института как племя. В настоящее время для обозначения структур, основанных на принципе родства в отечественной науке используются различные термины: «род», «клан», «линидж» и т.п. При этом сколько-нибудь общепринятая иерархия понятий отсутствует. Положение осложняется тем, что целый ряд исследователей, чьи научные интересы далеки от социальной и политической антропологии, продолжают ориентироваться на устаревшие теоретические модели советской версии марксизма, постулирующие существование в первобытности «родового строя», который отождествляется с первичной формацией и разлагается при переходе к классовому обществу. Между тем, неадекватность этой схемы, восходящей к работам Ф. Энгельса (Энгельс 1934) историческому и этнографическому материалу стала очевидной для многих ещё во второй половине XX века (Кабо 1986; Бутинов 1968; Коротаев, Оболонков 1989), и в настоящее время признаётся даже марксистскими исследователями первобытности (Семёнов 1993: 52-53).

При этом если для обществ классической первобытности, при всей условности понятия «род», соответствующий уровень социальной организации представляется возможным выделить, то выявление соответствующей социальной единицы, в большинстве кочевых обществах Евразии представляется тем более проблематичным в связи с отмеченной многоуровневой сегментарной структурой их объединений.

В отношении сарматов источники не дают сколько-нибудь чёткой картины. В нескольких сообщениях античных авторов о скифах и сарматах фигурирует абстрактный круг родственников, которые участвуют в подготовке

и проведении похорон умершего скифа (Herod. Hist. IV, 26) и выступают совместно в поход в целях осуществления мести за обиду, нанесённую сородичу (Luc. Tox. 47, 48).

По поводу Лукиана Токсариса следует обратить внимание на то, что скифы из этого произведения – не классические скифы. И хотя исследователи очень критично относятся к Лукиану как источнику, но этнографические реалии описаны им довольно убедительно, и могут быть связаны с кочевым населением первых веков нашей эры.

Размеры этих родственных групп могут быть реконструированы только гипотетически. Кроме того, нет уверенности в том, что различные функции выполняли родственные группы одного порядка. Согласно сообщению Лукиана, скиф Арсаком из родственников и добровольцев сумел собрать отряд в двадцать пять тысяч человек (Luc. Tox. 48). Конечно, цифра сильно преувеличена, но показывает, что родственные связи позволяли привлечь значительное количество людей.

Несмотря на то, что приведённые свидетельства не позволяют сколько-нибудь полно реконструировать родоплеменную структуру сарматского общества, они, как представляется, дают достаточные основания предполагать большую роль отношений родства и структур, построенных на их основаниях. Именно родство, в рассмотренных случаях выступает главным консолидирующим принципом в деле взаимопомощи. Поэтому с высокой долей уверенности можно предположить, что проявления солидарности в коллективах, основанных на родственных связях (не важно, реальных или фиктивных) не исчерпывались описанными случаями, а сам принцип родства выступал конституирующим для всех, или, по крайней мере, основных уровней социальной организации сарматов. Сарматское кочевое общество в этом отношении существенно не отличалось от большинства изученных обществ евразийских номадов (Марков 1976; Крадин 1992; Хазанов 2002).

В пользу ключевой роли отношений, основанных на родстве, свидетельствует описанный Лукианом обычай побратимства. Согласно источнику, он сопровождался обрядом символического «смешивания крови» и означал установление особо тесных, подлинно братских отношений между участниками, число которых не должно было быть более трёх (Лис. Тох. 37). И то, что в данном случае мы имеем дело не с действительным, а с «договорным» родством, как раз подтверждает его конституирующее значение. Как показывают историко-этнографические наблюдения, обычаи побратимства имели наибольшее значение в обществах, где родственные связи продолжали играть доминирующую роль. Исследование С.А. Яценко показывает предполагаемое значение этого института именно в сарматской среде (Яценко 2016).

В качестве основных факторов стратификации выступали сословный, имущественный и этнический. Свидетельства античных авторов позволяют судить о заметном **социальном расслоении** в сарматском обществе, что в полной мере подтверждается и археологическими материалами.

Как полагает большинство исследователей, основную массу сарматского общества составляли лично свободные сарматы, обладающие достаточной хозяйственной самостоятельностью. Согласно Лукиану, данная прослойка у скифов носила красноречивое наименование «восьминогие», означавшее обладание парой волов и, надо полагать, кибиткой, которую везли волы. Таким образом, возможно, подчёркивался самодостаточный характер кочевого домохозяйства, поскольку, как показывают данные сравнительной этнографии по евразийскимномадам, дополнительные юрты/кибитки использовались для прислуги (Вайнштейн 1992: 14).

Статистические подсчёты, проведенные на основании археологических данных, убедительно показывают как абсолютное численное преобладание у сарматов данного социального слоя, так и его свободный статус. Надёжным

подтверждением последнего служит присутствующее в захоронениях оружие. Эта однородность, наличие кочевнического «среднего класса» является важным условием военной успешности. В случае размывания однородности кочевников и имущественного расслоения военная эффективность обычно снижается.

В то же время, очевидно, что внутри слоя незнатных свободных существовала заметная имущественная дифференциация, нашедшая отражение в различном богатстве погребального инвентаря. Как и в большинстве кочевых обществ Евразии, масса рядовых скотоводов выступала основой войска, что обеспечивало достаточно высокий статус всем лично свободным полноправным сарматам.

О рабах у сарматов, в отличие от скифов, нам известно меньше. Но есть основания полагать, что сарматы не нуждались в большом количестве рабов. Их труд имел ограниченное применение, скорее всего в основной сфере хозяйства – скотоводстве вообще не использовался. Те же рабы, которые упоминаются в источниках, были военнопленными, предназначенными, видимо, на продажу.

Элита. Исследователями уже неоднократно поднимался вопрос об определении стратификации на основании анализа погребальных комплексов. В раннем железном веке на смену ранжированному обществу приходит стратифицированное (Медведев 2002). Выраженная стратификация общества, формирование сословных структур прослеживаются в наличии аристократического стратума. Маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, территориальные и погребальные отличия этой группы. О тенденциях формирования сословности свидетельствуют пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки), военная деятельность определенной группы, поголовная вооруженность, стандартизация инвентаря, в первую очередь оружия. В этом плане особенно перспективны для анализа материалы среднесарматской культуры.

Погребения вождей, военных предводителей и знати выделяют по таким критериям, как богатство, статус, используемые при сооружении погребения трудозатраты. Богатство может быть определено по наличию золотых и серебряных изделий, импортов (особое значение имеет металлическая и стеклянная посуда), количеству погребального инвентаря. Статус определяется по некоторым предметам – оружию, роскошным диадемам, поясам, браслетам, исполненным из золота и драгоценных камней. Значимым социальным маркером в позднесарматское время, видимо, является обычай деформации головы. Кстати, способы получения статусных предметов сарматами не так важны – важно зафиксировать их наличие в археологическом комплексе. Как они попали к сарматам – в качестве трофеев, дани, как дипломатические дары или результат торговли – в контексте этого исследования имеет второстепенное значение. В любом случае это результат успешной экзополитарной деятельности и политического влияния.

Тип погребального сооружения тоже весьма важен для выявления статусных погребений. Следует обращать внимание на основные погребения в курганах. В раннесарматское время при совершении впускных погребений в курганы роль центрального погребения играла могила с заплечиками, обычно единственная в кургане. Именно в этих погребениях с заплечиками часто встречаются котлы и другие металлические сосуды, богатый инвентарь. Но погребенного в заплечиковой яме трудно отнести к элите. Скорее, это был предводитель семейной группы, клана, но не представитель аристократии.

Популярный критерий при определении погребений элиты – трудозатраты. Принято считать, что на протяжении раннего железного века значимость этого критерия уменьшается – возможно, в связи с регулярными ограблениями курганов. Огромные царские курганы, как у скифов, в сарматское время не фиксируются. Поэтому возникло мнение, что в сарматское время нет особой корреляции между самыми статусными погребениями и размером

погребального сооружения. Однако последние исследования С.А. Яценко показали существование среди курганов кочевой знати среднесарматской культуры бассейна р. Дон двух групп, различавшихся по высоте и масштабам. Одну, большую по величине, он называет условно «царскими», другую связывает с «местными вождями» (Яценко В печати). Следует обращать внимание также на очень глубокие погребения, масштабные камеры катакомб и т.п.

Еще один перспективный источник при выделении комплексов аристократии – тамги. Следует обратить внимание на так называемые царские тамги Боспора. Их появление связывают с сарматизацией Боспора и династическими связями правящей верхушки с сарматскими племенами (Шаров 2013). Комплексы, где встречаются тамги, близкие царским тамгам Боспора, закономерно привлекают к себе внимание. Они могут принадлежать влиятельным кланам. Также следует обратить внимание на тамги в богатых погребениях, на статусных вещах, конской упряжи, оружии. Любопытно сопоставить эту информацию с материалами «энциклопедий тамг» – размещением на разных предметах (особенно плитах) серий тамгообразных знаков (Рис. 2, 3 Приложения). По мнению С.А. Яценко помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных и политических акций. Характерно наличие так называемых царских тамг на этих энциклопедиях, что позволяет предположить участие боспорских царей или, скорее, их представителей в этих акциях. Следует обратить внимание на место тамги на плите. Можно предположить, что центральное место на плите принадлежало тамгам самых сильных кланов. Порядок нанесения, размер и место тамги на плите может говорить о влиянии клана, владевшего этой тамгой.

Анализируя погребальный инвентарь, можно сделать выводы о социальном статусе погребённого. Так, Е.Л. Гороховский выделял 4 типа

сарматских погребений: княжеские, аристократические, рядовые и бедные (Гороховский 1989: 19). Социальные структуры аланов исследовал Ф.Х. Гутнов (Гутнов 2001). С.А. Яценко предложил критерии для различения представителей царских и знатных родов (аристократов-ардаров, по его выражению) для среднесарматского периода (I – сер. II вв.). Для первой группы это золотые гривны с зооморфными изображениями или геммами, комплекты предметов импортной серебряной посуды, точильные камни в золотой оправе, обильно украшенные золотом пояс и меч, конская упряжь с золотыми бляхами, серебряные сосуды, серебряные кубки с зооморфными ручками, золотые диадемы и браслеты, золотые кубки с зооморфной ручкой и туалетные флаконы. Для второй группы, рангом ниже, характерны пояса, конская упряжь с позолоченными пряжками и бляхами, золотые браслеты, меч с более скромным золотым декором, бронзовая импортная посуда, скромные диадемы или гривны с включением мелких золотых элементов, особые скипетры, специфические ожерелье из амулетов, туалетные флаконы и перстни (Яценко 2002).

§ 2. Институт миграции и социальные процессы

Миграции занимали в жизни кочевников важную роль. Для кочевников миграция является одной из самых стандартных реакций на изменение обстановки. Не имеющие жесткой привязки к одному определенному месту, обладающие достаточно ненадежным прибавочным продуктом, кочевники легко снимались и переходили на другие территории.

При очевидной роли миграций в историческом процессе проблеме миграций в советской науке не уделялось должного внимания. Главная причина этого – господство в советской исторической науке теории автохтонизма и идеологическое противостояние с западными учеными-миграционистами. По этой причине теория миграционных процессов по археологическим материалам

в отечественной науке разработана слабо (Мерперт 1978; Титов 1982; Клейн 1988, 1999).

Л.С. Клейн в своей теоретической работе по миграциям выделяет следующие стадии миграции: «эмиграция + переселение + иммиграция. Для полноты спереди к ним можно было бы добавить предмиграционное состояние – мотивацию миграций, а сзади – последствия миграции» (Клейн 1999: 65).

Миграция может проходить в форме диффузии (постепенного продвижения и последующего смешивания), инвазии (вторжения), инфильтрации (единичных случаев проникновения, «просачивания» небольших групп мигрантов) (Клепиков 2002: 126). Инфильтрации вполне возможны и, видимо, регулярно происходили. Однако наиболее значимы были инвазии, которые приводили к политическим и этнокультурным изменениям.

Мотивация миграции может быть обусловлена самыми разными причинами. К.Ф. Смирнов называет природно-экологические, демографические, хозяйственно-экономические, внешнеполитические, внутренние социально-политические причины, отмечая при этом, что они еще делятся на локальные и региональные (Мошкова 1997: 68). К.Ф. Смирнов подчеркивает индивидуальный характер каждой миграции и комплексное воздействие причин во многих миграциях. Безусловно, что в каждой конкретной миграции следует искать свой комплекс причин.

В качестве основной предпосылки частых миграций кочевнических племен следует выделить такой фактор, как нестабильность и малая продуктивность кочевнического типа хозяйствования. Отсюда истекает и огромная роль природно-климатического фактора, влияющего на условия хозяйствования, и вынужденная необходимость для кочевников искать средства к существованию у своих богатых оседлых соседей.

Вместе с этим необходимо быть осторожными при определении причин древних миграций. Скудость источниковой базы не позволяет нам увидеть

цельную картину прошлого, и некоторые факторы могут ускользнуть от нашего внимания. Многие причины миграции могут не фиксироваться основным источником – археологическими данными (например, начавшаяся эпидемия, угроза голода и другие случаи). Ведь археология оперирует достаточно большими отрезками времени, в то время как событие, послужившее причиной миграции, может быть достаточно кратковременным. Поэтому все выявляемые причины миграций обладают известной степенью гипотетичности.

Последствия миграции и роль ее в этногенезе племен или народностей субстрата и суперстрата в каждом случае будет разной, и делать конкретные выводы можно только после тщательного исследования каждой миграции в отдельности.

Для понимания происходящих миграций и механизма их реализации имеет смысл выделить три стадии миграции: «разведка боем», основная миграция, стабилизация мигрантов (Табл. 7 Приложения).

«Разведка боем». Обычно номады хорошо представляли себе, куда они будут переселяться. Это происходило благодаря широкому использованию военных отрядов. Они могли выступать в качестве наемных дружин, проводить самостоятельные набеги. Удачный набег мог спровоцировать миграцию.

То обстоятельство, что миграциям предшествовали военные акции и военное участие в них будущих мигрантов, достаточно известен. Например, проникновение языгов на Средний Дунай в I в. н. э., скорее всего, началось с участия языгов в военных операциях на стороне Ванния в середине I в. н. э. Корнелий Тацит в «Анналах», рассказывая о разгроме царства Ванния, упомянул о «коннице из сарматского племени языгов» (Tacit. Ann. XII. 29. 30), которая находилась на службе у Ванния.

Освоение венграми той же самой территории Среднего Дуная в X в. началось с деятельности военных отрядов, действующих на службе у мораван или же самостоятельно. Только следующим этапом было переселение всех

венгров (Шушарин 1997: 51-54). Здесь следует вспомнить и экспедицию Джеббе и Субедея 1222-1224 гг., предваряющую Великий западный поход монголов.

По мнению Б.А. Раева, по этой же схеме происходило освоение аланами степей Юго-Восточной Европы (Раев 2008). Первая орда, с которой можно связать погребения зубовско-воздвиженского типа, появилась в Восточной Европе во второй половине I в. до н. э. после Митридатовых войн. Вторая орда оставила богатые погребения на Нижнем Дону. Несмотря на значительный разрыв между этими волнами, все же их можно рассматривать как части одного миграционного процесса, хоть и растянутого во времени.

Интересен состав мигрантов и их социальная организация. На антропологическом материале показано, что первая волна переселения, результатом которой стало формирование джеты-асарской культуры, была осуществлена именно мужчинами (Бужилова 2005: 152). Поиск реальных социальных институтов и процессов заставляет нас выдвигать гипотезы и анализировать проблемные ситуации. Один из интересных механизмов переселения, упоминаемых в литературе, но недостаточно исследованных, является участие в миграции молодежных объединений и других аналогичных форм социальной организации. У туркмен на первом этапе переселения новые земли осваиваются группой неженатой вооруженной молодежи (Ботяков 2002: 72-77). Ряд авторов уже ставили вопрос о существовании мужских и молодежных союзов у сарматов (Ustinova 2002; Вдовченков 2013), хотя, конечно, следует помнить о дискуссионности этой гипотезы.

Следует также уделить внимание такому немаловажному моменту, как эффективность действий мигрантов. Обычно мы знаем об успешных миграциях, приводящих к смене политической ситуации и этнокультурного состава региона. В качестве факторов, способствующих результативности действий мигрантов, следует указать, помимо предельной мотивации, также то обстоятельство, что они знали расклад политических сил и военную ситуацию в

регионе миграции. Военный этап миграции открывал дипломатические каналы, помогал организовать военные экспедиции и новые союзы. Мигранты приходили на подготовленную почву.

Еще один вариант развития событий – политическое присутствие без переселения. Получение частичного политического контроля над регионом возможно при помощи отдельных кочующих орд, регулярных набегов, присутствия дружин (Золотое кладбище на Кубани с середины I в. н. э.).

Постепенная инфильтрация некоторых родов в новый регион (и откочевки назад) могла делать военную стадию переселения излишней. Вообще стоит помнить о вариативности путей и механизмов миграции и о том, что жизнь всегда богаче наших умозрительных схем.

Основная миграция. Это перемещение основной массы населения. Обычно это результат сегментации, т.е. отпочковывания от племенной группировки части населения. Обычная для кочевников сегментация приводила к расколу племенных групп на меньшие, которые откочевывали в другие области. Хотя, конечно же, возможно переселение всего племени.

Нам не просто определить по времени и содержанию многие сообщения, например, информацию Птолемея о языгах и роксоланах в Северном Приазовье (Ptol. V, III, 19). Мы можем их отнести ко II–I вв. до н. э., до миграции языгов и роксоланов на запад на рубеже эр, или же считать их сегментированным остатком, не вовлеченным в миграцию и проживающим там во времена Птолемея во II в. н.э.

По составу мигранты могли быть преимущественно мужчинами (Балабанова 2014: 24). На этом этапе происходило и завоевание новых территорий. Необходимость создания эффективной политической организации вызывала мощные центристремительные тенденции, сопровождавшиеся формированием строгой иерархии кочевых сообществ. Этап миграции предполагает максимальную мобилизацию военных ресурсов.

Стабилизация мигрантов. На этой стадии происходит установка стабильных маршрутов перекочевков и привязка к зимовникам, совершенно необходимых в климатических условиях степной зоны Восточной Европы. Также для этого этапа характерно установление стабильных экзополитарных отношений с оседлой и кочевой периферией. Появляются могильники, фиксируемые археологически.

Миграции приводили к миксации кочевнических обществ, к тому, что население прежних союзов племен входило в состав новых, со временем ассимилируясь. Так, этноним «аланорсы» (Ptol. VI, 14, 9) рассматривают как возможный итог смешения аланов и аорсов. Название новой орды распространялось на все население, что создавало иллюзию этнокультурной монолитности (что на самом деле часто было весьма далеко от реальности). Хорошо известный текст Аммиана Марцеллина дает представление об этом процессе: «Аланы, разделенные по двум частям света, раздроблены на множество племен, перечислять которые я не считаю нужным. Хотя они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения» (Amm. Marc. XXXI, 2, 17). Нельзя не упомянуть крайнюю пестроту таких степных объединений.

На этом же этапе происходит оседание части кочевников, живших в регионе до мигрантов. Седентаризация – это следствие миграции другой волны номадов. Миграция приводит к вытеснению субстрата на периферию (Северный Кавказ, центры оседлости степного региона, Крым, на Средний Дунай). Часть, конечно, остается на месте и включается в состав пришлого населения. Таким образом, изгнание кочевников на периферию и их седентаризация есть результат новой миграции и ее составная, неотъемлемая часть.

Не все миграции мы можем проследить. Сообщения античных авторов

фрагментарны. А археология не всегда дает нам информацию. Поэтому важно уметь выделять **археологические признаки миграции**.

Чтобы удостовериться в том, что именно миграция действительно имела место (а не, например, культурные заимствования), необходимо проверить критерии, которые устанавливают наличие этой миграции. Ирвинг Рауз предложил пять критериев, которые надежно фиксируют миграцию (Клейн 1999: 60):

- 1) идентифицировать мигрировавший народ как вторгнущуюся общность в районе, где он оказался;
- 2) проследить эту общность до родины;
- 3) удостовериться, что все проявления этой общности одновременны;
- 4) установить наличие благоприятствующих условий для миграции
- 5) показать, что другие гипотезы (диффузия признаков или самостоятельное изобретение культурного явления) не лучше удовлетворяют настоящему положению дел.

Привлечение антропологических данных, картографирование находок и использование данных других дисциплин окончательно может подтвердить достоверность миграции. На самом деле многие перечисленные критерии могут не подтвердиться в результате исследования какой-либо конкретной миграции, в то время как миграция будет надежно зафиксирована (Клейн 1999: 60). Но для формирования полной картины миграции и большей достоверности исследования лучше использовать все эти критерии.

Комплексы должны соответствовать хронологическому критерию, то есть относиться ко времени, предшествующему миграции или быть одновременными с ней.

Комплексы также должны соответствовать территориальному критерию. Сущность территориального критерия состоит в том, что две культуры – культура мигрировавшей общности и культура исходная должны занимать

соседние ареалы, или между ними должна быть полоса памятников промежуточного типа. Используя территориальный критерий, исследователь должен объяснить, как проходила миграция, и как мигранты преодолевали препятствия, встреченные ими на своем пути (горы, широкие реки, мощные политические образования и т. п.).

Одним из критериев, используемых исследователями при анализе путей древних миграций, является прослеживание миграции по отдельным типам вещей. Использование этого критерия предполагает, что типы вещей характерны только для определенных обществ и распространяются вместе с ними. Конечно, против этого критерия существует достаточно серьезная аргументация. Определенные типы вещей могли одинаково встретиться в самых разных обществах (например, гончарная керамика или фибулы).

Помимо этого, распространение многих типов вещей в других культурах можно объяснить не только миграциями. Вещь могла попасть в другую культуру благодаря обмену, как военная добыча, как культурное заимствование или вместе с подвижной группой людей (бродячими ремесленниками, воинами, торговцами). Поэтому этот критерий в настоящее время используется лишь со значительными поправками.

Развитием этого принципа – определения миграции по отдельным типам вещей – является концепция «этнических показателей». Согласно этому принципу, некоторые элементы культуры теснейшим образом связаны с этнической культурой и по наличию этих элементов культуры можно судить об этнических перемещениях (Клейн 1999: 58). В связи с этим подходом возникает неясность – что именно считать таким элементом. В качестве таких элементов предлагалось использовать лепную керамику, технику ее обработки, кремневые орудия труда, погребальный обряд и его элементы (например, ориентировка погребенного, положение тела или размещение инвентаря), орнамент, украшения, произведения искусства, формы орудий труда и оружия, отдельные

элементы домостроительства и многое другое (Геннинг, Бунатян, Пустовалов, Рачков 1990: 151; Клейн 1999: 58 и др.).

Концепция «этнических показателей» может использоваться в исследованиях этнических миграций, но с определенными оговорками. В вопросе об этнической детерминированности некоторых предметов или элементов обряда следует определять известную осторожность. Определенные элементы культуры могут быть характерны для некоторых обществ, но считать эти общества этническими и соответственно придавать этим элементам культуры характер этнических маркеров было бы некорректно (Арутюнов, Хазанов 1979). Корректнее говорить не об «этнических показателях», а об элементах культуры, характерных для того или иного общества. Во всех случаях использования таких элементов культуры необходимо аргументировать их использование и не ограничиваться использованием только этого подхода.

Недостатки двух предыдущих подходов заставили исследователей обратиться к комплексному (или лекальному) критерию. Согласно этому критерию передвижения и миграции древних обществ можно обнаружить, проследив сдвиги комплексных сочетаний культурных элементов. В настоящее время этот критерий – комплексный критерий миграции – следует считать основным при исследовании миграций древних обществ. По этому критерию, для доказательства миграции нужно зафиксировать перемещение всего комплекса форм от исходного места миграции до ее конечного пункта, при этом комплекс форм остается неизменным (Клейн 1999: 58).

Различные элементы материальной культуры одной общности не являются чем-то изолированным, они находятся в определенной связи между собой и составляют некоторую целостность, что позволяет исследователю отличать элементы материальной культуры одной общности от элементов материальной культуры другой общности (Геннинг, Бунатян, Пустовалов, Рачков 1990: 152).

Но проведенные затем наблюдения привели исследователей к выводу, что

лекальный критерий нуждается в доработке, поскольку во многих прослеженных миграциях древних народов перемещение всего культурного комплекса не прослежено. В то же время встречаются существенные изменения облика культур в тех местах, где по письменным источникам жило население одной этнической общности (Титов 1982). Постепенно исследователи пришли к пониманию того, что культура мигрантов не может быть точной копией культуры места исходного района миграции. Это происходит благодаря воздействию трех факторов:

1. Эффект усреднения. Любая археологическая культура при изучении ее на временном протяжении делится на этапы, каждый из которых характеризуется средними параметрами. Археологическая культура, отражая социокультурную жизнь общества, неизбежно изменяется со временем. Средние параметры до и после миграции, по прохождении какого-то количества времени, естественно, будут различаться.

2. Миграционная трансформация. Любая миграция сопряжена с трансформацией культуры. Это связано с переменой природной и социальной среды, сменой окружения, экономической и политической ситуации. Переселяясь на новое место, мигранты должны учитывать местные культурные, экономические, культовые и иные традиции.

3. Неидентичность состава. Имеется в виду, что культура мигрантов и их состав отличается от культуры и обычной социальной структуры. Выделяют два источника неидентичности состава – исходная неидентичность и конечная неидентичность. Исходная неидентичность объясняется тем, что в миграцию отправляется не все общество, а только часть его (например, молодые воины или самая мобильная часть общества). Серьезные изменения происходят также в том случае, если в миграцию отправляется все общество, но оно структурно перестраивается для миграции.

Конечная неидентичность состоит в том, что мигранты, пройдя

определенным маршрутом, набирают разные элементы других культур по пути миграции. Согласно гипотезе обходной миграции, это происходит благодаря тому, что группа мигрантов проходит через несколько очагов разной культуры, заимствуя по пути элементы этих культур. По другой гипотезе – гипотезе кооперированной миграции – группа мигрантов могла вовлечь в движение небольшие группы племен, встретившиеся им на пути миграции (Клейн 1999: 59).

При использовании локального критерия миграции следует учитывать все три рассмотренные фактора – эффект усреднения, миграционную трансформацию и неидентичность состава.

Исследуя миграцию, следует использовать максимальное количество критериев миграции для сопоставления разных археологических комплексов. Чем большее количество элементов совпадет, тем больше вероятность того, что эти комплексы связаны не торговлей или иными способами распространения инвентаря, а миграцией. Особенно следует прослеживать те элементы, которые тесно связаны с жизнью оставившего их общества, не являющиеся при этом предметом торговли, желанным трофеем или предметом, популярным на всем пространстве степей. Такие вещи, как импортная керамика, популярные и широко распространенные формы вооружения, фибулы и некоторые виды украшений могут не нести в себе информации о культурной принадлежности их владельцев. Больше подобного рода информации содержат лепные формы керамики, самобытные формы украшений и предметов быта. Также, конечно, следует использовать в исследовании элементы культуры, отражающие духовную жизнь рассматриваемого общества – орнамент, погребальную обрядность и т. д.

Происхождение археологических культур – «проклятый вопрос» археологии. Однако у сарматов на этот вопрос ответить можно. Ключевой фактор культурогенеза – это смена населения в ходе миграции. Сарматская

археологическая культура известна нам по погребальным памятникам. И хотя погребальные сооружения не равны этнической общности (примеров чего довольно много), но смена населения заметна по смене погребальной обрядности, инвентаря, сооружений.

В формировании сарматских культур играли два компонента – автохтонное население и мигранты. Сарматские археологические культуры трансформировались и менялись в первую очередь под влиянием миграций. Но миграция приводила к ощутимым результатам в культуре, если у мигрантов было политическое превосходство. Завоевание политического господства приводило к изменению политического ядра. Происходила смена элиты и смена культурных стандартов и ориентиров, вокруг нового политического ядра формировалась этнокультурная общность. Таким образом, миграции были источником этнокультурных изменений и культурогенеза.

§ 3. Социальные институты сарматов

Анализа **семьи и семейных отношений** у сарматов производится по погребальной обрядности. Известны также совместные погребения 2-3 человек (мужчина-женщина, мать-ребенок, мужчина-женщина-ребенок), например, в могильнике Новом. Нам известна традиция семейных, как предполагают, курганов-кладбищ у ранних сарматов. В них вокруг центрального погребения в кургане размещались по кругу (иногда в линию) несколько сарматских погребений (Мордвинцева 1993). Но для того, чтобы уверенно говорить о том, что мы имеем семейно-родовую структуру в одном кургане, необходима

генетическая экспертиза костных останков (на настоящий момент таких исследований не проводилось).

Есть этнографические данные, свидетельствующие о типичности для кочевников малой семьи. Несмотря на отмечаемые сложности в интерпретации исследованных захоронений для реконструкции форм и характера семьи, материалы крупных могильников, состоящих преимущественно из обособленных небольших захоронений дают дополнительные аргументы в пользу относительно небольшого размера сарматских семей.

Еще один косвенный аргумент в пользу малой семьи – использование сарматами кибиток и повозок для проживания, что отмечено античными авторами: «В кибитках сходятся мужчины с женщинами, там же рождаются и воспитываются дети, это — их постоянные жилища, и куда бы они не зашли, там у них родной дом» (Amm. Marc. XXXI, 2, 18). Логично предполагать, что в одной кибитке помещалась одна семья.

Если говорить о положении женщин в сарматском обществе, то с одной стороны его нельзя однозначно определить как равное с мужским, но с другой нет оснований говорить о крайней принижённости. В античной традиции было принято выделять савроматов, которых называли «женоуправляемыми» (Ps.-Scil. *Peripl* 70). Однако, следует иметь в виду, что в данном отношении савроматы, скорее всего, представляли собой исключительный случай и на их фоне сарматское общество выглядит более патриархальным. Этнографические данные по многочисленным кочевым обществам Евразии убедительно свидетельствуют, что в доиндустриальную эпоху положение женщин у них было в целом выше, чем у оседлых соседей.

У сарматов безусловно наличествовало чёткое разделение мужских и женских занятий, что фиксируется содержанием погребального инвентаря захоронений (Балабанова и др. 2015). Однако оно не носило абсолютного, табуирующего характера, в пользу чего свидетельствуют женские захоронения

с оружием.

Такой институт, как **род**, фиксируется у сарматов античными авторами. Однако нет информации о родовой организации, особенностях ее функционирования. По археологическим данным, преобладание небольших могильников сарматов говорит о семейных и клановых некрополях. Наряду с их сообщениями, имеет смысл обратить внимание на тамги – знаки клановой идентичности. Сохранение на протяжении столетий одних и тех тамг говорит о значимости клановой (родовой идентичности).

Мужские и молодежные объединения. В настоящее время появляется все больше осторожных замечаний и предположений о том, что у сарматов могли существовать мужские союзы или другие подобные организации с аналогичными функциями (молодежные союзы, возрастные классы) (Симоненко 1993: 105; Иштванович, Кульчар 2000; Исаенко 1993: 176-177; Ustinova 2002). Следует отметить некоторую терминологическую неопределенность в вопросе классификации половозрастных институтов и близость ряда используемых понятий. Хотя «мужские объединения», «молодежные союзы», «возрастные классы», «тайные союзы» и означают не одно и то же, тем не менее, генетически между собой связаны.

Мужской союз играл очень важную роль в общине, будучи связан как с комплексом инициационных испытаний, так и с военной функцией. Известно, что необходимые для первобытных и предклассовых обществ знания, умения и навыки член общины получал с детства, в ходе традиционных для первобытных обществ инициационных испытаний, которые играли огромную роль в жизни первобытных и доклассовых обществ. Обширный сравнительный этнографический материал позволяет изучить инициации и опыт ее прохождения многими народами мира. Схема инициации, как это показали исследования, включает в себя элементы, общие для разных обществ. Инициация состояла из выделения иницируемых из социума (ритуальная

смерть), прохождения ими подготовки в молодежных союзах и возвращения (рождение в новом качестве). В молодежных союзах юноша проходил необходимую подготовку. Подготовка проходила на границах территории общины, где молодежь занималась охотой, грабительскими набегами как на свое племя, так и на чужие, а также участвовала в охране границ. Здесь же они получали необходимые в дальнейшей жизни знания. Молодежные союзы, в свою очередь, могли быть частью системы возрастных классов.

Важнейшие функции молодёжных союзов – воспитательная и военная. Позволю себе пространную цитату из Г.П. Снесарёва: «Мужские союзы, создававшиеся на базе возрастных классов с их функциями воспитания молодого поколения и системой инициаций, и после окончательного оформления и последующего усложнения своей структуры не утратили значения своеобразной школы молодёжи... Некогда мужские объединения готовили к самостоятельной жизни опытных охотников, способных обеспечить коллектив пищей, воинов для защиты племени в эпизодических конфликтах, и пастухов, знающих границы кочевий и имеющих навыки скотоводства. Наконец, наступил исторический момент, когда обществу потребовался воин для грабительских набегов и накопления» (Снесарёв 1963: 172).

Проблема формирования и соотношения возрастных классов, мужских объединений, молодежных союзов, а также тайных обществ очень важна для реконструкции процесса социальной эволюции. Последовательность развития этих институтов рассматривалась в ряде работ, однако следует признать эту проблему недостаточно исследованной. К сожалению, вопрос о развитии и изменении мужских союзов – от зарождения до пережитков – слабо разработан в науке. С.П. Толстов так говорил об этом (подразумевая под тайными союзами определенный этап в развитии мужских союзов): «"Тайные союзы" являются организацией, историческая роль которых в процессе становления классового общества учтена ещё в ничтожной мере» (Толстов, 1948: 312). Через шестьдесят

лет эти слова сохраняют свою актуальность, хотя в отечественной науке вопрос о молодежных и мужских союзах у разных племен и народов подробно рассматривался во многих исследованиях (Андреев 2004; Балушок 1993, 1995, 1996; Геннеп 1999; Калиновская 1976; Карпов 1996; Толстов 1938; Тревер 1947; дискуссия в Советской этнографии о половозрастной стратификации общества в 1981-1982 гг. и др.). Это явление и его пережитки отмечены у многих народов мира – славян, греков, народов Кавказа, Африки, тюркских кочевников, персов.

Следует отметить некоторую терминологическую неопределенность в вопросе классификации половозрастных объединений и классов и близость ряда используемых понятий. Мужские объединения, молодежные союзы, возрастные классы, тайные союзы хоть означают и не одно и то же, тем не менее, генетически между собой связаны. Возможно ли построить эволюционистскую схему, носящую более-менее универсальный характер, позволяющую нам судить об альтернативах социальной эволюции мужских союзов? При всей гипотетичности реконструкций можно выделить определенные тенденции. Эволюция мужских союзов могла привести к их постепенному отмиранию и замещению их новыми социальными формами, и о них могут напоминать только пережитки инициационных испытаний и ритуалов. Другой вариант – это превращение их в особую форму организации знати, тайные союзы или промысловые артели. С исследованием этого явления в истории древних обществ связан ряд проблем. Один из важнейших вопросов – это проблема универсальности возрастных классов и объединений для разных социумов, их уникальности или же типичности. Поскольку основная масса известных нам обществ прошла уже через эту стадию в дописьменный период, то ответить на этот вопрос во всей полноте невозможно. Мы можем только реконструировать эти процессы, опираясь на информацию о разных обществах и данные различной степени достоверности. Не всегда ясно, имеем дело с пережитками, полноценным социальным институтом, или же его зачатками. Характер наших

источников и периферийность этого явления для древнего общества (которая выражается не в том, что оно малозначимо, сколько в том, что его деятельность не так открыта, как другие институты – см. тайные общества) затрудняет его изучение.

В нашем исследовании принципиально важно выяснить, насколько подтверждаются предположения о существовании подобных институтах у ираноязычных кочевников и, в частности, у сарматов. В вопросе о существовании молодежных союзов необходимо рассмотреть массив разных источников, и, на наш взгляд, уже есть определенная информация, которая позволяет нам говорить о правомерности постановки такого вопроса.

Обращает на себя внимание один эпизод из истории сарматов Среднего Дуная, произошедший в IV в. н. э. Согласно сообщениям античных авторов – Аммиана Марцеллина, Евсевия, Иеронима, в первой половине IV в. н. э. на Среднем Дунае сарматы-рабы (лимиганты) восстали против своих господ – сарматов-свободных (ардарагантов) и, будучи более многочисленными, победили и изгнали их. Изгнанных ардарагантов, которых было триста тысяч человек, император Константин частью расселил по империи, а способных носить оружие принял в войско (Amm. Marc. XVII. 12.18; Hier. Chron. 2350; Euseb. IV. 6. 1-2; Евсевий 1998). Возникает закономерный вопрос о том, кто такие ардараганты (варианты названия – «ardaragantes, argaragantes, arcaragantes, agaracantes, argaracantes») и лимиганты («limicantes, eliminates, eliminantes»). Возникали разные версии по поводу происхождения этих названий и корней этого конфликта. Как следует из описания Аммиана Марцеллина, восставшие рабы были какой-то определенной общностью, подчиненной ардарагантам. Такие отношения зависимости – достаточно традиционные для кочевников (например институт унаган-богол у монголов).

Ряд исследователей считает, что лимиганты – это языги, первые сарматы, проникшие на территорию Среднего Дуная в I в. н.э. и к IV в. начавшие оседать

на землю. Вслед первой волне языгов пришли роксоланы – в годы Маркоманнской войны и 270-е гг. н. э., которые покорили языгов. Языги, или сарматы-лимиганты, восстали и прогнали роксоланов-ардарагантов (Harmatta 1950: 57; Ременников 1957: 402; Рикман 1975: 318). Другая точка зрения состоит в том, что ардараганты – это сарматы (языги и недавно пришедшие роксоланы). А лимиганты – это земледельческое население, сохранившее внутреннюю автономию (потомки оседлых племен кельтского и дакийского происхождения, покоренных в I в. н. э. сарматами) (Хазанов 1975: 162). Но считать лимигантов исключительно оседлым племенем нельзя. Аммиан Марцеллин говорит об особой подвижности лимигантов и о том, что они «свободно кочуют по своему обычаю» (Amm. Marc. XVII. 11. 1). Упоминает Аммиан Марцеллин также конницу лимигантов (XVII, 13, 9). У потомков оседлых племен осов и котинов, находившихся под властью сарматов почти триста лет, своей конницы быть не могло (к IV в. н. э. эти племена, скорее всего, уже были почти полностью ассимилированы). Таким образом, лимиганты – это скорее все-таки сарматское население. Вдобавок ко всему следует отметить, что этнонимы языги и роксоланы, бытующие до III в., не упоминаются Аммианом Марцеллином и другими авторами применительно к Среднему Дунаю, зато появляются загадочные ардараганты и лимиганты.

Существует предположение, что название «лимиганты» следует расшифровать, как «племя на лимесе», от латинских слов *limes* (граница, рубеж) и *gens* (род, племя). Такая расшифровка предлагалась еще Э. Гиббоном в «Падении Римской империи» и П. Шафариком в «Славянских древностях» (Колосовская 2000: 144). Но существует и другое толкование этого названия. А.В. Исаенко предложил объяснение названия «лимиганты» от скифского «*lyman*» – «друг». Слово «лимиганты» образовалось присоединением к «*lyman*» суффикса «*gen*» и затем «*t*» - показателя множественности (Абаев 1996: 54-55). То есть лимиганты – это «союзы друзей, дружественные». Может быть,

молодежные союзы сарматов (связь молодежных объединений с понятием «друзья» раскрывается далее).

Ардараганты, по мнению А.В. Исаенко (Исаенко 1993: 182), это производное от слова «aldar» – «господин, князь». В этом же звучании слово известно у скифов и сарматов (Абаев 1996: 128). Согласно трактовке А.В. Исаенко ардараганты – представители господствующей части сарматского общества или господствующее племя (роксоланы?), которые противостоят лимигантам – молодежному союзу, представляющему интересы основной массы сарматского населения (потомков языгов?).

Интересно отметить, что ардараганты лучше вооружены. Об этом сообщает Евсевий Памфил: «Савроматов же сам Бог привел к ногам Константина, смилив хвастливость варварского их высокомерия так: когда восстали против них скифы, то, для отражения врагов, господа вооружили своих слуг. Одержав победу над скифами, рабы обратили оружие против своих повелителей и выгнали всех их из жилищ» (Euseb. IV. 6; Евсевий 1998). Скифы здесь – это готы, а савроматы – сарматы в нашем понимании. Ардараганты, вооружив оружием лимигантов перед готской опасностью, были сами потом побеждены и изгнаны своими рабами. Возможно, здесь речь идет о тяжелом вооружении (катафрактарная конница?), поскольку вообразить себе безоружных кочевников – лимигантов – невозможно. Что же касается языгов Среднего Дуная, то у них на протяжении I – II вв. тяжелая конница не отмечена. Языги – это племена, происходящие из раннесарматского массива племен Северного Причерноморья, и для них мы можем предполагать не такую выраженную социальную стратификацию, как для роксоланов.

Говоря о сарматах-лимигантах, обитающих на Среднем Дунае в IV веке, Аммиан Марцеллин сообщает о том, что эти сарматы, опасаясь карательной экспедиции со стороны Рима, обещали «платить ежегодную дань, поставлять свою сильную молодежь (выделено мною – Е.В.) в войска и оказывать полное

повиновение...” (XVII, 13, 3). Аммиан Марцеллин отдельно отмечает именно молодежь у лимигантов, что служит косвенным свидетельством в пользу предположения А.В. Исаенко. Таким образом, с одной стороны конфликта – господствующее племя (роксоланы), с другой – племя, в котором ведущая роль могла принадлежать молодежным объединениям. Такая трактовка сущности и механизмов конфликта в сарматском обществе Среднего Дуная в IV в. н. э., хоть и не является бесспорной, но вполне может рассматриваться как одна из объяснительных моделей происходящих событий.

При исследовании социальных структур сарматов имеет смысл привлекать материалы по скифам. При том, что скифы и сарматы – это два разных этнокультурных массива, между скифами и сарматами много общего. Этнокультурная близость скифов и сарматов делает правомерным использование такой информации. Обращает на себя внимание сообщение Геродота о происхождении племени савроматов (Herod. IV, 111–116), в котором говорится о группе молодежи, живущей вдали от племени и занимающейся охотой и разбоем. Помпей Трог в своем сочинении «История Филиппа», написанной на рубеже нашей эры, тоже достаточно определенно сообщает о подобном явлении (Justin. II, 4, 1–3).

А.И. Иванчик рассмотрел самые ранние свидетельства о скифах, в том числе ассирийские источники, и предположил существование у них молодежных союзов (Иванчик 1988; 2005: 169-189). Члены этих союзов назывались псами. Это вполне соответствует тому, что мы знаем о членах молодежных союзов разных народов: их часто называли волками или собаками, подчеркивая их особый статус. Против этой идеи как спорной высказался С.Р. Тохтасьев, особенно упирая на проблемность сопоставлений реалий осетинской этнографии и скифского мира (2008: 203). Наоборот, С.В. Кулланда поддержал эту идею в своей рецензии (2008: 210). Идею существования возрастных объединений и мужских союзов у разных народов древности сам С.В. Кулланда

разрабатывает и доказывает на лингвистическом материале.

Обращают на себя внимание друзья у скифов, играющие важную роль на похоронах: «Когда же умирают все прочие скифы (то есть не цари. – Е.В.), то ближайшие родственники кладут тело на повозку и возят по всей округе к друзьям. Все друзья принимают покойника и устраивают сопровождающим угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным» (Herod. IV, 73). А.М. Хазанов пришел к выводу, что имеются в виду не побратимы, а более широкий круг людей (1975: 102). Вопрос о друзьях рассматривает Э.А. Грантовский (Грантовский 1981: 62) и делает важное замечание: «На самом деле институт “друзей” у предков скифов существовал за много столетий до скифской эпохи» (Грантовский 1981: 76). О функционировании этой возрастной группы, курсировавших на границах, где они жили охотой и разбоями, о заселении новых земель молодежью известно по Геродоту, Трогу Помпею, Лукиану и др.: «В скифологии эта сторона социальной жизни обычно не затрагивается, но она важна также для суждения о характере скифского общества и происхождении его институтов (тут явно иранских и индоевропейских)» (Грантовский 1980: 131-132). Но при этом исследователь не делает следующего логического шага и не говорит о молодежных союзах у скифов. Между тем участие возрастных классов в погребальных ритуалах — известный этнографический факт (Снесарев 1963: 77). Молодежные объединения Средней Азии, известные по этнографическим источникам, назывались по-разному, но одно из самых известных наименований – джура («друзья») — группа сверстников.

Полиен в своем рассказе о сарматской царице Амаге, напавшей на скифов в Крыму, сообщает: «Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей» (Polien. VIII. 56). Упоминание друзей в данном контексте может подразумевать не просто окружение царя, а особый институт, в том числе имеющий отношение к возрастным классам.

Эволюция возрастного класса в направлении особой группы знати показывает нам пример социальных категорий парна и гетерий (Тревер 1947). Интересно сопоставить друзей скифского царя и лимигантов.

Л.С. Толстова, исследовав фольклорные материалы Приаралья, нашла в некоторых сюжетах отражение архаичного института возрастных классов (Толстова 1984: 193). В этногенезе народов Приаралья принимали участие сако-массагетские племена, а фольклор каракалпаков имеет явные параллели с нартовским эпосом народов Северного Кавказа. Это позволяет говорить о его формировании в скифо-сармато-сако-массагетском мире. Следовательно, можно предположить существование института возрастных классов в этой этнокультурной среде (Толстова 1984: 192).

Ряд данных свидетельствует, что племена и народы, близкие сарматам, могли обладать молодежными союзами. Аммиан Марцеллин также упоминает молодежь у аланов в связи с войной. «Все, кто по возрасту и полу не годятся для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами» (XXXI, 2, 20). Есть все основания считать, что эту информацию Аммиан Марцеллин почерпнул из надежных источников и относится эта информация к IV в. н. э.

Существует предположение, что апарны, упоминаемые Страбоном как завоеватели Парфии, являются молодежным союзом. Апарны, по мнению К.В. Тревер, – не этноним, а социальный термин, обозначающий молодежный союз, происходящий из состава народа дахов. Если предположение К.В. Тревер верно, то это служит дополнительным подтверждением существования в иранском кочевом массиве азиатских племен молодежных союзов. Как источник можно использовать отражение социальной терминологии иранцев в языке тех народов, с которыми они взаимодействовали. Парни у славян (неженатая молодежь) –

это, возможно, иранский социальный термин, который рассмотрен К.В. Тревер в отдельной статье и позже проанализирован В.Н. Топоровым (Тревер 1947; Топоров 1972: 23-37).

«Сильная молодежь» у сарматов на Среднем Дунае и молодежь аланов вполне могут быть членами молодежных союзов, хотя утверждать это со всей уверенностью нельзя – предложенная трактовка сообщений Аммиана Марцеллина не является единственно возможной.

Следует обратить особое внимание на значение слова «лимигенты», возможно происходящего от «друг». Дело в том, что можно провести любопытные параллели как по названию, так и по функциям, которые при желании можно расширить, о связи понятия «друг» с молодежными союзами и возрастными классами. Гетерии у древних греков – это изначально мужские союзы, позднее трансформировавшиеся в дружины. При этом наиболее адекватный перевод ἑταῖροι – это и есть «дружина» (Андреев 2004: 89). Абсолютное тождество дружины и мужского союза (возрастного класса) характерно только для ранних стадий эволюции последнего. К этой же мысли приходит исследователь среднеазиатских материалов Г.П. Снесарев: «генетическая связь среднеазиатской дружины ... с возрастными молодежными ячейками союза мужчин не подлежит никакому сомнению...» (Снесарев 1963: 181). Молодежные объединения Средней Азии, известные по этнографическим источникам, назывались по-разному, но одно из самых известных наименований – джура («друзья») – группа сверстников (Снесарев 1963: 182).

Исходя из этих данных, можно выдвинуть гипотезу, что у сарматов могли существовать молодежные союзы друзей, трансформирующиеся в дружины. Как известно, дружины на ранней стадии своей эволюции выросли из возрастных классов и мужских союзов (Свод 1986: 52). В развитии дружинных структур большую роль должен был сыграть институт набега, позволивший укрепить позиции военного вождя молодых воинов. Сам процесс формирования

«дружины для одного набега» описан для скифов Лукианом в «Токсарисе» (Luc. Тох. 48). Аналогичное явление отмечено, например, у туркмен (Ботяков 2002: 19-20). В дальнейшем дружина развивалась в направлении формирования личных связей вождя и воинов и обособлении дружинников в пределах племени в привилегированную группу – протосословие: «Военизированные мужские союзы могут принимать участие в становлении государственности. В этом случае они превращаются в княжеские дружины, из них вырастает гвардия» (Цыбикдоржиев 2004: 340).

Путь от мужского союза к дружине был долгим и трудным. Мужской союз играл очень важную роль в общине, будучи связан как с комплексом инициационных испытаний, так и с военной функцией. Представляется, что в переходе от мужского союза к дружине значительную роль должен был сыграть институт набега. Это особая практика регулярных походов, осуществляемых в первую очередь молодежью и играющих значительную роль в социальной и экономической жизни общества (этому институту у туркмен – аламану – посвящена монография Ю.М. Ботякова). Набег связан в первую очередь с жизнью молодежных объединений. Находясь на пограничье своей территории и своего общества, союзы не испытывали всех ограничений, навязываемых традицией. Привычные занятия этих объединений – разбойные нападения, охота, пограничные столкновения – приводили к тому, что набеги были органичным продолжением обычной деятельности молодежи. И как социальный институт набеги формировались на базе таких молодежных объединений. У молодежи была и соответствующая мотивация – обогащение и обзаведение имуществом для дальнейшей семейной жизни; получение необходимого опыта и престижа.

Набег, связывающий эволюционно мужские союзы и дружину, позволяет понять механизм развития военных структур. С набегами можно связать появление форм организации, не связанных с одним – единым для конкретного общества – молодежным/мужским союзом. Появляется несколько молодежных

объединений и организаций.

Еще практически не ставилась проблема поиска археологических критериев мужских и молодежных союзов. На мысли о связи между погребальным обрядом и членством в таких союзах наводит информация об участии друзей в погребальном обряде (Herod. IV. 73). Зубовско-воздвиженская группа памятников I в. до н. э. – I в. н. э., упомянутая Б.А. Раевым, привлекает к себе внимание в свете проблемы поиска мужских союзов. Нахождение на пограничье кочевого мира (левобережье Кубани – территория, уже не освоенная кочевниками), военизированный быт (примечательно наличие доспехов во многих погребениях), большое количество импортов наводят на определенные размышления. Но делать какие-либо выводы преждевременно, поскольку еще не разработаны археологические признаки таких институтов как мужские и молодежные объединения.

В раннесарматское время встречаются курганы, в которых встречаются только мужские или только женские погребения. Как известно, захоронения нескольких погребенных раннесарматского времени в один курган (сделанное по кругу или в ряд) трактуется обычно как свидетельство существования каких-то семейных и родовых структур. Но за такими явлениями могут стоять и другие социальные явления. Например, возрастной класс или мужской союз. Интересно, что «мужские» курганы встречаются примерно в два раза чаще (Ильюков, Власкин, 1992:182).

Весьма перспективным представляется анализ погребений молодежи. Поиск различий между детскими, подростковыми погребениями и погребениями взрослых приводит к любопытным результатам. Данные анализа среднесарматского могильника Новый показали, что оружие появляется в погребальном инвентаре с 16-18 лет. Это может быть свидетельством перехода в другой возрастной класс и предположительно маркировать важную социальную границу.

Одним из характерных признаков мужского союза является культ волка (или близкий к этому образ собаки) (Иванов 1975). В разных традициях членов союза называли волками-собаками. Есть ли свидетельства культа волков у сарматов? На скифском материале эта проблема анализировалась А.И. Иванчиком (Иванчик 1988: 2005). В отношении сарматов этот вопрос рассматривался Ю.Б. Устиновой и С.Ю. Гуцаловым (Ustinova 2002; Гуцалов 2005).

В.К. Федоров, исследуя т.н. жертвенные столики, пришел к выводу об особой роли волков в культе Хаомы, и проиллюстрировал это на археологическом материале (Федоров 2000). В этом плане интересна реконструкция названия саков-хаумварга – ираноязычных кочевников Средней Азии – как «волков Хаомы»³. Употребление хаомы – один из важнейших ритуалов у иранских мужских союзов (Ustinova 2002: 112). В Авесте упоминаются мужские сообщества молодых воинов (в авестийском языке – *maīruya*, *meṛak* в пехлеви) (Wikander 1938: 81-84).

Волки хорошо известны в изобразительной традиции савроматской эпохи V-IV вв. до н. э. Нам известно бытование изображений волка или отдельных частей его тела на предметах конского снаряжения, вооружения, культа в савроматскую эпоху, а затем и сарматскую (Дзиговский, Островерхов 2010: 160-162). В среднесарматскую эпоху известна серия изображений волков в произведениях звериного стиля (Засецкая 2010: 117).

В материалах осетинского нартовского эпоса и этнографии сохраняется информация о реалиях иранского кочевого мира. Мы встречаем сведения о культе волков и его связи с военной сферой. Прародитель самого воинственного нартовского рода – Ахсартагагта – носит имя Уарксаг, происходящее от старого названия волка в осетинском. Величайший нартовский генрой Сослан стал неуязвим после того, как был закален в волчьем молоке. У осетин два бога были

---

³ С.В. Кулланда возражает против такого перевода этнонима (Кулланда 2008: 209).

связаны с культом волков. Это Уастыржи – Святой Георгий, который вырос из древнего военного божества. У него прослеживаются черты древнего бога воителя и борца с драконом – покровителя мужских союзов. О связи его с мужскими объединениями говорит и то, что его имя могут называть только мужчины, а для женщин оно табуировано. Тутыр (и его христианский преемник Святой Феодор Тиранский) – покровитель волков. Инициации юношей проводились именно во время посвященного ему цикла праздника, также как пиршества, военные игры и т.п. (Туаллагов 2011: 140).

Особое внимание привлекает золотая диадема из погребения № 10 Кобяковского курганного могильника (Ustinova 2002). Этот великолепный образец полихромного бирюзового стиля, проникший в Восточную Европу вместе с мигрантами в I в. н. э., стоит в ряду очень выразительных произведений искусства, найденных в комплексах среднесарматской культуры на Нижнем Дону (Хохлач, Дачи). Золотая диадема делится на четыре части. Центральная фигура трактуется как изображение царя-жреца или бога. На каждой из трех частей изображены песьеголовые воины, сражающиеся с драконом. Ю.Б. Устинова считает, что борьба с драконом – это классический сюжет из мифологии мужских союзов (Ustinova 2002: 115). По ее мнению, воины-ликантропы являются членами мужского объединения (Ustinova 2002: 104). Дубинки в руках воинов – символ бога-громовержца, борца со змеем-драконом. Бог-драконоубийца считался в мифологии покровителем мужских союзов (Иванчик 2005: 178). Хотя образы на гривне центральноазиатские, но нахождение в степной зоне и некоторые черты изображения говорят об ориентации на степной мир.

Наличие культа волка в сарматской среде тоже вполне очевидно – об этом говорит богатая изобразительная традиция, данные эпоса и этнографии осетин, универсальные традиции почитания волка у евразийских кочевников (Харитонов 2000). Проблема заключается в том, насколько связан культ волка и

мужские объединения.

Сильная молодежь, лимиганты, друзья, о которых идет речь источниках, военизированные группы поздних сарматов не обязательно являются мужскими союзами. Все данные, которыми мы обладаем – косвенные, источники фрагментарны, поэтому в настоящее время идея о существовании подобных объединений у сарматов – не более чем рабочая гипотеза. Правомерность или же, наоборот, ошибочность этой гипотезы будет подтверждена в результате ее критики и дальнейших научных изысканий историков, археологов, антропологов, лингвистов. Наиболее актуальные направления исследования проблемы – это поиск археологических критериев мужских союзов; работа с антропологическими материалами и тесное сотрудничество с антропологами; анализ религиозной ситуации и культов у сарматов.

Дружина. Мы можем предполагать, опираясь на этнографические аналогии, две базовые формы организации военного дела у сарматов. Одна форма – дружина, другая – военная организация племени, которая могла реализовываться разными путями. Традиционно упоминают народ-войско. Оно воспринимается как базовая форма военной организации. Ее важнейшие черты – всеобщая вооруженность, участие всех мужчин в военных действиях. Значение военного дела для кочевников общеизвестно. Специфика кочевнического способа производства, приводящая к поголовной вооруженности кочевников, мало того, культивирование войны – это широко известные факты. Экзополитарный характер общества кочевников предполагает постоянную готовность к войне и высокие требования к каждому кочевнику.

У А.М. Хазанова в его классическом труде говорится о постепенном переходе от народа-войска к становлению дружины и профессионального войска. При анализе сарматской социальной и политической истории возникает вопрос о существовании сарматских дружин и их организации. Упоминание дружин у сарматов стало традицией. Находка в погребении комплекса вооружения – меча,

копья, пластинок панциря, важных атрибутов всадника (нагайка, оселок, конская узда) – позволяют характеризовать комплекс как погребение дружинника. В действительности дружина – это социальный институт, и доспех не является свидетельством того, что погребенный был дружинником, как бронежилет не является свидетельством того, что человек служит в армии.

Дружина – объединение, специализирующееся на военной деятельности, члены которого связаны с предводителем отношениями личной преданности. Дружину отличает постоянный характер деятельности и в своей развитой форме это вполне устойчивое образование.

Однако можем ли мы говорить о такой конкретной форме военной организации, как дружина, на основании существования единичных признаков? Как отмечает исследователь этого феномена в раннем средневековье П.С. Стефанович: «Понятие «дружина» принадлежит к числу тех, которые активно и широко используются в специальной и учебно-популярной литературе, но смысл и содержание которых широки и неоднозначны» (Стефанович 2011: 27).

Дружины и их роль в политических структурах кочевников – вопрос, еще недостаточно изученный, особенно у древних кочевников. Неясен характер дружинной организации – состоит она из аристократии и связана с определенными кланами, или же речь идет о формировании профессиональных дружин и служилой знати? Для аланов первых веков нашей эры более предпочтительным выглядит первый вариант, хотя А.М. Хазанов, к примеру, сообщает о «постоянных дружинах профессиональных воинов с их дорогостоящим оружием» (Хазанов 1971: 81). Почему же это не родовая аристократия, не знать? Тацит, упоминая катафрактарию, говорит том, что панцири у них носят «вожди и знать» (Tacit. Hist. I. 79). У нас нет доказательств «профессионализации» дружин у сарматов. Война для кочевника – привычное занятие, особенно для знати, да и рядовые кочевники охотно подключались к регулярным военным акциям. Но насколько они при этом отрывались от своих

племен и своего главного дела – кочевого скотоводства, мы не знаем. Мы можем предполагать формирование протосословия, специализирующегося на войне, и развитие социальной стратификации.

У нас нет доказательств «профессионализации» дружин у сарматов, то есть формирования дружины, связанной в первую очередь с вождем, чья организация, являясь альтернативой родоплеменной организации, носит над- или внеплеменной характер, фиксируя качественно новый этап политогенеза. Как представляется, традиционная племенная структура у номадов была вполне эффективна в военном отношении. Мы можем предполагать формирование сословия (или протосословия), специализирующегося на войне. Но мы пока не имеем данных, чтобы отрицать связь его с традиционной племенной организацией, и говорить о дружинах, отдельных от племен.

Предполагаемые письменные сообщения о дружинах сарматов Полиена, Констанция и Фавстоса Бузанда слишком кратки и не вполне определены (ср.: Нефедкин 2011: 74, 83; Яценко 2014: 25). Выделение серий дружинных погребений для ранних кочевников и сегодня кажется нерешенной проблемой (см., напр.: Васютин, Дашковский, 2009: 191, 212). Изучение дружинных групп возможно лишь на материалах достаточно полно раскопанных могильников. С высокой достоверностью с дружинниками можно связать такие некрополи, где все погребенные мужчины сопровождались оружием. На сегодняшний день из всех могильников сарматских племен на огромной территории их проживания от Западного Казахстана до Венгрии выявлены всего три подобных пункта (кажется несомненным, что в древности их было существенно больше), которые сильно различаются размерами, богатством погребенных, а также наличием современных им ограблений: **1.** Чертовицкий I в верховьях Дона (I — начало II вв. н. э.); **2.** цепочка некрополей «Золотого кладбища» на Средней Кубани (середина I — конец II вв. н. э.); **3.** Очень своеобразный маленький некрополь в Новых Бедражах (Молдова, рубеж II–III вв. н.э.), который есть все основания

считать мемориалом жертв военной акции, при этом — лиц старшего возраста (Яценко, Вдовченков 2015). К сожалению, по разным причинам в первых двух случаях у нас нет антропологических определений пола и возраста умерших. Однако на практике серьезных проблем с этим из-за четкой дифференциации сопровождающих вещей по полу не возникает (Медведев 2008: 95; Гущина, Засецкая 1994: 8). В материалах этих дружинных могильников мы акцентируем здесь несколько важных моментов.

1. Они размещены на границе кочевой Степи с зоной оседлых зависимых племен и при этом – в 300–500 м от городищ местных земледельцев, что обеспечивало их «кормление». При этом курганы расположены малыми группами (видимо по принципу семейного родства).

2. В каждом из некрополей явно отсутствовал обязательный набор предметов вооружения.

3. Материальное богатство дружинников зависело, видимо, как от ресурсов «кормивших» соседей-земледельцев, так и от возможности получения обильной военной добычи и выкупа пленных.

4. В каждом из некрополей находились, видимо, среди прочих и могилы предводителей, которые выделяются вооружением, инвентарем или размерами кургана.

5. Для понимания общественного положения дружинников и особенностей их расквартирования важно наличие и статус в их некрополях могил женщин и детей.

6. Характерно, что некрополи с наличием оружия у всех мужчин в более раннее время (в скифское и раннесарматское) отсутствуют (Яценко, Вдовченков 2015).

Важно, что все три известных ныне погребальных комплекса дружинников датируются от середины I в. н. э. и, видимо — до рубежа II–III вв. н. э. (достоверных артефактов, бытовавших с III в. н. э., в них нет). Думается,

это не случайно совпадает со временем максимального военного присутствия Рима на краю европейской Степи. Периодическое противостояние с военной машиной римлян и их союзников, видимо, во многом способствовало формированию у кочевников дружин, при всех проблемах организации, экипировки и прокормления последних.

В целом сегодня нет данных в пользу принадлежности сарматских дружинников к наследственной аристократии (ср. о содержании аристократией дружин с дорогой экипировкой: Хазанов, 1971: 81). Видимо, их участники образовывали особую социальную прослойку, вероятно — не замкнутую: иначе пополнение подобных этих небольших отрядов представляло бы серьезную проблему (Вдовченков, 2012: 75–76).

Говоря о дружине, нельзя пройти мимо такого явления, как **катафрактарии**. Появление катафрактарной конницы ознаменовало собой важные изменения в военной сфере древних обществ. Тяжелая конница смогла значительно потеснить пехоту с полей сражений, и изменить ход военной истории. Для номадов применение катафрактариев позволило более эффективно взаимодействовать с оседлым миром. В настоящее время существует большая литература по сарматским катафрактариям (Блаватский 1954; Десятчиков 1968; Хазанов 1971; Mielczarek 1993; Симоненко 2002, 2009; Туаллагов 2004; Перевалов 1999 и др.).

Вокруг тяжелой конницы сарматов развернулось несколько дискуссий. Предметы обсуждения – комплекс вооружения катафрактариев, проблема сарматской посадки, вопросы тактики, обстоятельства появления этого вида конницы, влияние сарматов на Рим и Боспор и т.п. Так, нет полной ясности и в вопросе, что именно понимать под катафрактариями у кочевников. А.М. Хазанов считает, что для катафрактариев характерны три признака – воинский и конский доспех, длинные копья и особый тактический прием – атака клинообразным сомкнутым строем. Но существование конского доспеха у

номадов оспаривается. А.В. Симоненко указывает на то, что мало найдено фрагментов панциря и копий. Однако редкие находки доспеха и наконечников копий в археологических комплексах (Нефедкин 2004: 42) еще не свидетельствуют о редкости доспехов в сарматском обществе. Античные авторы и изображения сарматов надежно фиксируют тяжелую конницу у сарматов и аланов (Tacit Hist. I. 79; Amm. Marc. XXIX. 6. 14. XXXI. 2.17; Iord. Get., 50; Val. Flacc Arg. VI, 231–233; пантикапейские фрески, рельеф Трифона из Танаиса, изображение всадников на серебряном кубке из косикского клада и на колонне Траяна). Встречаются доспехи и в археологических комплексах – зубовско-воздвиженская группа и «Золотое кладбище» на Кубани (Гущина, Засецкая 1989; 1994). Время появления катафрактариев – приблизительно рубеж эр. В Ярославском погребении зубово-воздвиженской группы был найден предположительно конский доспех (Гущина, Засецкая 1989: 73). О новом типе копий – более мощном – в I в. н. э. у сарматов Подонья говорит В.В. Белоусов (Белоусов 2010, 337).

Несмотря на пристальное внимание исследователей к проблеме тяжелой конницы, в исследованиях слабо затронут очень важный вопрос – социальные аспекты появления катафрактарной конницы в сарматской среде. Мы можем выделить следующие вопросы: почему возникла катафрактарная конница, каковы условия возникновения катафрактарной конницы, какова производственная база этого вида войска у номадов, какова социальная организация катафрактариев?

На вопрос о том, почему возникла потребность в катафрактарной коннице, ответ дает А.М. Хазанов – усиление армий оседлых обществ и развитие тяжелой пехоты вынудило номадов искать адекватный ответ. Для военных конфликтов между кочевниками тяжелая конница не так актуальна, как при столкновениями с армиями оседлых обществ. Хотя, конечно, с момента возникновения тяжелой конницы она стала важнейшим фактором боевых

столкновений и на территории степной зоны. Для выяснения отношений номадов с оседлыми народами перспективно использовать концепцию экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов. У кочевников нет внутренних ресурсов для развития, и вместе с тем они нуждаются в продукции оседлого общества. Это заставляет их прибегать к военной силе (где у них есть очевидные преимущества) для извлечения у соседей прибавочного продукта. Сохраняя у себя традиционные племенные структуры, вполне эффективные для военной мобилизации, а также относительную однородность общества, номады формируют экономический фундамент своих политических образований вне степи. Таким образом, для оседлого населения номады могут рассматриваться как ксенократическая надстройка над земледельческим базисом. Катафрактарная конница стала очень эффективным оружием кочевников при взаимодействии с оседлыми обществами, позволяя противостоять войскам могучих империй и успешно осуществлять экзоексплуатацию. Аммиан Марцеллин описывает эпизод IV в. н. э. на Дунае, характерный именно тем, что сарматы одолели регулярные части римской армии: «Хитрые сарматы... прорвали боевую линию Паннонского легиона и, разделив силы отряда, вторичным ударом едва не истребили всех» (Аmm. Marc. XXIX, 6, 14). Интересно отметить, что находки доспехов связаны в первую очередь с теми регионами, где кочевники активно взаимодействовали с оседлым миром: Кубань (зубово-воздвиженская группа и «Золотое кладбище»), Фракия (погр. №2 Рошава Драгана). Собственно на территории степной зоны таких находок практически нет.

Понятно, что появление тяжелой конницы требует привлечения значительного количества ресурсов, которых могло быть недостаточно у номадов: «Действительно, такого рода конница могла появиться только в армиях развитых государств с централизованной властью и другими общественными механизмами, могущими обеспечить формирование,

снабжение, обучение и применение столь специфической боевой единицы» (Симоненко 2009: 249). Можно поспорить с А.В. Симоненко, поскольку экономическим фундаментом для катафрактариев было наличие зависимого населения, а также разного рода взаимодействий с производственными центрами. О подобных отношениях нам говорит Тацит – сообщение об осах и котинах на Среднем Дунае: «Часть податей на них [осов и котинов – Е.В.], как на иноплеменников, налагают сарматы, часть – квады, а котины, что еще унижительнее, добывают к тому же железо» (Tacit Germ. 43). Формирование и обучение же подобного рода войск могла вестись вполне эффективно и в рамках традиционных социальных институтов кочевников. Например, молодежные союзы могли быть той формой, в рамках которой эта подготовка была бы весьма результативной. Впрочем, вопрос о существовании молодежных союзов достаточно спорный.

Происхождение катафрактарной конницы связывают со Средней и Центральной Азией (Хазанов 1971: 75-78; Щукин 1994: 140; Туаллагов 2007). Надо отметить, что многие военные новшества формируются в пограничной зоне, где происходит интенсивное взаимодействие между кочевым и оседлым мирами. В Восточной Европе катафрактарии появилась в результате миграций с востока. В I в. н. э. пришли аланы, ездившие в новых седлах с высокими луками и практиковавшие штурмовой удар пикой со скачущего коня (Симоненко 2009: 250). Мнение А.М. Хазанова о том, что в I в. до н. э. – I в. н. э. этот вид конницы распространился у всех сарматов, современные исследователи не поддерживают (Симоненко 2009: 250). У нас нет для таких утверждений источников, в то же время как хорошо известно, что, например, у сарматов на Среднем Дунае в I-II вв. катафрактариев не было.

Военную организацию сарматов и проблему возникновения и функционирования катафрактарной конницы наиболее подробно рассматривал А.М. Хазанов. Он затронул проблему социальных процессов в сарматском мире

(Хазанов 1971: 82-85) и зафиксировал утрату у сарматов черт народа-войска, усиление знати и формирование дружин. Эти дружины были катафрактарным войском, которое усилило своё значение на полях сражений в эпоху Римской империи. Следует обратить внимание на то, что, согласно выводу А.М. Хазанова, катафрактарное войско сопровождала легкая конница, которая играла в бою значительную роль (Хазанов 1971: 88), а, значит, требовалось наличие большого количества легковооружённых всадников, набираемых из числа соплеменников.

Название «катафрактарии» для сарматской конницы, использующей новую тактику, оспаривается С.М. Перваловым. Он полагает, что, поскольку главное оружие у новой конницы – длинное копье, контос, то следует называть всадников «контоторами». В этом наблюдении делается упор только на один тактический аспект деятельности катафрактарной конницы. Но без тяжелого всаднического доспеха (конский доспех у кочевников, видимо, широко не применялся) эта тактика была бы невозможна. Контоторы без доспехов стали бы легкой мишенью для лучников, а также были бы не очень эффективны против тяжелой пехоты. Еще важнее другой момент, важный для темы нашей статьи – социальный. Без сомнения, катафрактарная конница смогла быть эффективной только в определенных социальных рамках. Для существования катафрактариев необходимо наличие группы воинов, обладающих необходимыми навыками, должным уровнем подготовки и умеющих действовать единым строем; достаточно обеспеченных – доспех стоил очень дорого; взаимодействующих с большими группами легкой конницы; имеющий большой политический вес. Контос здесь – необходимый элемент вооружения, но тяжелый доспех значимее как элитарный признак.

Социальные фантомы: жречество и амазонки у сарматов. Существуют определенные историографические мифы. К их числу мы можем отнести представления о существовании жречества и амазонок у сарматов.

В качестве отдельного сословия (или даже касты) у иранских кочевников, в первую очередь у скифов, многие исследователи выделяют **жречество** (Яценко 1959: 113; Тереножкин 1966: 39-40; Грантовский 1960: 6-7 и сл.; Хазанов 1975: 168-178; Бессонова 1983: 58-59; Раевский 2006: 90-94). Несмотря на его популярность, данное представление имеет на наш взгляд достаточно шаткие основания. Существует в археологической литературе традиция использовать определенный набор признаков для атрибуции погребений как жреческих (Медведев 1999: 91-98). В большинстве случаев это является данью традиции и свидетельствует о приверженности довольно плоским схемам (например, рассмотрение деревянной чаши как признака жреческого погребения).

У сарматов часто упоминают жриц и связывают с ними богатые погребения. С.А. Яценко убедительно связал их с погребениями жен вождей и предводителей (Яценко 2007). Те атрибуты, которые исследователи рассматривают как доказательство их принадлежности к жречеству (амулеты, жезлы и другие предметы небытового характера и с зоо- и антропоморфными изображениями и т.п.), в действительности могут быть предметами домашнего культа.

С.А. Яценко отметил тенденцию, когда любое богатое женское погребение записывают в жреческие, и задает вопрос: «куда же исчезли «нормальные» аристократки из воинского сословия» (Яценко 2007).

Любопытны металлические изделия в виде мирового дерева, которые обычно находят в женских погребениях и чаще всего в Прикубанье. Большинство из них уже опубликовано, но их общепринятой интерпретации до сих пор не существует. По-разному оформленные предметы с зооморфными навершиями традиционно относят к культовым атрибутам. В литературе их называют «светильниками, жезлами, треножниками, канделябрами» (Шевченко 2006). Они подразделяются на жезлы и треножники. Переносные предметы,

видимо, стали способом формирования сакрального локуса, специфичного для номадов. Но называть их атрибутами жриц не совсем верно. Жрецы – это служители общественно значимого культа, обладающие высоким статусом и специализирующиеся на этой деятельности. Гадатели, например, жрецами не являются. Поэтому необходимо корректнее использовать это понятие.

Есть еще одно соображение – ни у одного из известных нам иранских обществ нет феномена женского жречества, что заставляет нас быть очень осторожными в своих предположениях.

Нам известны в низовьях Дона **женские погребения с оружием**. При этом в женских погребениях многократно найдены не только стрелы, но и разнообразное оружие для рукопашной схватки. Здесь даже в преимущественно греческом Танаисе еще во II–I вв. до н. э. отмечена серия могил воительниц с набором стрел или боевым копьем (Глебов, Ильяшенко, Толочко, 2005: 66–70).

Следует заметить, что наличие всего 1–3 наконечников стрел у женщины (особенно в зоне, где находились украшения и амулеты) свидетельствует, скорее всего, об использовании этих предметов в качестве амулетов.

Для женских погребений с оружием бассейна нижнего Дона показателен могильник Новый на р. Сал. Здесь оружие было положено с 9 взрослыми женщинами (16%), причем 7 из них были в возрасте 21–35 лет. В числе их вооружения – колчаный набор стрел (20–45 штук). Но при этом оно ограничивалось стрелами лишь дважды; обычно же они сочетались с клинковым оружием (короткий меч или кинжал, в кургане 61/3 также боевой нож). Такой комплект совпадает с мужским и отражает объективную реальность тогдашних войн.

Оружие встречается и в погребениях женщин с детьми (в 20 % таких комплексов). В комплексах женщин с ребенком наличие оружия можно было бы объяснить тем, что это оружие принадлежит сыну, как будущему воину. Однако в детских погребениях нам известно только одно с оружием, и

принадлежит оно подростку ориентировочно 13-15 лет (к. 31, п. 3). Во всех остальных случаях оружие является деталью инвентаря у погребенных от 16 лет и старше.

Письменные сведения о женщинах-воительницах крайне фрагментарны. О военной деятельности девушек-сарматок интересующего нас времени сообщает Помпоний Мела. Он отмечает, что их главным оружием был лук со стрелами для дальнего боя (Pomp. Mela. De situ orbis. III. 4. 34–35); умели они обращаться и с арканом (Pomp. Mela. De situ orbis. I. 3. 114). Важно, что описанные Мелой племена (иксаматы/язаматы, и, видимо, их прямые соседи) локализуются в самых низовьях Дона. Мела дважды, но в разных контекстах, упоминает о том, что для замужества женщинам северопричерноморских кочевников необходимо убить врага, иначе же они остаются в девицах. В одном случае речь идет об иксаматах, населяющих земли по побережью от Босфора до Танаиса ближе всего из остальных племен к устью реки (Pomp. Mela. De situ orbis. I. 3. 114); во втором случае – о сарматах (Pomp. Mela. De situ orbis. III. 4. 35). Кстати, Помпоний Мела был современником сарматов, оставивших могильник Новый. На рубеже эр резко усиливается внимание римлян к Северному Причерноморью, и информация Плиния могла происходить не только из литературной традиции, но и из современных ему источников.

В могильниках первых веков нашей эры на Нижнем Дону известна традиция помещать в могилу женщины (судя по инвентарю, знатной) один предмет вооружения. Так, на территории г. Ростова-на-Дону в кургане 1/8 Северо-Западного I это был меч, а в кургане 10/2 в Кобяково — двулезвийный топор. К раннему этапу позднесарматской культуры относятся две не разграбленных могилы знатных воительниц в группе некрополей Высочино на левобережье (Беспалый, Лукьяшко 2008: 21–23, 82–87). В кургане 10 группы I женщина имела длинный всаднический меч с навершием из горного хрусталя и украшенный золотом кинжал. В кургане 18 группы V ее сопровождал

пробойник-клевец с инкрустацией медью. В находившемся чуть западнее, в Донецком кряже кургане 2 у Чугуно-Крепинки таким предметом парадного вооружения была уникальная секира с 15 шипами (Яценко 2007: 61). Такой перечень оружия не соответствует мужскому. Возможно, это единичные символы сравнительно высокого статуса.

Оружие в сарматских и скифских женских комплексах – это интересный феномен, который дает повод в очередной раз поговорить об амазонках. Мифологические представления греков накладывались на странные для греков этнографические реалии номадов, порождая в литературе причудливый образ амазонок – чаще в отношении скифов, хотя сарматов тоже не забывают. Интерес к этой теме исследователей часто приводит к желанию выдать желаемое за действительное (Фиалко 2005; Гуляев 2006). Проблема в том, что в таких работах мы встречаем название амазонок при этнографическом описании скифских реалий, при этом название не закавыченное: «В поисках ответа на вопрос о реальности существования института амазонок у скифов археологические источники пусть не прямо, но подтверждают в определенной степени более раннюю письменную традицию» (Фиалко 2005: 247). Тем самым авторы показывают, что не видят разницы между письменными источниками (отражающими часто именно мифологические представления греков) и археологическим материалом (комплексы женщин с оружием). Подобные представления у маститых археологов выглядят странно, тем более что в последнее время издавались работы, посвященные этому интересному феномену (Чернышев 2007; Богаченко 2011). Причина этого явления – в недостатках методики исследования и пресловутой смешанной аргументации, когда обрывки данных одних источников помещаются в контекст другого источника, создавая абсурдные по содержанию тексты: «Антропологические исследования не дали каких-либо сведений о росте и физической силе амазонок» (Фиалко 2005: 246) или названия – «Погребения амазонок из

могильника Мамай-Гора» (Фиалко 2010). Даже те авторы, которые используют название амазонок как метафору и удачный образ, легко нарушают эту смысловую границу, и игра с названием превращается в конструирование новых смыслов, весьма далеких от исторических реалий – см., например, название главы у В.И. Гуляева «Там, где жили амазонки: история изучения скифских древностей Среднего Дона» (Гуляев 2006).

В сообщениях об амазонках ряд исследователей видят информацию о женских возрастных объединениях и отголоски женских инициаций. Но, как справедливо указывает Т.В. Богаченко, женские инициации в этнографии практически не известны (в отличие от пубертатных обрядов), и считает «теоретически неправдоподобным наличие женских инициаций или иных обрядов перехода в форме военной службы» (Богаченко 2011: 134).

Женщины у скифов и сарматов действительно могли принимать участие в боях – кочевой быт приводит к необходимости взяться за оружие. Однако нет оснований называть их амазонками и следует рассматривать феномен оружия в женских погребениях в максимально широком культурном и социальном контексте.

§ 4. Экзополитарные отношения и потестарные институты сарматов

Концепция экзополитарного (ксенократического) способа производства у номадов указывает на решающее значение для политической организации кочевников взаимоотношений с внешним миром. Система связей с внешним миром, особенно с оседлым, таким образом, является ключом к пониманию политической и социальной истории сарматов.

Политические модели взаимодействия сарматов с оседлым миром весьма разнообразны. Методы эксплуатации внешнего мира – данничество, дистанционная эксплуатация, набеги, получение контрибуции, дипломатические дары.

Феномен элитных комплексов сарматов связан с экзоэксплуатационной моделью экономики. Содержащиеся в них богатства – это яркое свидетельство эффективности взаимодействия с оседлым миром. Районы концентрации курганных некрополей с элитными погребениями могут нам указывать на политические центры разных группировок сарматов. Таким образом, археология позволяет нам увидеть потестарные центры сарматов, реконструировать некоторые элементы системы властных отношений. Однако дать названия этим потестарным объединениям довольно непросто. Социальная и политическая организация номадов предполагает несколько таксономических уровней – род, племя, союз племен. Эти понятия позволяют охарактеризовать как развитие этнических, так и политических процессов у кочевников, в силу двойственного характера такого института как племя. Исходя из современного понимания потестарного развития кочевнического общества, мы можем предположить существование у сарматов таких форм политий, как вторичное племя, вождество, кочевая империя.

Можем ли охарактеризовать политии сарматов как **ранние государства**? В работах сарматологов с советского времени устоялось представление о классобразовании у сарматов. Говоря о сарматах первых веков, А.М. Хазанов

пишет: «Процесс классовообразования у сарматов усиливается», подразумевая под этим увеличение имущественного неравенства и социальной дифференциации (Хазанов 1971: 82). Аланское объединение приблизилось, по его мнению, к уровню кочевых «варварских» государственных образований с еще не завершённым процессом классовообразования, и исследователь фиксирует его заключительный этап. А.П. Медведев тоже пишет о процессах классовообразования у сарматов (Медведев 2010: 140).

Но, если определять класс как социальную группу, отличающуюся своим отношением к средствам производства, то классов у кочевников быть не может. Ведь земля находится в племенной собственности, а скот – в семейной. Усиление социальной дифференциации в этом случае, на наш взгляд, является свидетельством формирования стратифицированного общества, но отнюдь не классового, и это «классообразование» классами закончиться не может (только если кочевники не волеются в оседлый социум, перестав быть кочевниками). Другой вопрос – формирование протосословий, но, на наш взгляд, их существование не подразумевает обязательного наличия государства. Родоплеменная структура кочевого общества полностью удовлетворяла внутренние потребности кочевников в организации.

В настоящее время концепция государственности у кочевников критикуется исследователями. Очевидно, что внутренней потребности в государстве не существовало – для нее не было экономического фундамента. У кочевников сарматской эпохи нет ключевых признаков государства. Так, у них очевидно нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата. Специфика кочевников приводит к развитию альтернативного пути политогенеза, не доходящего до государственности. Другая точка зрения – о существовании у сарматов раннего государства – выражена в статьях А.П. Медведева (Медведев 2010: 145).

Племя – один из типов этнической и социопотестарной общности,

неодинаково понимаемой разными, в том числе и отечественными исследователями. Но можно выделить ряд отличительных черт племени: представление о дальнем реальном или фиктивном родстве соплеменников, наличие племенной территории, языковой (диалектной) и культурной общности, общеплеменной власти, племенного самоназвания и самосознания. Со временем в доклассовых обществах в роли основной этнической единицы выступало уже не племя, а соплеменность, понимаемая как группа родственных племен, живущих по соседству, говорящих на диалектах одного языка и обладающих значительной культурной общностью.

Племя у кочевников выполняло две ключевые функции – урегулирование внутренних конфликтов и осуществление мобилизации для защиты и контроля территории. Особенности родоплеменной организации кочевников заключались в генеалогической связи объединений; потестарном характере племенных группировок; родо-племенная структура, как правило, становилась основой военной организации.

Племя имеет двойственную природу – это потестарное и этническое объединение. Исследователи говорят о существовании у кочевников вторичного племени. Его важная особенность – оно сформировано в условиях взаимодействия с более развитыми обществами и является формой приспособления к ним. Вторичное племя, по-видимости, было основной формой политики у сарматов.

Другой формой потестарной организации было **вождество**. Впервые оно было упомянуто В.И. Мордвинцевой (Мордвинцева 1994) без особой аргументации, но до последнего времени по отношению к сарматам не употреблялось. Однако в настоящее время это важнейшее понятие приобретает популярность, и сейчас существование вождеств у сарматов не оспаривается: «Для социально-политической организации кочевых обществ наиболее типичными являются вождества» (Скрипкин 2015: 76).

Вождество характеризуется следующими признаками (Крадин 1995):

- 1) вождество — это один из уровней социокультурной интеграции, который характеризуется наличием надлокальной централизации;
- 2) иерархическая система принятия решений и институты контроля (но нет монополии на применение силы);
- 3) существование выраженной социальной стратификации, а также тенденция к выделению элиты в замкнутое сословие;
- 4) важная роль редистрибуции – перераспределения прибавочного продукта по вертикали. Авторитет центральной власти поддерживался с помощью методов престижной экономики, постоянных раздач материальных и морально значимых ресурсов;
- 5) общая идеологическая система и/или общие культы и ритуалы;
- б) верховная власть в вождестве имеет сакрализованный, иногда теократический характер.

Наличие надлокальной централизации, двух- и трехуровневой организации, характерных для вождества, мы можем предполагать по сообщениям письменных источников. Но в этом плане более убедительны данные археологии. Выявить археологически вождества и их периферию можно по степени концентрации богатств в погребениях сарматов. Мы можем связать места концентрации погребений в курганных могильниках (находящиеся, по всей видимости, поблизости от мест зимовок) с племенными группировками. Например, в бассейне Нижнего Дона мы можем выделить четыре района концентрации погребений: 1) устье Дона, 2) междуречье и низовья Сала и Маныча, 3) среднее течение Сала и район к югу от нынешнего Цимлянского водохранилища, 4) бассейн реки Иловли. По степени концентрации богатств в погребениях в первые века нашей эры резко выделяются комплексы в устье Дона, что говорит о том, что политический центр региона был именно здесь. В раннесарматское время самые богатые комплексы находились в Прикубанье.

Особенно важно наличие элитных комплексов в районах концентрации памятников. Богатые комплексы в могильнике могут говорить о существовании своей элиты, что является аргументом в пользу политической самостоятельности данной группировки, в то время как присутствие в нем только рядовых памятников может быть свидетельством того, что это население является зависимой частью какой-либо политики. Другая возможность выявления отношений зависимости связана с сосуществованием в одном районе памятников двух культурных групп, одна из которых явно доминирует. Такой случай приводит В.П. Глебов на примере памятников раннесарматской и среднесарматской культуры в Подонье I в. н. э. (Глебов 2006: 60).

Цель создания вождества у номадов – это формирование системы экзополитарных связей, эффективной внешней эксплуатации, проявляющейся в виде набегов, дани и т.п. Полученные ресурсы распределялись между правителями и знатью. Таким образом, именно результативность военных действий, эффективность экономики войны была ключевым условием политической интеграции у сарматов.

Правителя и подчиненные общины соединяют редистрибуция и институты престижной экономики (Крадин 2007: 30). Власть правителя кочевого вождества держалась на успешной внешнеполитической деятельности и на перераспределении добычи, дани и т.п. среди своих воинов и верхушки племен. О престижной экономике могут свидетельствовать концентрация престижных вещей (погребения Нижнего Дона), а также распределение их по периферии. Престижные предметы появляются в племенной среде не только как военная добыча или результат династических браков, но и как дары правителя, укрепляющие его власть. При решении этой проблемы перспективно исследование знаков собственности – сарматских тамг.

Частые церемонии и ритуалы, служащие целям укрепления авторитета власти, известны по письменным источникам и могут быть прослежены

археологически. Самое яркое свидетельство их у аланов – богатые погребения среднесарматской культуры, роскошный ритуал при совершении которых был, видимо, предназначен для широкой аудитории.

Два уровня власти видим в сообщении декрета Протогена о царе Сайтафарне и его скипетроносцах, которые отдельно от него получали дары (Декрет в честь Протогена. IPE I2 № 32; Скржинская 2000: 211). Эти скипетроносцы (скептухи), в которых С.А. Яценко предлагает видеть знать – ардаров, упоминаются и другими авторами (Tacit. Annal. VI. 33; Plut. De flux. XIV). Характерно, что все эти сообщения относятся к раннесарматской эпохе или рубежному времени.

Нам известны по письменным данным цари аорсов – Эвнон (Tac. Ann., XII, 19), Спадин (Strabo. Geogr. XI, V, 8). Эти цари и были, видимо, предводителями вождеств. Цифра 200 тысяч воинов, которые мог по данным Страбона выставить Спадин, выглядит невероятной. Но и вдесятеро меньшая группировка должна была представлять как минимум сложное вождество. Таким же предводителем вождества, видимо, является и царица сарматов Амага.

Кстати, А.С. Скрипкин видит в скептухах предводителей простых вождеств, а в царях – лидеров сложных вождеств (Скрипкин 2015: 80).

Предполагаемое некоторыми авторами существование кочевой империи у сарматов и аланов (имеются в первую очередь аланы Нижнего Дона первых веков нашей эры – Яценко 2009, Вдовченков 2011) подвергается критике (например, Перевалов 2014 или Б.А. Раев, выступивший с докладом «Алания как кочевая империя. Китеж-град донской археологии» в Санкт-Петербурге в 2016 г. на научной школе «Крым в системе политических и экономических связей с культурами Евразийской степи и цивилизациями Востока»).

К аланам первых веков, на наш взгляд, может подходить термин кочевая империя. Название статьи С.А. Яценко (Яценко 2009) – самого обстоятельного

исследования нижнедонской Алании, неслучайно. У аланов следующие признаки кочевой империи: наличие зависимой оседлой периферии, подвергаемой экзоплуатации (население донской лесостепи, нижнедонские и кубанские городища, отчасти Боспор и т.п.); наличие царей и влиятельной аристократии (археология показывает нам очень богатые комплексы, которые мы можем интерпретировать только как царские или аристократические); исключительная военная активная военная деятельность, организация масштабных акций в Подунавье, Закавказье, Северо-Западном Иране; признание соседями высокого статуса Алании (династические браки с царями Армении).

С.М. Перевалов подверг критике работу С.А. Яценко (Перевалов 2014) и оспорил существование у аланов I-II вв. н. э. кочевой империи. Его наблюдения очень интересны, особенно в отношении письменных источников.

Особенно заслуживает внимания его скептицизм по поводу использований данных кавказских авторов и их недостоверности. Однако С.М. Перевалов не использует археологические источники и не учитывает различия между объединениями ираноязычных кочевников разного времени.

К сожалению, у нас намного меньше сообщений о предводителях аланов I-II вв. н. э., чем о царях раннесарматской эпохи и рубежа эр (кавказскую традицию я во внимание не беру). Мы знаем по данным надписи о победе в конце I в. н. э. боспорского царя над «царями аланов» (Сапрыкин 2006: 46-47), но это мало что говорит об организации власти у аланов.

На мой взгляд, данных для выводов пока недостаточно. Как вариант можно использовать термин Н.Н. Крадина «квазиимперия», который относится к европейским политиям европейских номадов, не таким масштабным, как в Центральной Азии (Крадин 2007), и только в отношении Алании на Нижнем Дону. Но в этом вопросе еще рано ставить точку и проблема требует дальнейших исследований.

Глава III. Этапы социальной истории сарматов Нижнего Подонья

§ 1. Сарматы раннесарматской эпохи Нижнего Подонья

Для социальной интерпретации важно помнить о климатических изменениях. В III в. до н.э. наступает эпоха аридизации климата степной зоны Восточной Европы (из последних исследований – Демкин 2012: 171). Это стало одной из причин запустения степной зоны Северного Причерноморья. В это время сарматы осваивали Поволжье, и только с рубежа III-II в. до н. э. сарматские комплексы известны в Подонье. В Северном Причерноморье сарматские археологические комплексы зафиксированы с середины II в. до н. э., а в Северо-Западном Причерноморье известны только с I в. до н.э.

Страбон помещает на Нижнем Дону аорсов. Видимо, это и обобщающее название для раннесарматского населения Подонья и Поволжья. В Северном Причерноморье Помпоний Мела упоминает амаксобиев (Pomp. Mela. II, 2, 4-5). Сравнив эту информацию с данными Птолемея (Ptol. Geogr. III, 5, 17) и Плиния Старшего (Plin. NH. IV, 80), Д.А. Мачинский пришел к выводу, что Ἀμαξόβιοι (Намахобии) («живущие в повозках») – это аорсы (Мачинский 1974: 131). У устья Танаиса отмечаются иксаматы (Pomp. Mela. I, 114, 2-3), которые, как полагали некоторые исследователи, постепенно продвинулись сюда с юга (Максименко 1983: 16).

В степях Восточной Европы III-I вв. до н. э. известна серия комплексов, которым М.Б. Щукин дал название «странные комплексы» (Щукин 1994: 97). В отношении этих памятников также используют такие названия как «ритуальные клады», «вотивные клады», «жертвенно-поминальные комплексы», «клады» (Вдовченков 2016: 85). Споры о значении этих комплексов не позволяют окончательно определиться с названием. Как считает Ю.П. Зайцев, «в конкретном случае понятие «вотивный клад» относится к специально

закопанным предметам конской узды, воинского снаряжения и сосудам, которые по условию находки не соотносятся с человеческими или конскими погребениями» (Зайцев 2008: 147). Применение слова клад к памятникам такого рода спорно. Я буду использовать преимущественно уже устоявшийся термин «странные комплексы», или «жертвенно-поминальные комплексы», а «клад» и «вотивный клад» – в кавычках, чтобы подчеркнуть условный характер такого названия.

Впервые это явление было отмечено А.В. Симоненко (Симоненко 1993: 89-90) и М.Б. Щукиным (Щукин 1994: 97). Общее количество этих комплексов – около пятидесяти (Зайцев 2012: 67). Точное количество трудно определить в связи с тем, что не все памятники исследовались специалистами. Ряд комплексов, изначально определённых как ограбленные погребения, на деле могут быть жертвенно-поминальными комплексами (например, Бойко-Понура – Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014: 78).

Вокруг проблемы датировки этих памятников в литературе развернулась дискуссия, не законченная и в настоящее время. А.В. Симоненко настаивает на поздней датировке, т.е. относит их ко времени митридатских войн (Симоненко 2015: 194). Конечно, большая часть жертвенно-поминальных комплексов не может быть точно датирована. Однако датировка Ю.П. Зайцевым Семеновки по данным амфорной керамики последней третью III в. до н. э. (Зайцев 2012) убеждает в том, что возникновение этого феномена можно отнести к последней трети III в. до н.э. И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис считают самым ранним из всех известных «вотивных кладов» комплекс из Пластуновской, и датируют его четвертой четвертью IV – началом III в. до н.э. (Марченко, Лимберис 2009: 73). К ранним можно отнести Грушевский комплекс, датированный А.В. Дедюлькиным серединой – второй половиной III в. до н.э. (Дедюлькин 2012: 44).

Обратимся вначале к анализу культурного содержания и культурного

контекста странных комплексов. Это, конечно, не погребения – в них не наблюдается останков человека или лошади. Это и не кенотафы – нет устойчивой традиции погребений в степях Восточной Европы в это время. Часть из них найдена случайно, но в то же время растёт и число комплексов, исследованных специалистами.

Жертвенно-поминальные комплексы находят в курганных насыпях, естественных всхолмлениях, известно три случая их сокрытия на склоне балки – Старобельское, Янчокрак, последний из найденных – Гордашевский «клад» (Полин, Карнаух 2012). Состав кладов довольно устойчив. Это, в первую очередь, конское снаряжение, оборонительное и наступательное вооружение, металлическая и керамическая посуда. Нередко клад размещали в шлеме, котле или ситуде.

Эти комплексы разбросаны на широком пространстве степной зоны Восточной Европы (Рис. 4 Приложения). Можно выделить такие регионы распространения, как Северо-Западное Причерноморье, Северное Причерноморье, Подонье (Среднее и Нижнее), Кубань. Важно отметить, что ранние комплексы, относящиеся к III в. до н.э., известны и в Северо-Западном Причерноморье, и на Кубани, и в Подонье. На настоящий момент затруднительно по расположению комплексов указать источник распространения.

Известен ряд аналогов традиции этих кладов. Клады на Балканах и Подунавье Ю.П. Зайцев относит к общему числу жертвенно-поминальных комплексов (Зайцев 2007: рис. 1). Однако неясно, насколько корректно соотносить клады из Балканского региона со «странными комплексами»: детальная аргументация у Ю.П. Зайцева отсутствует. На деле такие комплексы на Балканах отличаются от жертвенно-поминальных комплексов Северного Причерноморья, как минимум, по двум параметрам. Во-первых, они происходят из плотно заселённого региона, в котором известно много погребальных

памятников (т.е. там совершенно иная демографическая и культурная ситуация). Во-вторых, состав комплексов имеет ряд различий.

Одновременно кладам знаменитый могильник у с. Глиное в Приднестровье. Он – один из немногих могильников в регионе, где отмечены и клады. К сожалению, его материалы опубликованы не полностью. В случае с этим могильником мы можем говорить не только о географической и хронологической близости кладам, но, что самое важное – и культурной (Дзиговский 2003; Раев, Симоненко 2007; Зайцев 2008; Тельнов, Четвериков, Синика 2012). В погребальных комплексах могильника у с. Глиное встречаются те же категории предметов, что и в кладах, за исключением шлемов, ситул и котлов.

Отдельного упоминания заслуживает культовый характер памятников и анализ системы представлений, связанных с ними. Анализу культовых представлений посвящена работа А.Н. Дзиговского и А.С. Островерхова (Дзиговский, Островерхов 2010). В ней содержатся частные наблюдения, иногда весьма интересные. Но они не складываются в целостную картину, поскольку авторы стремились собрать в своём тексте как можно больше информации, весьма разнородной и не всегда соотнесённой именно с жертвенно-поминальными комплексами. Также они сосредоточились именно на прочтении комплексов как сарматских, в то время как многие авторы указывают на близость этой традиции скифской и позднескифской культурам.

Подытоживая исследование, А.Н. Дзиговский и А.С. Островерхов предположили, что клады – это способ сакрального освоения территории сарматами, ритуальные маркёры территории. Они рассматривают их как вариацию/атрибут алтаря, в роли которого выступают курганы и возвышенности (Дзиговский, Островерхов 2010: 168). Мнение этих авторов о существовании касты воинов, жреческого сословия и жрецов-воинов (и их связи с «вотивными кладами») я не могу поддержать – мы не знаем ни того, ни

другого ни для скифов, ни для сарматов, а предположения Ж. Дюмезиля о трёхкастовом обществе скифов о пока не находят подтверждения в наших материалах.

По поводу характера «кладов» ряд исследователей сходятся в том, что это поминальные комплексы (Раев, Симоненко 2007). Можно их трактовать и как следы жертвоприношений. Эти памятники могли быть связаны с разными обрядовыми действиями и культурами – не обязательно поминальными.

Один из важных вопросов заключается в том, почему в кладах мы встречаем, как правило, несколько конских наборов – обычно один конский налобник (иногда больше – например, три в Качалинской – Сергацков 2009) и от одного до шести экземпляров удил и пар псалиев – с известными вариациями (Редина, Симоненко 2002).

По всей видимости, вряд ли это памятник одному человеку. Нам известна традиция использования номадами двух-трёх коней в походе, однако в «кладах» встречаются до шести конских наборов. Вопреки мнению некоторых исследователей (Зайцев 2007: 266; Мордвинцева 2013: 154), нет оснований рассматривать странные комплексы однозначно как элитные. О каком-то значимом богатстве говорить не приходится. В них мы видим статусные вещи – фалары, оружие, котлы, стеклянные чаши, но они не являются признаком правителей, здесь нет инсигний власти (гривен, роскошно оформленного оружия и т.п.). Хотя, с другой стороны, мы должны помнить, что это время в степной зоне – эпоха эгалитарных по облику культур, где богатые комплексы – редкость.

Поскольку это, очевидно, не правители (в лучшем случае вожди небольших отрядов), скорее всего, количество конских наборов говорит о количестве умерших, чьей памяти посвящены эти комплексы.

Главная особенность этой традиции – это связь с войной, со всадничеством. Подтверждением этому служит такая живописная деталь из

Семёновки, как воткнутый в землю кинжал или короткий меч, что сразу нам напоминает о культе скифского Ареса (Дзиговский, Островерхов 2010: 149-150).

Ю.П. Зайцев в своё время интерпретировал «вотивные клады» как «особую форму отчуждения и захоронения на стороне погребального инвентаря (всего или какой-то части) элитных воинских захоронений» (Зайцев 2007: 266). А.В. Симоненко и Б.А. Раев – как памятники поминального характера, связанные с воинским культом (Симоненко, Раев 2007). И та, и другая формулировка отражают ключевые характеристики этого феномена, и не вызывают возражения.

Следует упомянуть вторую особенность жертвенно-поминальных комплексов – они располагаются на незаселённых пространствах (рис. 1; Зайцев 2012: 68, рис. 1). Именно это вызывает затруднения в социальной интерпретации явления. Конечно, не вся территория распространения кладов является пустынной. Так, на протяжении всего периода распространения этих комплексов в Прикубанье известны погребения и поселения. Нижнее Поднестровье было заселено в III-II в. до н.э. (а это комплексы Великоплатовское и Семеновка). Со II в. до н.э. идёт распространение сарматов в Подонье, а потом и далее на запад.

Странные комплексы – это рождённый кочевым миром феномен. Об этом свидетельствуют находки из комплексов, связанные с военной субкультурой номадов, со всадничеством. Традиция сооружения курганов или использования естественных всхолмлений также является аргументом в пользу этого, как и распространение его на степных территориях, обширных, и часто незаселённых пространствах.

При обращении к обозначенной проблеме, следует помнить, что для погребального обряда у номадов связь с этничностью совсем не прямая и не однозначная. Одни и те же погребальные традиции известны у разных народов,

в то время как у одного этноса встречаются разные погребальные традиции. Что касается традиции депонирования «кладов», то здесь тем более нужно проявлять осторожность, поскольку состав этих комплексов определяется не только этнической принадлежностью их «владельцев», но и связями с производственными центрами, модой, экономической ситуацией и т.п. Так, важнейшую роль в формировании «кладов» играют центры производства конского снаряжения и вооружения в Восточной Европе в III-I вв. до н.э.

Изначально при анализе этой традиции была распространена точка зрения об их позднескифской принадлежности (Симоненко 1982; Дзис-Райко, Синичук 1984). В дальнейшем получила популярность версия о том, что они были оставлены ранними сарматами (Смирнов 1984: 114; Нефедова 1993: 18; Симоненко 1993: 90; Симоненко 2001: 96; Симоненко 2015: 229, прим. 86). Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко указывают на то, что один из ранних «кладов» – это комплекс из Пластуновской, и что именно здесь, в Прикубанье, в сиракской среде зародился этот обряд, распространившийся впоследствии, в связи с рейдами сарматских племён, в Северо-Западном Причерноморье (Марченко, Лимберис 2009: 73). Но существование сираков в Прикубанье в IV в. до н. э. оспаривается (Шевченко 2011: 55).

М.Б. Щукин предполагает как одну, так и другую версию (скифскую и сарматскую – Щукин 1994: 97-98). В настоящее время к версии о сарматской принадлежности кладов склоняются А.Н. Дзиговский и А.С. Островерхов (Дзиговский, Островерхов 2010). О сарматской принадлежности таких кладов в одной из своих последних статей говорит И.В. Сергацков: «Содержательная сторона этих комплексов, несомненно, определяется религиозными представлениями сарматов» (Сергацков 2009: 158).

Детальный анализ этих комплексов произвёл Ю.П. Зайцев, перу которого принадлежат несколько ключевых статей по проблеме (Зайцев 2007; 2008; 2012). Он пришёл к выводу о том, что в этих комплексах заметна более всего

позднескифская составляющая. Этой же точки зрения придерживаются С.В. Полин и Е.Г. Карнаух (Полин, Карнаух 2012). Против сарматской версии также выступила В.И. Мордвинцева (Мордвинцева 2008).

Зайцев выделяет региональные признаки группы «вотивных кладов» из Северо-Западного Причерноморья (Зайцев 2008: 148-149). Также он обращает внимание на Тираспольскую группу курганных могильников и близость им жертвенно-поминальных комплексов. Вывод Ю.П. Зайцева: «в них отчётливо выражены «скифский» и «европейский» компоненты при практически полном отсутствии признаков археологических культур, расположенных к востоку от Дона» (Зайцев 2008: 150).

Действительно, уже отмечено, что, например, что некоторые «клады» Подонья отличаются от раннесарматской культуры того же региона (Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014). В Заволжье и Южном Приуралье, на «исконных» сарматских территориях, странных комплексов не обнаружено (Сергацков 2009: 157). Но, с другой стороны, есть Рестумов II вполне сарматского облика (Глебов 2010: рис. 38).

На восприятие принадлежности носителей кладов повлияло определение населения из могильника Глиное как скифского. Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков и В.С. Синика определённо выводят позднескифское происхождение традиции кладов, исходя из близости их комплексам из Глиного (Тельнов, Четвериков, Синика 2012: 13). О.К. Савельев обращает внимание также на высокую концентрацию копий и дротиков в Глином и «странных комплексах», что выделяет их на фоне других памятников степной зоны Восточной Европы (Савельев 2010: 182).

Бесспорно, основной культурный массив комплексов из Глиного генетически связан со скифскими древностями. Но есть важные черты, которые определённо свидетельствуют о культурных и политических изменениях в степи. Это, в первую очередь, тамга, изображённая на дне лепной миски из

погребения 81/3 могильника у с. Глиное Слободзейского района на левобережье Нижнего Днестра (Синика, Тельнов 2014: 308, рис. 14). Это самая первая тамга, известная нам в Восточной Европе. До этого самые ранние тамги фиксировались в I в. до н.э. Они принесены сюда как важная традиция, укоренённая в жизни восточных кочевников, выходцев из Центральной Азии.

Тамги – надёжное свидетельство восточного импульса в регион, который не мог не повлиять на этнополитическую ситуацию. В этом свете очень важна ранняя фиксация тамги на серебряной чаше из странного комплекса Булаховка (Мордвинцева 2013: рис. 2: 1), датируемого I веком до н.э. Таким образом, в памятниках Северного Причерноморья конца III – I вв. до н.э. найдено две тамги – одна в странном комплексе, другая – в могильнике, тесно связанном культурно с традицией «вотивных кладов».

Свидетельством восточного влияния являются наплечные фалары из Янчокрака, Таганрога, Старобельска, Булаховки, Балаклеи и т.п. (Мордвинцева 1999; Treister 1999). А.В. Дедюлькин анализирует их происхождение и датирует предположительно второй половиной III в. до н. э. (Дедюлькин 2015). По его мнению, у истоков этой традиции – или всадники Греко-Бактрии, или кочевники Приуралья-Центральной Азии. В любом случае, фалары пришли с Востока. О восточном же влиянии говорят железные черешковые наконечники (Савельев 2010: 180).

Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков и В.С. Синика в своей статье определённо говорят о позднескифской культурной принадлежности «кладов», но я в оценке был бы более осторожен. Наличие тамги в инвентаре из могильника Глиное является важным показателем присутствия в регионе восточных мигрантов в конце III – начале II в. до н. э. Ведь тамгопользование известно для этого времени преимущественно в Средней и Центральной Азии.

Восточные мигранты в европейской степи – главные нарушители спокойствия. Их не так много, но в военном и политическом отношении они

весьма влиятельны. Они впитывают местные элементы культуры (керамику и импорты), и отследить их можно только по престижным вещам и элементам погребального обряда. Название сарматы, используемые для них – это условность, и об этом следует помнить. Речь идёт о нескольких разнородных и разновременных волнах с востока, о которых свидетельствуют тамги, фалары, и ряд других инноваций (а в письменных источниках – новые имена и этнонимы).

Надо также обратить внимание на меотские следы в странных комплексах (Савельев 2010: 177), и очевидное влияние северокавказского региона (Марченко, Лимберис 2009). В «вотивном кладе» из могильника Царского есть жезл-вток, известный на Кубани и в Крыму (Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014: 81).

Таким образом, мы видим, что значительную роль в формировании этой традиции сыграла скифская и позднескифская культура. Но В.П. Глебов отметил, что полностью исключать сарматский компонент из жертвенно-поминальных комплексов нет оснований (Глебов 2009: 148). В этом плане важно оценить роль восточных инноваций в странных комплексах, а также обратить внимание на размах и устойчивость традиции. Она известна в степной и отчасти лесостепной зоне от Кубани до лесостепного Подонья на север и до Северо-Западного Причерноморья на западе на протяжении двухсот лет. Таким влиянием обладали все же скорее сарматы, чем скифы, зажатые в пространстве Крыма и территории, прилегающей к Причерноморью, и постепенно оседающие на землю (хотя и способные на всплески усиления своего влияния, как это было в позднескифском царстве при Скилуре).

Один из основных вопросов при анализе «вотивных кладов», это вопрос о том – монокультурное или поликультурное это явление. Встречается его оценка, как присущего нескольким народам. Так, В.П. Глебов пишет, что «данный обряд, имевший надэтнический характер, был распространён в самых различных этнокультурных областях, в том числе и у ранних сарматов доно-

волжского региона» (Глебов 2009: 148). Ритуальные клады оцениваются и как надкультурное явление (Глебов, Дедюлькин, Гордин 2014, 81), что подразумевает в данном случае выход за рамки узко этнической культуры. О.К. Савельев обращает внимание на отсутствие типологического однообразия в предметах вооружения из votивных кладов, и на выраженные скифские, а также кельтские и меотские черты (Савельев 2010: 182).

Ю.П. Зайцев несколько иначе ставит акценты. Он отмечает, что «во многих пунктах «кладовой» территории присутствуют однотипные и даже одинаковые предметы» (Зайцев 2012: 70). Но вместе с тем он выделяет региональные черты «кладов» на примере Северо-Западного Причерноморья (Зайцев 2008: 148-149), и приходит к выводу о том, что «традиция votивных кладов – это особое явление в археологических культурах Восточной Европы эллинистического времени (III-I вв. до н. э.). На различных территориях эта традиция имела свои локальные черты, которые к тому изменялись со временем» (Зайцев 2008: 150).

Но есть исследователи, которые настаивают на монокультурности этого явления. Это А.В. Симоненко, сужающий хронологические рамки до времени митридатских войн, и считающий их сарматскими; А.Н. Дзиговский и А.С. Островерхов, также подразумевающие их сарматскую принадлежность. Это и И.В. Бруяко, который пишет следующее: «единообразие условий депонирования этих «кладов» позволяет считать, во всяком случае, что они оставлены какой-то одной группой населения с одним культурным стандартом, предписанным для процедур такого рода. По сути, это не что иное, как объективация неких мировоззренческих установок. Механическое заимствование такого текста, как какой-нибудь яркой, престижной вещи, вряд ли возможно. Для этого он слишком сложен, а внешне совершенно непривлекателен. Устойчивый набор признаков таких кладов, так же, как и стереотипные условия их депонирования, не позволяют распространять этот

ритуал на слишком большое число исторических народов действовавших в Северном Причерноморье... Таким образом, «странные комплексы», это культурный стандарт какой-то одной этнической (этно-социальной) группы населения» (Брумяко 2005-2009: 345-346).

Правомерность этих оценок покажут будущие исследования, но, по крайней мере, понятно, что это явление несколько по-разному выглядело в разных регионах, но при известных отличиях за ним стоит весьма устойчивая ритуальная практика. Следует также помнить об этнокультурной неоднородности как сарматов, переселяющихся на запад, так и поздних скифов, впитавших в себя элементы разных культурных традиций.

Поэтому, в общем, можно оценить странные комплексы как феномен иранского кочевого мира, возникший на переломе двух больших эпох – скифской и сарматской, и неизбежно несущий в себе в связи с этим ростки новых культурных явлений.

За последние двадцать лет о странных комплексах написано немало, однако мне известна только одна социальная характеристика явления, высказанная Ю.П. Зайцевым. Упоминания мимоходом о воинском характере этой традиции у многих исследователей не могут считаться полноценной интерпретацией, поскольку непонятно происхождение и характер этого феномена.

Ю.П. Зайцев рассматривает «вотивные клады» как следы караванной торговли, проходящей по незаселённым областям (Зайцев 2012: 70-71). Сами «клады», по его мнению, это следы обрядовых действий, совершаемых во время следования караванов.

Слабость этой позиции заключается в том, что как раз картографирование не подтверждает этой гипотезы – см. рис. 1 Приложения, а также: (Мордвинцева 2013: 152; Зайцев 2012: 68, рис. 1, 2). На карте не видно устойчивых путей и маршрутов.

Но ещё более важный аргумент против этого предположения заключается в том, что тогда некому и не с кем было торговать. Степи были не заселены, они представляли собой «Дикое поле» в III–II вв. до н.э. Например, в III–I вв. в Нижнем Подонье и Поволжье не находят обломков античной керамической тары (Шелов 1970: 178; Ильяшенко 2016). Вывод, который из этого следует – Танаис не торговал со своим окружением. Танаис, как ни странно, не торговал с номадами и после появления ранних сарматов в регионе, т.е. во II–I вв. до н.э. Об этом свидетельствует отсутствие амфорной тары на Нижнем Дону (за редким исключением). Потребности в торговле между греческими центрами решались, очевидно, с помощью морского транспорта. А привозная продукция в том же Танаисе была рассчитана, судя по всему, на танаисского потребителя (Ильяшенко 2016).

Помимо этого, следует указать на то, что занятие войной и торговля – это два уклада, формирующих несколько разные по облику культуры. Оружие, конская упряжь «вотивных кладов» не говорят о торговле как о ключевом занятии. Маркерами караванной торговли были бы стабильные маршруты, определённые места стоянок, переправ, значительное количество керамического материала. Этого мы не видим. Исторически образ воина обычно не сочетается с образом караванщика – этим занимались разные люди (в то время как Ю.П. Зайцев говорит именно о воине-караванщике как поставщике этих «кладов»).

Главная проблема в интерпретации этих жертвенно-поминальных комплексов – их появление в необитаемом, судя по всему, пространстве степей Восточной Европы. Наличие некоторых могильников (Глиное) и постепенное заполнение степей мигрантами с востока не позволяет решить поставленной проблемы, и определить, что это за памятники и кем они были оставлены. При этом явление это довольно распространённое – оно существовало на протяжении около 200 лет на большой территории.

Моя гипотеза состоит в том, что странные комплексы оставлены

молодёжными объединениями. Эта гипотеза позволяет объяснить ключевые особенности этого явления – связь с войной и нахождение на незаселённых территориях. Поскольку Северное Причерноморье представляло Дикое поле своего времени, то это пространство было идеальным полигоном для деятельности молодёжных групп. В этих объединениях молодёжь получала необходимые навыки и воспитание, занимаясь набегам и охотой. Также такие объединения служили военным авангардом своего племени, обыкновенно находились на границах, совершали эпизодические походы/набеги и решали текущие военные задачи (охрана границ, демонстрация военной силы, разведка и т. п.). Ещё одна важная функция таких объединений – направление энергии молодёжи в полезное для племени русло; при этом юноши дистанцировались от ядра племени. Таким образом, насилие, проявляемое молодёжью, использовалось в конструктивном ключе.

В свете вышесказанного можно предположить, что урги, упоминаемые Страбоном наряду с языгами в Север-Западном Причерноморье (Strabo. Geogr. VII, 3, 17) – это не этноним, а обозначение молодёжных союзов. «Ουρῶν» в переводе со скифо-сарматского означает «волки» (Абаев 1979: 308). Урги могли быть этносом, сформировавшимся на базе молодёжного/мужского союза или же молодёжным союзом. Этой позиции придерживается и А.И. Иванчик (2005: 183). Но такая трактовка названия ургов – связь его с молодёжным/мужским союзом или же рассмотрение ургов в качестве молодёжного/мужского союза языгов – не более чем предположение. Это не единственная трактовка названия «урги». Свои варианты объяснения предложили К.Ф. Смирнов (1984: 121) и Ю.М. Десятчиков (1973). Кстати, регион, где отмечены урги – Подунавье и Северо-Западное Причерноморье – вполне подходит для размещения молодёжного союза – это самая окраина кочевого мира, «беспокойная граница» (по Т.Д. Барфилду), где в этот момент находился авангард сарматского этнокультурного массива.

Ещё один любопытный момент – название племени «языги». Их название С.Р. Тохтасьев возводит к авестийскому «yazu» – «младший» (Тохтасьев 2005: 299), что может косвенным образом свидетельствовать о связи с молодёжными объединениями. Примечательно упоминание языгов Валерием Флакком: «Разноцветная Иберия излила вооружённые копьями отряды, которые ведут... не знающие убелённого сединами возраста язиги... у мужественных предков созданся обычай не медлительно претерпевать смертную участь, но погибать от руки дорогого потомства вручённым ему мечом; прерывают замедление и сын, и отец, единодушные оба и вызывающие сожаление своими мужественными поступками» (Val. Flac. Argonaut. VI. 120-129). В данном отрывке, я полагаю, речь идёт о возрастных классах и традиции убийства при достижении определённого возраста. Это означает, что возрастные группы имели большое значение в жизни языгов, и это сообщение может быть косвенным аргументом в пользу существования молодёжных объединений.

Любопытно, что языги и урги – авангард сарматского движения, находящийся на острие сарматской миграции на запад (хотя сарматская принадлежность ургов может быть оспорена). О них пишет Страбон, что между Борисфеном и Истром проживали по соседству с гетами и тирагетами «...сарматы-языги, так называемые царские и урги...» (Strab. Geogr. VII. III. 17). А названия позволяют сблизать их (в порядке гипотезы) с молодёжными объединениями. Уже упоминаемые лимиганты связаны с сарматским массивом Среднего Дуная, образовавшегося в результате миграции языгов в Центральную Европу в I в. н. э.

Как гипотеза о принадлежности «кладов» молодёжным союзам согласуется с письменной традицией? Письменные источники, посвящённые анализу ситуации в степной зоне Восточной Европы и смене скифского господства сарматским, уже многократно исследовались (например, Мачинский 1972; Полин 1992). Не анализируя здесь данные античных авторов, хочу только

сделать несколько замечаний в свете своей гипотезы происхождения странных комплексов.

Самое известное и цитируемое, пожалуй, сообщение античного автора, которое соотносится с этой эпохой – это строки Диодора Сицилийского об опустошении Скифии: савроматы «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (Diod. Sic. Bibl. hist. II, 43). Существует дискуссия касательно того, о каком времени говорит Диодор (Полин 1992: 96-97). Я склоняюсь к версии о поздней датировке этого сообщения (Мачинский 1972: 48). Один из возможных механизмов такого опустошения – действия воинственных молодёжных объединений, которые своими беспокоящими набегами могли добиться своей цели.

Другой важнейший источник – Декрет в честь Протогена (IOSPE I, 32). К рассматриваемой мной проблеме имеет отношение дискуссия о происхождении сайев и Сайтафарна. Происхождение имени Сайтафарна связано с новым иранским населением, поскольку корень «фарн» не встречается в памятниках скифского времени. Сайев вполне обоснованно сближают с царскими сарматами/савроматами (Мачинский 1972: 47-48).

Любопытно, что в двух текстах царские сарматы/савроматы сопряжены с языгами – у Страбона и Аппиана. Между Борисфеном и Истром по соседству с гетами и тирагетами Страбону известны «...сарматы-языги, так называемые царские и урги...» (Strab. Geogr. VII, III, 17). У Аппиана, когда Митридат Евпатор перешёл в Европу, «присоединились из савроматов так называемые царские, язиги, кораллы...» (Appian. Mithrid., 69). Текст Аппиана сообщает о событиях 70-х гг. до н.э., а сообщение Страбона соотносят или с Митридатовыми войнами, или же временем около рубежа эр.

Это важное свидетельство того, что в авангарде продвижения сарматов на запад находились и царские сарматы. Следует вспомнить ещё первое

достоверное упоминание европейских сарматов и их царя Гатала у Полибия (Polib. XXV, 2, 12). Кто эти царские сарматы – непонятно. Исходя из археологических аргументов, трудно найти место в 179 году до н. э. сарматскому царству (политии) к западу от Танаиса, поэтому исследователи склоняются к версии о его размещении на Кубани (Молев 2012). Однако версия о широтном делении Европы и Азии у Полибия не единственная – есть аргументы и о традиционном меридиональном делении Запад – Восток (Виноградов 1997: 104-105, прим. 3). Если это так, царство Гатала можно искать в Подонье, тем более что там сарматы известны с рубежа III-II вв. до н.э. (Глебов 2010: 174).

В.П. Глебов в своей диссертации о ранних сарматах Подонья, солидаризируясь с С.П. Полиным, говорит о том, что «занятие новых территорий сарматами происходило путём переселения всей массы кочевого населения, а не продвижения отдельных специальных воинских отрядов, и период освоения новых районов ... занимал всего несколько лет» (Полин 1992, 118-119; Глебов 2010: 167-168). Таким образом, он видит в переселении сарматов не завоевание, а занятие сарматами пустующих районов степи. Этот тезис В.П. Глебова выглядит логично. Но он упускает здесь существование фактора X – странных комплексов. В.П. Глебов считает их надэтническим феноменом. Так почему бы не учесть это явление – и не предположить, что часть «кладов» оставлена авангардом, тем более что есть комплексы, которые могут быть соотнесены именно с сарматами (Рестумов II).

Эпоха распространения «вотивных кладов» заканчивается Митридатовыми войнами, и это закономерно. Во-первых, на смену аридной эпохе приходит гумидный климат и происходит увлажнение степной зоны (Демкин 2012: 162, 166, рис. 45). Северное Причерноморье в I в. до н.э. уже основательно заселяется, и свободных пространств становится все меньше. Во-вторых, в участие в больших событиях Митридатовых войн были вовлечены

свободные военные группировки. Эти войны усилили взаимодействие номадов и припонтийских государств, следствием чего были изменения и в обществе кочевников.

Раннесарматская эпоха, как уже говорилось, это время господства в Подонье и Поволжье аорсов. О них сообщает Страбон. Есть еще языги, которые могли располагаться на Нижнем Дону. Ко II в. н. э. относится сочинение греческого историка Аппиана “Римские войны”. В последней книге, посвященной Митридатovým войнам, он упоминает языгов при описании событий, относящихся к 74 г. до н. э. Аппиан сообщает об участии языгов в войне с Римом на стороне Митридата: «Эти племена были на его стороне в Азии еще со времен прежних войн, а когда он переправился в Европу, к нему присоединились из числа савроматов царские, языги и кораллы» (Митридатovy войны 69; Латышев В.В. 1904: 527-528).

В этом сообщении содержится самое раннее упоминание языгов, относящееся к 74 г. до н. э. Примечательно, что Аппиан называет языгов в числе савроматских племен. Если исходить из данных Аппиана, языги располагались в Европе за Танаисом.

Исходный район миграции аорсов – Поволжье, хотя в культуре прослеживаются и более далекие истоки. Миграции II в. до н. э. связаны с югом Сибири и центральноазиатскими степями. В результате в степных древностях этого времени появляются ажурные бронзовые пряжки, гагатовые поясные пряжки, кубической формы ритуальные сосудики, погребения в колодах, увеличивается количество северноориентированных погребений (Скрипкин 2014: 221). Более поздние миграции (ориентировочно I в. до н. э. и рубежа эр) связаны скорее со среднеазиатским регионом. Об этом говорят тамги, сосуды с зооморфными ручками, т. н. «бактрийские» зеркала (Симоненко 2003, 48-49), котлы (Демиденко, Демиденко 2012), костюм (Яценко 2006, 123), новый комплекс вооружения, связываемый с катафрактариями.

Следует обратить внимание на то, что эти волны мигрантов имеют одно принципиальное отличие – они используют разные модели взаимодействия с оседлым миром. Мигранты II в. до н. э. слабо взаимодействуют с оседлым населением. Характеризуя торговлю Танаиса и номадов II – I вв. до н. э., С. М. Ильяшенко сообщает: «Торговые контакты, если таковые и были, не нарушали рамки стандартных потребностей кочевников, не сильно желавших сближения с цивилизацией. Редкие находки импортной керамики больше похожи на последствия разовых контактов» (Ильяшенко В печати). Археологические материалы подтверждаются данными письменной традиции – в раннесарматское время кочевники (видимо, аорсы) закрывали пути купцам вверх по Дону (Strabo. XI.II.2). Именно слабыми контактами с оседлой периферией связана относительная бедность комплексов ранних сарматов, и ограниченный уровень сложности их политий (несмотря на то, что именно для раннесарматского населения фиксируется упоминание многих царей).

§ 2. Сарматы среднесарматской эпохи Нижнего Подонья

Рубеж эр – время весьма впечатляющих политических и этнокультурных изменений на широком пространстве Евразии. Одна из ярких страниц этой масштабной картины – история степей Европы, возникновение среднесарматской культуры, массовый сдвиг ираноязычных номадов на запад, вплоть до Среднего Дуная, появление на страницах античных писателей и полях сражений аланов.

Дискуссия о происхождении аланов и содержании этого имени является одной из ключевых проблем сарматской истории I в. н. э., и имеет самое прямое отношение к проблемам исследования сарматского общества. Существуют разные версии происхождения аланов. В соответствии со стержневой проблемой сарматологии на протяжении XX в. – ролью автохтонизма и

миграционизма в становлении сарматских культур – интерпретировалось и происхождение аланов. Автохтонная гипотеза может быть названа сарматской (Скрипкин 2001). Она связывает происхождение аланов с местной сарматской средой, выводя их из среды аорсов и других сарматских племен – языгов, роксоланов, сираков (Смирнов 1950: 108, Гаглойти 1966: 61-67 и др.).

Замечательные открытия элитных комплексов в 80-х гг. XX в. и анализ инноваций в культуре позволили обратить внимание на миграционную концепцию происхождения сарматских культур. В рамках этих же исследований заговорили о пришлом характере аланов (центрально-азиатская гипотеза по А.С. Скрипкину 2001). Согласно этой точке зрения аланы – это мигранты, выходцы с Востока. В своих трудах эту точку зрения обосновывали С.А. Яценко, Т.А. Габуев и другие ученые (Яценко 1993; Габуев 1999). Под Востоком здесь подразумевается территория к востоку от Приуралья (здесь и Центральная Азия, и Южная Сибирь, и Средняя Азия).

Есть еще третья точка зрения – социальная. Аланы в ее рамках рассматриваются как определенная социальная категория. Эта версия ближе к автохтонизму, хотя есть авторы, которые, придерживаясь ее, также предполагают приход аланов с Востока (Щукин 1992: 11; Наглер, Чипирова 1985; Сатеев 1989; Щукин 1994, Туаллагов 1997). На этой версии имеет смысл остановиться подробнее.

Широко известно мнение А.О. Наглера и Л.А. Чипировой о том, что аланы представляли собой некую военизированную группу кочевников, не составлявшую этнического единства (Наглер, Чипирова 1985). Номадизм, как утверждают авторы, есть пример специализации экономики. Экономики, которая ведет к экспансии и экстенсивному развитию, к военной специализации номадов и к тому, что война становится главным делом номадов. Эти обстоятельства и способствовали выделению аланов как особой военизированной группы.

Но, насколько известно, в преобладающем большинстве случаев война у номадов не может быть главным содержанием хозяйственной деятельности. Номадизм как способ производства предполагает высокую военную эффективность кочевников, но война не становится главным занятием. Военные профессионалы – дружинники – довольно редко появляются в социуме номадов (Яценко, Вдовченков 2015). Есть еще одно замечание по поводу статьи. Рассматривать два общества – кочевое и оседлое – как равноправных участников социальной эволюции неправомерно, также как и видеть в земледельческом обществе косное начало. Преувеличена степень зависимости оседлого общества от кочевого, и совершенно неприемлем тезис о том, что «хозяйство и земледельцев и кочевников становится товарным» (Наглер, Чипирова 1985: 87-91). Хорошо известно, что хозяйство номадов в основе было натуральным, хотя определенная доля товаров, конечно, могла идти на рынок. Но экономическое развитие кочевников очень ограничено. Принципиальной разницы между экономикой ранних номадов, номадов средневековья и нового времени нет. Единственное важное отличие – это разные отношения с оседлым миром, разная включенность в жизнь оседлых обществ.

Следует отметить, что эта небольшая по объему работа без развернутой, в общем, аргументации получила признание и отклик коллег (Скрипкин 2001; Сергацков 2006; Раев 2008). Это можно объяснить дефицитом социальных моделей, используемых при анализе сарматского общества.

Об аланах как социальной надплеменной прослойке говорил и М.Б. Щукин, который полагал, что ранние аланы еще не были племенем в полном смысле этого слова, а скорее могли представлять собой дружину аристократов, воинов-профессионалов. Это мог быть «своего рода «рыцарский орден», имеющий родственные связи с аристократическими родами самых разных более стабильных кочевнических объединений от Гиндукуша до Дуная» (Щукин 1994: 208-209).

С.А. Яценко подверг критике концепцию аланов как социальной военной категории, обратив внимание на то, что у аланов есть своя территория, и античные авторы выделяют их именно как народ, а не какую-то социальную группу (Яценко 2006: 127). Предложенные же М.Б. Щукиным конкретные формы, конечно, являются весьма отдаленными аналогиями реальных социальных институтов сарматского общества.

Проблема состоит в том, что мы не знаем, что скрывается за именем аланы. Попытки выстроить определенные предположения о смысле этнонима и его происхождении пока упираются в молчание источников и непонимание сути происходящих процессов. Мы плохо представляем процесс складывания этнонимов в иранском мире. Не объяснен еще феномен использования имени «аланы» разными этносами древности и средневековья. Анализ же имени аланов на уровне прямого отождествления языги-ясы-аланы (один из многих примеров – Туаллагов 2008: 105) или роксоланы-аланы выглядит очень неубедительно. Например, языги, переселившиеся в I в. н. э. на Средний Дунай, и чья культура на века законсервировалась в изоляции от степного мира, были носителями типичной раннесарматской культуры, и никакого отношения к аланам не имели. Инновации I в. н. э. коснулись их в малой степени. Видимо, натиск аланов и привел к подвижкам в расселении сарматов и их миграции на территорию Венгерской низменности.

Время появления аланов в Европе по письменным источникам – вопрос дискуссионный. Важнейшие вехи, связываемые с появлением аланов – это I в. до н. э., рубеж эр, 35 г. н. э., 49 г. н. э., 62 г., 72 г. Стоит посмотреть на сообщения античных авторов в обратном порядке – от достоверных сообщений об аланах к весьма спорным.

72 г. К 72 г. центр аланов локализуется Иосифом Флавием на Нижнем Дону (Jos. Flav. Bell. Iud. VII, 7, 4).

62 г. В хорошо известной эпитафии Плавтия Сильвана говорится о

событиях 62 г. В противниках Плавтия Сильвана – «царях, римскому народу не ведомых или ему враждебных» (CIL, XIV, 3608; Пер. Г.С. Кнабе) – по хорошо обоснованному мнению ряда исследователей следует видеть аланов (Яценко 2001: 115-117; Скрипкин 2010: 175-176; Туаллагов 2011: 151).

В этом же районе и примерно в это же время их помещает Сенека: «Истр, представляющий путь бегства диким аланам» (Seneca. Thyestes. 627-661). Таким образом, аланы фиксируются надежно только с середины I в. н. э. в Северо-Западном Причерноморье. Первое достоверное известие о них – строка Сенеки, что косвенно подтверждает точку зрения об этносе врагов Рима.

49 г. н. э. – время, которое может быть *terminus post quem* появления аланов. Тацит не упоминает аланов, говоря о хорошо известной войне Митридата VIII. Можно предположить, что сразу после войны 49 г. в регионе появились аланы, вытеснившие аорсов на запад. Таким образом, аланы могли появиться позже 49 г. Но тогда для достижения политического господства и завоевания территории и у них было слишком мало времени.

Но возможно и другое объяснение, предлагаемое Д.А. Мачинским – аорсы в 40-е гг. располагались уже в Северном Приазовье, и не могли контролировать Низовья Дона (Мачинский 1974). Следовательно, в Подонье уже могли присутствовать аланы. Правда, стоит отметить, что Помпоний Мела, описавший, в частности, районы вблизи Меотиды и который, как известно, закончил свой труд в 40-е гг. I в. н.э., аланов не знает.

35 г. н. э. Вокруг известного нашествия сарматов в Закавказье развернулась дискуссия, в котором С.М. Перевалов предложил ряд аргументов в пользу того, что описываемые Тацитом сарматы были аланами. Один аргумент представляет особенный интерес – информация о новой тактике сарматов, доселе не известной (Перевалов 2000).

Рубеж эр. Внимание следует обратить на ситуацию на рубеже эр. Сдвиг племен, приведший к появлению языгов в Северо-Западном Причерноморье,

где их фиксирует Страбон (Strabo, VII, III, 17) и Овидий (Ov. Trist. V. 7.55, V. 12.58, III. 10.33; Ep. III. 2.40), произошел, видимо, в самом конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. Сообщение в «Деяниях божественного Августа» о царях сарматов, живущих у Танаиса, которые просили Августа о дружбе (Imp. August. XXXI), может говорить о дестабилизации ситуации в Подонье на рубеже эр. А отсылка к Страбону, который дополнял свой труд в первые два десятилетия I в. н. э., не является непреодолимым аргументом – Страбон вносил в свой труд точечные изменения, однако основной массив данных относится к раннему периоду.

I в. до н. э. Б.А. Раев и С.А. Яценко полагают, что участие аланов на стороне Митридата VI во время войны 65 г. до н.э., отрицаемое многими исследователями, следует признать исторической реальностью (Раев, Яценко 1993). Объясняют они это тем, что три более поздних автора – Аммиан Марцеллин, Анней Лукан и Валерий Флакк – упоминают аланов. Но ценность этих сообщений оспаривается.

Итак, мы не можем быть уверены в том, что аланы появились в Восточной Европе ранее середины I в. н. э. Мы точно по археологическим данным знаем другое – с I в. до н. э. в Европе появились восточные мигранты. Как их звали – сложный вопрос, который упирается в интерпретацию поздней античной традиции. Следует обратить также внимание на то, что аланы были не единственными мигрантами с востока в I в. до н. э. – I в. н. э. Волны мигрантов на протяжении длительного времени вливались в население региона. Антропологические материалы свидетельствуют об этом со всей определенностью (Балабанова 2014). Есть также и археологические данные, и письменные сообщения.

Подытоживая проблему происхождения аланов и содержания этого понятия, следует согласиться с мнением Сергацкова: «Полагаю, что ранние аланы были небольшим, но мощным этнополитическим объединением,

пришедшим из глубин Азии, выяснить точно, откуда сейчас невозможно. Установив господство над частью прежнего населения, ранее входившего в состав аорсов, они составили верхушку нового кочевого объединения, со временем получившего имя алан» (Сергацков 2006: 46).

Поиск аланов загоняет исследователей в тупик, а стремление вычитать то, что источник не в состоянии предоставить, приводит зачастую к «перенапряжению» источника, додумыванию и построению вероятностных гипотез. Этнические процессы у кочевников отличаются сложностью, часто – незавершенностью. Этническая же интерпретация археологических данных всегда несет спорный характер в связи со спецификой источника.

Какие-то вопросы этнической истории скрыты от нас, но стоит обратить внимание на социальные процессы, происходящие параллельно этнокультурным. Если этническую принадлежность конкретных памятников часто невозможно установить, то социальные процессы мы можем постигать независимо от итогов этнокультурной реконструкции. Искать аланов среди восточных мигрантов надо, но при этом не следует забывать, что анализировать социальные последствия этих миграций мы можем безотносительно того, с кем эти миграции связаны.

В I в. н. э. в среде сарматов возникают новые явления, существенно изменяющие культурный, социальный и политический ландшафт степной зоны Евразии. К числу этих инноваций I в. н. э. можно отнести формирование новой археологической культуры – среднесарматской; появление катафрактариев; ряд частных, но важных инноваций, в том числе и такая, как тамги (первые тамги фиксируются еще в I в. до н. э., однако как массовое явление они относятся к I в.). На Боспорский престол восходит династия, связанная с кочевым ираноязычным миром (Шаров 2013: 44). Первым веком датируются богатейшие элитные комплексы сарматской культуры (особенно в Нижнем Подонье), и именно с этого времени античной традицией аланы надежно фиксируются в

европейских степях.

В чем причина этих изменений? Объяснительные модели в советское время исходили из концепции автохтонизма. Последовательно Т. П. Рау, Б. Н. Граков, К. Ф. Смирнов и их ученики акцентировали внимание на культурной преемственности в развитии сарматских культур. Изменения в культуре на рубеже эр и появление элитных комплексов связывалось, прежде всего, с внутренней эволюцией (при определенном влиянии миграций). Характерно «социологизаторское» объяснение – появление значительного количества богатых комплексов и предполагаемое усложнение социальной структуры общества рассматривалось как итог социального и политического развития, как процесс классовообразования, ослабления родовых связей, развития семейной собственности и т.п.

Однако в 1980 – 2000-е гг. были в значительной степени пересмотрены базовые постулаты советской сарматологии об автохтонном происхождении сарматских культур. Автохтонизм постепенно сменяется пониманием важности миграций в процессе складывания сарматских культур. Работы А. С. Скрипкина, С.А. Яценко и других исследователей позволили прийти к выводу о миграции как ключевом источнике этих изменений (Скрипкин 1990; Яценко 1993).

Сейчас исследователи ищут варианты интерпретации происходящих изменений между крайностями миграционизма и автохтонизма в процессах взаимодействия субстрата и суперстрата. Сохранение определенного культурного континуитета между ранне- и среднесарматской культурой и оставивших их населением бесспорно. Но все же миграция была главным источником трансформаций I в., а появившееся в европейских степях население стало инициатором (а где-то и катализатором) многих изменений. Для понимания произошедших процессов важно понимание механизма миграции.

Доказательства миграции и поиск археологических критериев миграции –

это всегда проблема, требующая обоснования. Территориальный, хронологический и лексальный критерий (Клейн 1999) не всегда работают и являются недостаточными. Очень важны антропологические данные. Проблема усугубляется также тем, что первые мигранты плохо фиксируются археологически. Известны сложности с поиском первого поколения мигрантов (например, поколение первых сарматов на Среднем Дунае – Иштванович, Кульчар 2000).

Следует учитывать, что не было еще стабильных могильников, а миграцию нелегко зафиксировать и по той причине, что культура переселенцев меняется самым радикальным образом. Материальный комплекс у кочевников и так невелик, и, попав в новое окружение, они начинают впитывать как губка новые артефакты и обычаи. Например, по мере продвижения сарматов на запад из Поволжья количество античных импортов (фибулы, античная керамика и т.п.) увеличивалось, а традиционные формы керамики постепенно замещались новыми. Конечно, у мигрантов сохраняются и этноопределяющие маркеры (которые мы не всегда фиксируем), но состав культурного набора весьма существенно меняется. Следует учесть молодой возраст мигрантов, не обладающих в полной мере традиционными знаниями. В соответствии с т.н. коммуникационной теорией Л.С. Клейна они не могли владеть всем объемом информации (Клейн 2011: 478).

Особого внимания заслуживает зубовско-воздвиженская группа памятников I в. до н. э. – I в. н. э. Эта группа памятников связывается с аланами (Раев, Яценко 1993) или же тохарами (Сергацков 1999). Отмечено, что элементы среднесарматской культуры (полихромный звериный стиль, бронзовые котлы с зооморфными ручками) появляются впервые в памятниках зубово-воздвиженской группы. Б.А. Раев и С.А. Яценко насчитали всего 11 таких элементов (Раев, Яценко 1993). Эти комплексы, по всей видимости, связаны с волной миграции с востока, произошедшей в I в. до н. э.

Помимо левобережья Кубани, памятники зубово-воздвиженской группы находят на Нижней Волге, Восточном Приазовье, Центральном Предкавказье (Раев, Яценко 1993: 125; Раев 2008А: 57). В последнее время были выделены памятники этой группы на Южном Буге. Критерии выделения – это впускные погребения в курган, «золотая парчовая вышивка» на груди и подоле костюма, крупный бронзовый колокольчик, используемый в костюме, золотые зооморфные серьги (Раев, Яценко 1993: 116, 120; Воронятов 2011: 170-171).

Наличие памятников этой группы в названных регионах логично – военизированные группы стремились в районы, пограничные с оседлым миром, откуда удобно было совершать набеги. Левобережье Кубани и Северо-Западное Причерноморье – ключевые контактные зоны оседлого мира и беспокойного мира степной зоны Европы. Например, степное Подонье и правобережье Кубани в I в. до н. э. были заняты мощными ордами аорсов и сираков соответственно. Найти себе нишу небольшим группам воинственных мигрантов можно было только на спорных и «ничейных» землях.

Второй этап – этап собственно миграции и завоевания территории – трудноуловим. Легче всего его распознать по следам катастроф и набегов (яркий пример – Танаис середины II в. и середины III в., когда горизонты разрушений были связаны с мигрантами и поочередным становлением двух позднесарматских культур). Новая культурная традиция, естественно, утверждается не сразу – для нее характерны вариации, и в первую очередь – неустойчивый погребальный обряд, обозначающий процесс культурогенеза.

Одна из самых напряженных дискуссий – это спор о границах и рамках раннесарматской и среднесарматской культур. Из недавних публикаций можно выделить материалы исследовательского семинара (Клепиков 2006). Следует обратить внимание на то, что вопрос о смене культур и том, что надо называть средне-, а что – раннесарматской культурой, не играет первоочередной роли. Археологическая культура – в первую очередь инструментальное понятие, и что

за ней стоит – социальная общность, культурная традиция или определенная модель в голове исследователя – нужно решать в каждом конкретном случае. Для нас важно другое – возникновение среднесарматской культуры тесно связано с несколькими импульсами с востока, наложившимся в европейских степях на раннесарматский субстрат. Важно, кстати, отметить, что самый яркий признак среднесарматской культуры – диагональные погребения в подквадратных могилах, скорее всего, распространился под влиянием местной традиции от субстрата (этот обычай известен от Урала до Дона в IV в. н. э.).

Третий этап – стабилизации – археологически фиксируется с некоторым запаздыванием по отношению к историческим процессам. Формирование среднесарматской культуры произошло в донском/волго-донском регионе. Это событие большинство исследователей относят к рубежу эр или первой половине I в. н. э.

Сарматский мир с I в. н. э. начал эволюционировать в аланский. Пример аланов показывает, как миграция довольно ограниченной по численности группы может иметь самые масштабные последствия в политическом и этнокультурном плане. В степной зоне результатом событий, в которых очень значимую роль сыграли аланы, стала перекодировка культуры на новой основе и появление среднесарматской археологической культуры.

Аланы – плод того же иранского кочевого массива евразийских племен. Отличия – в большем значении центральноазиатского элемента и, возможно, большая воинственность. Со временем аланы проникли в разные уголки европейских степей, но какие-то сарматские реликты долгое время сохранялись на окраинах степного мира (сарматы на Среднем Дунае). Сарматы растворились в новых волнах нашествий и хаосе Великого переселения народов, а само слово «Сарматия» зажило вполне самостоятельной жизнью, оторвавшись от своего этнического значения.

Можем ли мы объяснить те важные изменения, происходящие в

сарматском мире в I в. н. э., только миграцией (серией миграций)? В чем причины зримого усложнения сарматского общества, и что является здесь ключевым источником – внутреннее развитие или заимствованные модели (по С. А. Яценко)?

Следует обратить внимание на изменение политической ситуации в I – II вв. в связи с усилением влияния Рима, на экономический расцвет Боспорского царства и римских провинций и интенсификацию контактов с варварским миром. Это создавало объективные предпосылки для развития экономических связей.

Но совершенно очевидно другое – сарматы I в. н. э. были весьма активно вовлечены в торговлю, чему очень способствовал экономический расцвет Боспора и в целом активное развитие античной цивилизацией, связанной с формированием Римской империи. Интенсифицируются контакты с меотами Кубани – в сарматских комплексах с рубежа эр фиксируется значительное количество серолощенной кубанской керамики. Важную роль играли новые городища в низовьях Дона. Торговля шла через Танаис, нижнедонские меотские городища, торговые контакты были и с придунайскими областями.

Экономический подъем античной цивилизации в I в. очевиден, как и влияние его на варварский мир. Однако чтобы им воспользоваться, сарматы должны были обладать соответствующим опытом и институтами, привнесенными мигрантами. А богатство и мощь оседлого мира способствовали их мобилизации.

Концентрация богатств в погребениях элиты, резкое усиление влияния на оседлый мир позволяют предположить у носителей среднесарматской культуры существование развитых политических структур. Вопрос о политической форме развернулся вокруг проблемы существования кочевой империи аланов (Яценко 2009; Перевалов 2014). Помимо кочевой империи, аланскую политику называют вождеством, конфедерацией. В любом случае, речь идет об обществе с

эффективной политической организацией.

Происходит также очевидное усложнение социальной структуры сарматского общества и развитие социальной стратификации. Ярким свидетельством этого является значительное количество элитных комплексов среднесарматской культуры. Мы можем предполагать формирование протосословия, специализирующегося на войне. Археологическими маркерами высокого статуса выступают оружие, богатый набор инвентаря, престижные предметы, костюм, территориальные и погребальные отличия этой группы. О тенденциях формирования сословности свидетельствуют пространственная организация погребений (отдельные могильники или участки), военная деятельность определенной группы, ее поголовная вооруженность, стандартизация инвентаря, в первую очередь оружия. Эти признаки, в общем, соответствуют среднесарматскому обществу.

Другое важное изменение – появление тамг. Тамги, трактуемые как символ клана, фиксируются в Восточной Европе с I в. до н. э. Тамги, видимо, изначально использовались влиятельными родами. Следует обратить внимание на так называемые царские тамги Боспора. Их появление связывают с сарматизацией Боспора и династическими связями правящей верхушки с сарматскими племенами (Шаров 2013).

Но уже в первых веках нашей эры тамги получили довольно широкое распространение. Их использование как социального маркера становятся актуальным в условиях более сложного общества. В дальнейшем тамги эволюционируют, приобретая новые функции. Перспективно рассмотрение тамг как маркеров социального и экономического развития. К. А. Акишев связывает эту традицию у усуней с развитием собственнических отношений: «Появление и использование процарапанных знаков на тулове сосудов, знаток-меток на ушах лошадей, тамг и таврение лошадей ... связано с развитием собственности: от родовой, общинной к частновладельческой» (Акишев 1998: 66).

Весьма сложную систему взаимоотношений можно предполагать для кочевого мира. Археологические материалы позволяют выделять доминирующие и зависимые группы номадов. Так, мы можем реконструировать неравноправные отношения по сосуществованию памятников двух культурных групп, одна из которых богаче. В. П. Глебов приводит подобные примеры для памятников раннесарматской и среднесарматской культуры в Подонье I в. н. э., предполагая отношения зависимости (аналогично монгольскому институту унаган-богол) (Глебов 2006: 60-61). Также следует обратить внимание на районы концентрации погребений без ярко выраженных элитных погребений как возможную периферию кочевнических политий.

Таким образом, на рубеже эр и в I в. н. э. происходят резкие изменения, вызванные миграциями с Востока (и приведшие на местной почве к формированию среднесарматской культуры). Важнейшим фактором, оказавшим влияние на степной мир, оказалась новая модель взаимодействия с оседлым миром, что привело к трансформации социальных и политических структур и дало мощный импульс к развитию общества номадов в рамках экзополитарных отношений.

Таким образом, в I в. н. э. формируется новая модель отношений сарматов и оседлого мира – модель, которая опиралась на военную силу, и, может быть, использовала практику переселений отдельных групп оседлого населения. Мигранты из Средней Азии, видимо, принесли эту модель с собой. При ее реализации им помогла опора на катафрактарную конницу и авторитет знатных родов (чья слава шла, видимо, впереди них – об их влиянии говорят тамги, известные в Средней Азии). Заимствованные модели воспроизводились не очень точно. Интересно замечание С. А. Яценко: «Есть основания думать, что номады, оказавшиеся в Сарматии, на своих центральноазиатских прародинах обитали на северной (северо-западной) периферии местных «кочевых империй» (то есть не в зонах концентрации власти и основных экономических ресурсов) и

потому могли (или имели право) заимствовать их социальные модели лишь фрагментарно» (Яценко 2014: 196).

В чем причины упадка нижнедонских аланов? Почему их господство оказалось таким кратким? Есть основания полагать, что та затратная – в плане ресурсов и людей – модель экономики, привела к истощению. Prestижная экономика в принципе затратна. Значительные объемы добычи в буквальном смысле уходили в землю, составляя погребальный инвентарь для могил знати.

Другое обстоятельство – это истощение в постоянных войнах человеческих ресурсов. Так, по смене тамг в нижнедонских комплексах мы можем проследить смену господствующих кланов (см. Яценко 2001). С другой стороны, соседи аланов приспособились к их набегам, и смогли дать им отпор. Важно заметить, что аланов было не так много по сравнению с сарматским массивом, и они нередко терпели поражение, что отмечено в источниках.

И еще одно обстоятельство – аридизация климата – не могла не повлиять на ситуацию в регионе, и стала одним из факторов крушения среднесарматской культуры на Нижнем Дону. Истощение пастбищ не могло не ослабить номадов.

В результате довольно сложная политическая система рухнула, и ей на смену пришло население позднесарматской культуры, отличающееся, как будет показано ниже, более слабой политической властью. Может быть, свою роль сыграл тот факт, что позднесарматская культура сформировалась в более засушливых областях, и их социум был лучше приспособлен к новым климатическим условиям.

§ 3. Сарматы позднесарматской эпохи Нижнего Подонья

Под позднесарматской культурой понимаются оба этапа в развитии археологической культуры номадов Подонья, Поволжья и Приуралья во II-IV вв., в настоящее время надежно определенных исследователями. Первый этап наступил в середине II в. в связи с приходом из Приуралья мощной орды кочевников, изменивших ход политической истории региона и вслед за этим давших начало новой сарматской культуре. Второй этап связывают с приходом из Предкавказья в середине III в. ираноязычных номадов.

Важнейшая черта, на которую обращают внимание все исследователи – подчеркнуто военный характер позднесарматской культуры. Выделяется целая серия всаднических погребений, в которой фиксируются длинные мечи без металлического навершия; кинжалы в ножнах «ирано-алтайского типа» (т.е. с двумя парами боковых лопастей); богатая конская узда; длинные оселки; ногойки; чаще встречаются большие луки с костяными накладками и большие наконечники стрел.

Именно среди этих комплексов встречаются и наиболее богатые – с бронзовыми и стеклянными сосудами, золотыми и серебряными пряжками. Но, судя по погребениям, идея богатства была не столь важной как идея причастности войне. Для вооруженных всадников она была центральной. Погребения могут быть богаче или беднее, но обязательно содержат мечи, оселки, элементы конской сбруи.

Характерным признаком могильников позднесарматского времени является традиция хоронить в курганных некрополях преимущественно мужчин (Балабанова 2000: 206). Демографические показатели поздних сарматов отличаются от средних и особенно ранних сарматов. Соотношение по полу составляет коэффициент 2,7 для нижневолжской серии и 2,0 для нижнедонской, т.е. количество мужских погребений значительно превышает количество женских. Большая редкость – детские погребения, в нижневолжской и

нижнедонской группам – 2,9% и 9,8% от общего количества соответственно (Балабанова 2003: 67).

Таким образом, если погребения раннесарматских могильников в целом соответствуют демографической структуре социума номадов (около половины погребенных – дети), то уже в среднесарматском социуме мы видим искаженные пропорции – погребений детей довольно мало – около четверти от всех погребенных, или еще меньше. Позднесарматская культура – это не полный срез общества, поскольку представить общество с таким соотношением довольно трудно. Нам неизвестны погребения части женщин и преобладающего большинства детей, или же общество поздних сарматов – это высокоспециализированная орда, а не обычная человеческая популяция. Но на этот вопрос ответить трудно.

В среде поздних сарматов практиковался интересный обычай – искусственная деформация черепа, который был, видимо, социальным маркером и выполнял престижно-знаковую функцию. Около 70% черепов поздних сарматов Нижнего Поволжья имеют следы деформации. На Нижнем Дону этот показатель – менее 60% черепов (Балабанова 2003: 70).

Наличие группы с большим количеством травм (прослеживаемых на 70% мужских костяков) и следами чрезвычайных физических и психо-эмоциональных нагрузок говорит о воинственном образе жизни. Примечательно, что травмы чаще фиксируются на мужских костяках с деформированными черепами (Балабанова 2003: 71). К 30-40 годам, по данным антропологии, у населения позднесарматской культуры формировался комплекс «хронической усталости».

Особая воинская культура, как указывает С.И. Безуглов, была едина на пространстве от Урала до Дона. Подобные комплексы встречаются на Среднем Дунае и Северном Причерноморье (Безуглов 1997). Называют эту группу памятников «всаднической». Позднесарматское время – это «время расцвета

дружинной культуры» (Безуглов 1997: 180), когда, по мнению С.И. Безуглова, наблюдаются «стандартизация воинской экипировки на огромной территории, развитая иерархия, хорошо фиксируемая составом погребальных комплексов» (Безуглов 2000: 180-181), и это позволило исследователю прийти к выводу о высокой степени единства позднесарматской воинской элиты.

Стандартизация вооружения может быть объяснена иначе – например, унификацией производства и изготовлением оружия и военной экипировки в нескольких близких центрах. Но, в любом случае, мы видим в поздних сарматах специализированный военный социум. Общество поздних сарматов ориентировалось на войну и экзоплуатацию.

Война у поздних сарматов играет большую роль, чем у средних сарматов, является, судя по травмам, элементом повседневности (Балабанова 2014). Но комплексы в позднесарматский период заметно беднее, чем в среднесарматскую эпоху. Они проигрывают в сравнении с элитными комплексами среднесарматского времени, в них нет того обилия роскошных вещей, какие встречаются в богатейших комплексах I-II вв. н. э., и погребальный обряд проще. Импорт в них не так много, что говорит о том, что позднесарматская культура сформирована племенами, которые обитали далеко от цивилизации и ремесленных центров. Видимо, поздние сарматы имели меньшее политическое влияние. В поздних сарматах следует пока видеть несколько военизированных кочевых группировок, объединенных происхождением и культурой, но выстраивающих каждая по-своему свою систему взаимодействия с оседлой периферией и подчиненными им племенами номадов.

С другой стороны, позднесарматские комплексы являются, как правило, основными погребениями в кургане, практически во всех встречается оружие, в целом они выглядят довольно однородной группой.

Позднесарматская эпоха, особенно II-III вв. – время, очень плохо известное по письменным источникам. Так, исследователи спорят об этнониме

поздних сарматов. С.А. Яценко считает, что это – аланы, вторая волна аланов в Европу после средних сарматов (Яценко 2011: 201). Главный его аргумент заключается в том, что упоминание центра аланов у аль-Хваризми в Приуралье может относиться только к поздним сарматам, поскольку, как известно, именно в Приуралье позднесарматская культура сформировалась и получила свой классический облик. После разгрома донской орды поздних сарматов в середине III в. н. э. традиция позднесарматской культуры была продолжена в Приуралье, в отличие от Подонья и Поволжья. Далеко не все согласны с аргументами С.А. Яценко и обращают внимание на нехватку данных письменных источников (Малашев, Мошкова 2010: 51-52).

Однако, независимо от этнокультурной принадлежности поздних сарматов, ясно, что это иранцы, а также то, что общество носителей позднесарматской культуры отличается от носителей среднесарматской культуры. Археологические данные позволяют нам в общих чертах представить облик поздних сарматов и их важнейшие черты. Сопоставление разных культур, выявление общих черт и отличий представляется важным методическим приемом для определения сущностных характеристик сарматского общества и его элиты.

В довольно однородной группе воинских погребений можно выделить элитарные группы. Их отличия – в изолированном характере таких погребений в некрополе; значительном объеме трудозатрат; большом количестве инвентаря; статусных и дорогих деталях инвентаря. Это в первую очередь элементы конской сбруи, в том числе фалары, выполненные в особом стиле, серебряные и золотые пряжки. На значение фаларов как маркера высокого социального статуса указывает С.И. Безуглов: «исключительная редкость комплекта фаларов ... позволяют видеть в них важнейшее средство социального самовыражения, подчеркивающее социальный статус погребенного» (Безуглов 1988: 112).

Внешние связи поздних сарматов можно выявить по данным

погребального инвентаря. Импорты, привозная керамика указывают нам на контакты с Боспором (северопонтийской цивилизацией по определению С.И. Безуглова), римскими провинциями, меотскими городищами, Предкавказьем. Даже для обществ Приуралья до середины III в. н. э. западное направление является приоритетным. Так, сероглиняная посуда из Предкавказья фиксируется не только в Подонье, но и в Приуралье (до середины III в. н. э.).

Для понимания феномена поздних сарматов интересно сопоставить археологические памятники II-III вв. с памятниками соколовского типа, датируемых приблизительно концом VII – началом IX вв. н. э. Они оставлены элитой Хазарского каганата, и ряд исследователей считает возможным связывать их с хазарами. Эта группа довольно однородна, отличается следующими признаками, сближающими их с позднесарматскими комплексами: сооружение подкурганных ровиков, преобладание основных погребений, всеобщая вооруженность, довольно стандартный набор вооружения (Иванов 1999). Военственный образ жизни реконструируется, в том числе, и по антропологическим данным (высокий уровень травматизма, «морфологический комплекс остеологических признаков постоянных всадников»). Демографическая структура по курганным могильникам аналогична поздним сарматам – так же фиксируется преобладание мужчин и отсутствие детских погребений.

В богатых памятниках соколовского типа содержатся предметы, обладающие высоким социальным престижем: роскошные пояса, перстни, серьги, драгоценная металлическая посуда, дорогие ткани, византийские золотые монеты. Богатые курганы отличаются от рядовых погребений размерами насыпи (высота до 1,5 м) и площадью, ограничиваемой ровиком. Стоит отметить, что разница между богатыми и рядовыми погребениями не носит принципиального характера. Рядовые погребения отличаются только более скудным инвентарём и меньшими размерами. Престижные предметы в

богатых комплексах соседствуют с простыми бытовыми вещами (лепная посуда, железные орудия труда). Это свидетельствует о том, что культура знати ещё не превратилась в самостоятельное явление. Военские традиции, поголовное вооружение населения, оставившего памятники соколовского типа, отсутствие погребений с подчёркнуто низким статусом говорят о достаточно однородном обществе.

Указанное сходство между этими группами носит скорее типологический, нежели генетический характер. Ключевое различие между ними заключается в принадлежности двум разным мирам – иранскому и тюркскому. Следует также обратить внимание на то, что большая часть погребенных раннесредневековой группы – монголоиды. Пример с памятниками соколовского типа важен, поскольку показывает нам, как в том же самом регионе через шестьсот лет после поздних сарматов возникает схожее явление, которое может быть отражением аналогичных эволюционных процессов.

Как мне представляется, сходные признаки двух разных археологических культур порождены одним этапом в политической эволюции кочевников, когда реализуется активная и весьма агрессивная внешняя политика, среди способов экзоплуатации преобладают военные, а с оседлой зависимой периферией еще не установлены надежные связи.

Не случайно, что одновременно с исчезновением памятников соколовского типа в IX в. у хазар начинается новая эпоха – расцвет городищ и подъем зависимого от них оседлого мира, в то время как поздние сарматы эволюционировать не успели – они были сметены новой волной соперников из Предкавказья.

Итак, позднесарматский социум был обществом, весьма приспособленным к войне. Степень централизации и количество политий у сарматов – вопрос открытый. Если для средних сарматов вполне допустимо говорить о кочевой империи, то материалы позднего времени не показывают

нам такого стратифицированного общества. Военная эффективность номадов, как и единство их воинской культуры – еще не свидетельства политического единства. Военные таланты поздних сарматов находили себе применение в самых разных политических обстоятельствах.

Подчеркнуто военный характер позднесарматской культуры говорит нам о постоянном участии сарматов в военных действиях. В отличие от элиты среднесарматского времени, им приходилось постоянно отстаивать свои позиции. Военизированность всаднической группы позднесарматской культуры и постоянные конфликты, свидетельство которых – большое количество травм, зафиксированное антропологами, как это ни парадоксально, говорят о политической слабости. В отличие от элиты среднесарматского времени, им приходилось постоянно завоевывать себе место под солнцем. Тезис о слабости поздних сарматов, выдвинутый мною, можно подтвердить высоким уровнем повседневного насилия, что подтверждается данными биологических антропологов.

Конечно, насилие играло значительную роль в жизни номадов. Оно было важнейшим элементом повседневности. Реалии пастушеского быта, ведение частых войн, регулярные набеги неизбежно приводили к силовым действиям. В этом плане сарматы представляют собой образ типичных номадов, чья культура была ориентирована на войну. Об их воинственности говорят многие античные авторы. Характерны слова Луция Аннея Флора: «(у сарматов) такое варварство, что даже нет понятия о мире» (Flor. Ep. II, XXIX). Но позднесарматское общество выбивается из общего ряда. Как известно, сильная политическая власть не любит лишнего насилия и стремится поддерживать свой порядок.

На мой взгляд, потребность в регулярных войнах и набегах объясняется отсутствием налаженной системы политических связей и устойчивых экзополитарных отношений. Поэтому в позднесарматское время предполагается меньшая политическая стабильность в регионе, и, соответственно, можно

гипотетически предположить большую степень самостоятельности оседлых центров. Однако осторожное предположение о меньшем политическом влиянии элиты позднесарматской культуры на оседлый мир (по сравнению со среднесарматской эпохой), конечно же, нуждается в критическом осмыслении и новых аргументах.

Второй этап позднесарматской культуры обозначен миграцией из Предкавказья носителей иной культурной традиции, маркером которой выступают Т-образные катакомбы. В настоящий момент В.Ю. Малашевым предложено исключить древности III-IV вв. из сарматской археологической культуры в связи с очевидной их связью с культурой алан в Предкавказье (Малашев 2009). Но, как уже говорилось, археологическая культура – это инструментальное понятие, и вопрос о включении этой группы памятников в сарматские, а не аланские древности – это вопрос договоренностей.

Именно к этой группе, я полагаю, относится прекрасный экскурс Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXXI, 2, 17-25). Во-первых, Аммиан Марцелин черпал информацию о гуннском нашествии 370-х гг. (а именно в этой части текста помещена информация об аланах-танаитах) от современников. Во-вторых, реалии, описываемые им (слабая политическая власть, редкое расселение аланов) вполне подходят для описания донских степей в III-IV вв.: «О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» (Amm. Marc. XXXI, 2, 25).

Пришедшие номады из Предкавказья разгромили меотские поселения, погиб в пожаре Танаис. В результате центры оседлости на Дону пришли в упадок. И хоть Танаис в IV в. возродился, он уже не был похож на город II-III вв. Впервые за четверть тысячелетия Подонье становится периферийной зоной. Аспекты взаимодействия сарматов с оседлыми обществами будут рассмотрены в следующей главе.

Глава IV. Седентаризация сарматов в Нижнем Подонье (на примере сарматов в Танаисе)

§ 1. Донские меоты и сарматы: проблемы взаимодействия

Для Нижнего Подонья и Приазовья в первые века нашей эры мы наблюдаем сосуществование и взаимодействие трех миров – меотов⁴, сарматов, античного мира в лице Боспора (хотя Боспор включал в себя как важную составную часть оседлое варварское население). Кочевники противостояли представителям оседлого мира, и модели взаимодействия сарматов с оседлыми соседями были схожи: военные контакты, политические союзы, стремление к установлению отношений экзоплуатации. Только Боспор был в большей степени независим от номадов – благодаря ряду факторов, среди которых надо в первую очередь упомянуть Римскую империю. Также поселения меотов оказались более «прозрачными» для воздействия сарматов, которые проникают на их территорию намного активнее, чем в античные города.

Ухудшающаяся политическая ситуация для Боспора в первые века нашей эры приводит к необходимости более интенсивного диалога с сарматским миром, который проявляется в переселении сарматов на территорию Боспора, и активном включении их во внутреннюю жизнь царства.

Археологическая картина весьма любопытна. Помимо курганных

---

⁴ Их по традиции называют «меотскими», однако у нас практически нет ни одного письменного источника, сообщавшего бы нам об этнической принадлежности их населения. Единственное сообщение, которое мы можем как-то отнести к этому населению – это информация Страбона: «Все азиатские меоты были подвластны частью владельцам торгового центра на Танаисе, частью же – боспоранам» (Страбон, XI, 2, 11). Население донских поселений называют меотами, исходя из данных археологии и близости культуры к культуре меотов Прикубанья.

могильников сарматов, мы видим два центра оседлости – Танаис и поселения меотов. Материалы поселений и их некрополи дают богатую пищу для размышлений, тем более что жизнь как меотских поселений, так и Танаиса подвергалась различным испытаниям. Так, к настоящему времени для Танаиса более или менее достоверно известны три значимых события, нарушавших устоявшееся течение городской жизни с момента его образования в первой половине III в. до н.э. до III в. н.э.:

1. Разгром Танаиса на рубеже эр «за неповиновение» боспорским царем Полемоном (Strabo Geogr. XI. II. 3) и дальнейшее восстановление его, с возможной полной или частичной сменой населения, как в самом городе, так и на территории его ближней округи.

2. Разрушения в середине II в. н.э. в ходе экспансии со стороны степи, после которого наблюдается значительное включение варварского (сарматского) элемента в состав городского населения.

3. Разрушения в середине III в. н.э., приведшие к почти столетнему перерыву в существовании этого крупного нижнедонского поселения.

Динамика появления и прекращения существования нижнедонских меотских городищ:

Крепостное – конец I в. до н. э. – II в. н.э.;

Подазовское – I – II вв. н.э.;

Кобяково – I – III вв. н.э.;

Темерницкое – I – III вв. н.э.;

Нижнегниловское – I – III вв. н.э.

Эти поселения были экономическими центрами региона. Особенно этот тезис справедлив для Танаиса, бывшего крупным торговым и ремесленным центром. Но масштабы и размах меотских поселений тоже говорят об их большом экономическом значении.

Существует взгляд на них как на хору Танаиса. Однако это мнение можно

оспорить. Конечно, их теснейшие экономические связи – это бесспорный факт (Шелов 1972: 189). Однако неясно, в какой степени меотские поселения зависели от Танаиса и Боспора. Ведь рядом находились сильные группировки сарматов. С.А. Яценко выдвинул предположение о существовании системы двойного подчинения меотов Нижнего Подонья в среднесарматское время – Боспору и сарматам (Яценко 2009: 297). На мой взгляд, возможен и другой вариант, при котором каждое городище имело свою систему отношений с разными группировками номадов и с Боспором. Интересны находки кладов золотых монет на правобережных городищах донских меотов (Безуглов 2001: 86), которые говорят о серьезном политическом значении меотских городищ и их определенной самостоятельности. С этой точки зрения взгляд на меотские поселения Нижнего Дона как на хору Танаиса неоправдан – они отличались культурно, и, видимо, были вписаны в иной политический и экономический контекст, нежели Танаис.

В сравнении с оседлыми центрами, роль сарматов в экономическом производстве была скромнее. Нельзя сказать, что сарматы находились на обочине экономической жизни Нижнего Дона. Они выступали активными участниками этого процесса, заказчиками продукции, поставщиками скота и рабов. Но их роль в экономическом производстве не столь велика. С точки зрения экономики кочевой мир – все же периферия по сравнению с античными и варварскими центрами оседлости.

При анализе политической ситуации в степной зоне и Нижнем Подонье соотношение между оседлыми центрами и номадами представляется принципиально иным. В связи со слабостью и недостаточностью экономической базы номады, опираясь на свой военный потенциал, искали ресурсы для развития во внешнем мире, как среди кочевников, так и оседлого населения. Политический и военный потенциал сарматов был весьма велик, особенно если учесть возможность мобилизации всего степного мира. Их не

могли игнорировать не только Боспор, но и Рим. Сарматы были одним из важных центров силы в степной зоне Восточной Европы. Археологически меотские поселения выглядят намного представительнее, чем сарматские курганные некрополи, но, судя по всему, зависели от сарматов. В этом известный парадокс археологических источников – номады, не оставившие практически ничего, кроме курганов, были самой грозной силой в степи. И хотя оседлое население было довольно многочисленным, однако военный потенциал и мобилизационные возможности у сарматов были выше. Тем более что концентрация элитных комплексов на Нижнем Дону в первые века нашей эры позволяет прийти к выводу, что именно в этом регионе находился политический центр Сарматии и самые активные и сильные кланы (что подтверждается, например, анализом тамгового материала).

О подчинении оседлого населения номадам нам говорит Страбон: «Кочевники, правда, скорее воины, чем разбойники, все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен установленную плату, и то умеренную, не для обогащения, а только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни. Однако с теми, кто не уплачивает деньги, кочевники воюют» (Strabo Geogr. Книга VII. IV. 6).

Существует даже версия, что кочевники могли переселить меотов из Прикубанья на Нижний Дон (Раев 2008). Мнение о том, что меотов могли переселить под давлением Боспора, можно оспорить. Переселение меотов для Боспора нелогично, учитывая удаленность района заселения, а во-вторых, только укрепляло положение номадов Подонья за счет доступной и легко подчиняемой своей воле оседлой периферии. Меотские поселения в этой ситуации играли важную роль. Они были зависимы от номадов, но, находясь под крылом сильных родов, могли получать немалую выгоду от сельскохозяйственного производства и торговли.

Очевидным свидетельством зависимости являются погребения кочевой знати на могильниках оседлого населения или поблизости (курган 10 Кобяковского некрополя). Хуторские хозяйства Кобяковского поселения могли существовать в степной зоне, на отдалении от поселения только при мирных отношениях и подчинённом положении земледельцев (Глебов, Зоров 2001: 54).

Поэтому при описании политической ситуации в понятиях центр-периферия, центром являются сильные кочевые орды, а меоты выступают в качестве зависимой периферии. Рассматривая оседлую периферию сарматского мира, следует обратить внимание на важность поселений, ближайших к политическим центрам номадов. Для формирования устойчивой системы экзоэксплуатации требовалось оседлое население в регионе проживания кочевников. Оно могло обеспечить постоянный и массовый продукт, в отличие от перспективных в плане добычи, но нерегулярных и затяжных походов в дальние земли.

Боспор был в большей степени независим от номадов – благодаря ряду обстоятельств, среди которых надо в первую очередь упомянуть Римскую империю. Но Танаис – пограничный форпост Боспора – в прилагаемых обстоятельствах вынужден учитывать степной фактор. Тем более что две из трех катастроф сарматского времени связаны со степной угрозой.

Итак, в политическом пространстве Нижнего Подонья сарматы играли роль центра, в то время как меотские поселения были периферией, в то же время как Танаис был вынужден учитывать военную мощь номадов.

Такая ситуация сложилась далеко не сразу. В III-I вв. в Нижнем Подонье и Поволжье не находят обломков античной керамической тары (Шелов 1970: 178). Вывод, который из этого следует – Танаис не торговал со своим окружением, даже после появления ранних сарматов в регионе, т.е. во II-I вв. до н. э. Об этом свидетельствует отсутствие амфорной тары на Нижнем Дону (за редким исключением). Сведения Страбона, а также относительная бедность

ранних сарматов (если сравнивать их с элитными комплексами Нижнего Дона первых веков) говорят о весьма слабом взаимодействии оседлого мира и сарматов в это время.

К рубежу эр ситуация меняется. Номады и оседлый мир начинают активнее взаимодействовать. С одной стороны, сарматы, опираясь на военную силу и возросшую мощь, включались в политические и экономические контакты, с другой, появление меотских городищ в низовьях Дона и расцвет Боспора создали для этого благоприятные экономические условия. В среднесарматское время происходит изменение политики и активизация торговли. Интенсифицируются контакты с меотами Кубани – в сарматских комплексах с рубежа эр фиксируется значительное количество серолощенной кубанской керамики (Глебов 2002: 135). Важную роль играли новые городища в низовьях Дона. На рубеже эр (или конце I в. до н. э.) в дельте Дона, на левом берегу возникают Крепостное и Подазовское городища. Позже появляются и другие, но уже на правом берег, в том числе крупнейшие Темерницкое и Кобяково городища.

Боспор, начиная с I в. до н. э., эффективно усвоил принципы митридатизма – использование варваров-переселенцев для усиления своей экономической и военной мощи (Сапрыкин 2006: 238-240). Привлечение сарматов и прочих варваров предполагало их вовлечение в орбиту влияния Боспора. Но сарматы в этих отношениях были вполне самостоятельной силой, и силой неоднородной. В среднесарматское время на первый план выходят аланы. В позднесарматский период их сменяет новая волна кочевников, пришедших из Приуралья, но характер отношений между номадами и оседлым миром остается прежним.

В позднесарматскую эпоху проявилась новая тенденция. Во II-III вв. номады стали оседать, переселяясь в Танаис и на нижнедонские городища. Об активном включении сарматов в состав Танаиса и меотских поселений Подонья

свидетельствуют данные некрополей (Безуглов, Гугуев 1988: 25-26). На некрополях нижнедонских меотских городищ фиксируются участки курганных погребений сарматской культуры. В меотских городищах мы видим волну мигрантов, чей погребальный обряд фиксируется с середины II в. (Безуглов, Гугуев 1988; Гугуев 2008). В Нижне-Гниловском и Кобяковском городищах особенно значима новая традиция подбоев – под западную стенку могилы, и примечательно, что в таких погребениях встречаются костяки с деформированными черепами (Гугуев 2008: 132, 136).

Важна параллельность процессов сарматизации, происходящей в Танаисе и варварских городищах. Некоторые данные позволяют предположить, что сарматизация связана с деятельностью разных объединений. Сарматы, связанные с Танаисом, отличаются от сарматов, связанных с Кобяковским городищем. Важен вывод, к которому пришел С.А. Яценко – о том, что в Танаисе и Кобяково похоронены представители разных сармато-аланских групп. Интересно сопоставление С.А. Яценко материалов могильников Кобяково и Танаиса, а именно элементов костюма по погребальным комплексам. Наблюдаются различия в использовании фибул – в Танаисе популярны железные, в Кобяковом городище – латунные. Есть расхождения в расположении фибул на костюме. Для Кобяково характерно использование в женском костюме ряда из трех-четырёх фибул для застегивания вертикального разреза ворота платья. В Кобяково также нет бусинных браслетов на руках, а на ногах такие браслеты встречаются редко (Яценко 2006: 304-305. Прим. 31). Эти данные говорят о том, что, вероятно, каждое поселение имело свои особые отношения с разными сарматскими племенами. Выводы С.А. Яценко подтверждают данные антропологии – с Танаисом и Кобяковским городищем контактировали разные номады (Батиева 2007: 99).

Феномен переселения сарматов требует объяснения – до этого мы видим их присутствие на поселениях, но ни в Танаисе, ни на городищах не было

значительных групп сарматов. Долгое сосуществование не ведет к включению номадов в жизнь оседлого населения (как мы это видим на примере сосуществования сарматов и оседлых центров в Подонье во II в. до н. э. – середине II в. н. э.). Проникновение фиксируется, но носит эпизодический характер. Проблема здесь состоит в том, что сарматы, как номады, предпочитали кочевой образ жизни, и для седентаризации им требовались веские основания. Первой такой причиной могло стать военное поражение, и в состав нижнедонских поселений могли включаться остатки среднесарматского населения. Об этом говорят данные анализа костных останков населения Танаиса II-III вв. и меотских поселений (Батиева 2011: 89).

Однако эта причина не может считаться достаточной. Мы видим в погребальном обряде, инвентаре, традиции деформации черепов черты позднесарматской культуры. Не все они могут быть объяснены влиянием моды. Часть позднесарматского населения все же проживала и в Танаисе, и на меотских поселениях.

Есть важное отличие позднесарматской эпохи от среднесарматской – во II-III вв. засвидетельствована аридизация в волго-донских степях, и вследствие этого – ухудшение условий кочевания (Дёмкин 2012: 163, 166, рис. 45). Для позднесарматского времени мы видим уменьшение количества погребений. С этими данными вполне согласуется сообщение Аммиана Марцеллина об аланах: «они кочуют, как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии» (Amm. Marc. XXXI, 2, 17). Поэтому вторая возможная причина седентаризации – засушливость климата, которая могла сделать неизбежным оседание уже поздних сарматов. Более стабильная экономика оседлого населения в каких-то ситуациях вынуждала к оседлому образу жизни как минимум обедневшую часть номадов.

Конец этой системы, где сарматские группировки выполняли роль политического центра, опираясь на экономический потенциал меотских

поселений, связан с приходом кочевников из Предкавказья в Подонье примерно в середине III в. н. э. Именно с их миграцией С.А. Яценко убедительно связывает гибель Танаиса и меотских поселений Нижнего Дона (Яценко 1997). Второй этап позднесарматской культуры (середина III – вторая половина IV вв. н.э.) привел к большим переменам в политической системе степной зоны Европы. Произошло существенное переформатирование системы отношений иранских кочевников с оседлым миром. Выходцы из Предкавказья, видимо, ориентировались на оседлое население Предкавказья. Прекращение деятельности Танаиса и меотских городищ низовий Дона связано с тем обстоятельством, что новые владельцы Подонья не нуждались в них, поскольку у них была уже своя оседлая периферия. Нижнедонские степи утратили статус ключевого политического центра Сарматии.

§ 2. Сарматизация Танаиса

Ключевым термином при анализе взаимодействий эллинов и сарматов на Боспоре в римское время является концепт сарматизации, которому посвящено значительное количество исследований. Первым проблему сарматизации Боспора исследовал М.И. Ростовцев (Ростовцев 1918). В.Ф. Гайдукевич, В.Д. Блаватский и другие исследователи продолжили изучение Боспора римского времени в этом ключе (Гайдукевич 1949; Блаватский 1964). «Варваризация» или «сарматизация» Боспора, как принято было считать, затронула практически все стороны духовной и материальной культуры. Наибольшее значение сарматизации придавал Ю.М. Десятчиков. Анализируя определенные факты религиозной, этнической, политической и военной истории Боспора, авторы использовали понятие «сарматизация» как объяснение важных изменений в жизни Боспора в первые века нашей эры. Не могли не оказывать на них влияние и успехи в изучении сарматов, что привело к явному преувеличению значения сарматов в истории Боспора.

Переоценка роли сарматов произошла в 1980-1990-е гг. Концепция сарматизации Боспора подвергалась критике (Масленников 1990: 219). Было доказано, что воздействие сарматов было не столь тотально, и на Боспоре в позднеантичную эпоху протекали процессы варваризации армии, населения, вкусов и моды, как во всех уголках Римской Империи. А.А. Масленников приходит к выводу, что до II в. н. э. нет данных о массовом проникновении сарматов на Боспор (Масленников 1990, 43). Вообще, термин «сарматы», «сарматский», «сарматизация» зажили собственной жизнью и несколько оторвались от реалий.

Но, несмотря на весьма критическое осмысление идеи сарматизации, в настоящий момент исследователи признают, что во второй половине II в. н.э. в Танаисе происходят существенные перемены, связанные с проникновением сарматского населения.

Танаис как город на границе между античной ойкуменой и миром ираноязычных кочевников представляет собой очень интересное явление. Изначально теснейшим образом связанный с варварским миром Приазовья, он заметно отличался от боспорских городов. Возвышающийся на высоком правом берегу в устье Дона-Танаиса, город являлся самым дальним северо-восточным форпостом античной цивилизации. Он был создан в III в. до н. э. и оставался до середины III в. н. э. главным античным центром Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. Материальная культура и погребальный обряд населения Танаиса несли следы влияния варварского окружения.

Танаис, по сравнению с другими античными центрами Причерноморья-Приазовья, хорошо исследован. В отличие от других античных городов Причерноморья, после разрушений античного времени он не застраивался до XIX-XX вв., и его городище и некрополь неплохо сохранились (учитывая, конечно, выборку камня местными жителями в XIX-XX вв. и ограбления значительной части некрополя от древности до настоящего времени). Это первый памятник, на котором в регионе начались систематические раскопки (экспедиция П.М. Леонтьева в 1853 г.). С 1955 г. памятник разрабатывается Нижне-Донской археологической экспедицией АН СССР (потом РАН). К настоящему времени исследована значительная часть городища, а некрополь Танаиса относится к числу наиболее изученных в Причерноморье и Приазовье.

Тот факт, что в Танаисе известно большое количество закрытых комплексов, и найдено значительное количество хорошо датированных предметов, играет большую роль для хронологии степных древностей не только Подонья, но и более обширных территорий.

К настоящему времени более или менее достоверно известны четыре значимых события, нарушавших устоявшееся течение городской жизни с момента его образования в первой половине III в. до н.э.:

1. Разгром Танаиса на рубеже эр «за неповиновение» боспорским царем

Полемоном (Strabo Geogr. XI. II. 3) и дальнейшее восстановление его, с возможной полной или частичной сменой населения, как в самом городе, так и на территории его ближней округи.

2. Разрушения в середине II в. н.э. в ходе экспансии со стороны степи, после которого наблюдается значительное включение варварского (сарматского) элемента в состав городского населения (Шелов 1974: 80-93).

3. Разрушения в середине III в. н.э., приведшие к почти столетнему перерыву в существовании этого крупного нижнедонского поселения.

4. Прекращение существования города в середине-второй половине V в. н.э.

Горизонты катастроф фиксируются в культурном слое и позволяют надежно определить находки на городище. Также многие предметы могут быть датированы – монеты, надписи, импортная керамика, клейма, фибулы. Таким образом, комплексы из Танаиса становятся эталоном для датировки комплексов степной зоны.

В середине II в. Танаис переживает крупное потрясение. В Танаисе обнаружены следы разрушений, которые соотносятся исследователями с миграцией новой волны кочевников с востока, приведшей к появлению позднесарматской культуры. Период разрушений датируется С.И. Безугловым по монетам из закрытых комплексов городища с конца 30-х до начала 70-х гг. II в. н. э. Реально этот промежуток мог быть значительно меньше – примерно около середины II в. или несколько раньше (Безуглов 2001: 110). Своеобразный след этого разрушения – кучи мусора, оставшиеся после расчистки города. Самая впечатляющая из этих куч – холм, расположенный к югу от городища и разрезанный железной дорогой в 1860-е гг.

Столетний период – с середины II до середины III вв. н.э. – эта отдельная эпоха в длительной истории Танаиса. Его вехами являются, с одной стороны, зафиксированный на Недвиговском городище горизонт разрушений и

перестроек середины II в. н.э., а с другой – разрушение и запустение Танаиса в середине III в. н.э. (ок. 250-251 гг. н.э.). Это период, лучше всего известный археологически, и может по обилию находок и закрытых комплексов сопоставляться только с поздним Танаисом IV-V вв.

В этот период в город проникает варварское население, которое обыкновенно называют сарматами. Варваризация/сарматизация Танаиса – очень яркая страница его истории, известная по нескольким источникам – археологическим, эпиграфическим, ономастике, биологической антропологии.

Как уже говорилось, у номадов существует жизненная потребность в контактах с земледельцами, торговцами, ремесленниками – потребность, которая заставляла торговать, нападать, облагать данью, угрожать и вымогать подарки. И жители Танаиса учитывали эту потребность, торгуя, договариваясь, поддаваясь очевидному культурному влиянию. Однако переселение кочевников в города было редкостью. Весьма существенно, что эти два мира – античный греко-римский и кочевой иранский – сосуществуют рядом, взаимодействуют, но не смешиваются. Присутствие варварского элемента в Танаисе до II в. н. э. ощущается, но не является массовым в любом случае. Внимания заслуживает Танаис II – III вв. н. э. Появление сарматов в Танаисе в этот период – редкий случай переселения кочевников в город.

Проникновение сарматов в город лучше всего прослеживается по **некрополю Танаиса**. В качестве свидетельства сарматизации Танаиса, новаций в материальной культуре и погребальном обряде приводятся следующие критерии:

Курганный могильник возле Танаиса с погребениями, ориентированными в северный сектор;

Подбой с камерой, выведенной под западную стенку;

Подкурганные ровики с перемычкой в южной части;

Северноориентированные погребения в грунтовом некрополе Танаиса;

Лепные курильницы и оселки в погребениях;

Сохранившиеся в погребальных комплексах элементы костюма с характерными сарматскими чертами – использовании красной обуви, высоких сапог, бус и бисера и обшивание ими полога, нагрудников, рукавов одежды и обуви, остатки платья, особенности декора и т.п. (Яценко 2006: 133-168);

Традиция деформации черепа;

Сероглиняная керамика из центрального Предкавказья.

Многие критерии, используемые для иллюстрации сарматизации Танаиса, не могут быть связаны исключительно с сарматским миром (подбой, долбленные гробы-колоды, грунтовые ямы с заплечиками, южная и юго-восточная ориентировка погребений и т.п.). Так, северная ориентировка известна не только у сарматов, но и на Боспоре. Тип погребального сооружения – катакомба, подбой, яма с заплечиками – также может быть соотнесен как с боспорской, так и сарматской традицией. Однако резкое увеличение количества погребений с подбоем и заплечиками именно с середины II в. позволяет видеть в этом сарматское влияние. Конская сбруя, остатки седла, удила, детали ременных гарнитур, длинные мечи, ногайки, наконечники стрел для так называемых гуннских луков тоже связаны, скорее всего, с сарматской миграцией, хотя можно трактовать их как заимствованный у сарматов комплекс снаряжения и вооружения всадника.

Обособленное положение иранцев отражено в планиграфии некрополя – высокая концентрация подкурганых погребений с сарматскими чертами наблюдается к северо-востоку от основного четырехугольника Танаиса. Если исходить из лекального критерия миграции по Л.С. Клейну, т. е. переноса комплекса признаков на новое место, то он вполне соблюдается с учётом миграционных трансформаций культуры.

Данные биологической антропологии позволяют существенно дополнить картину, формируемую на базе археологических источников. Одним из

признаков сарматского присутствия в нижнедонских городищах (в Танаисе и на меотских поселениях) считается искусственная деформация черепа, обнаруженная у некоторых погребенных в некрополе Танаиса (Батиева 2006: 57-61). Традиция деформации черепов, которая пришла с мигрантами во II в. н. э., убедительно свидетельствует о включении в состав населения Танаиса степняков. Если в степной зоне этот обычай стал очень популярен, превратившись, видимо, в значимый социальный маркер, то для античного населения обычаи кочевников были чужими. Вполне возможно, что часть местного населения могла перейти к этой традиции, но только в случае миксации и сильного влияния выходцев из кочевой среды.

В пользу сарматской миграции говорят и данные обследования краниологического материала. В некрополе зафиксирован антропологический тип, напрямую связанный со степным населением (Батиева 2011: 83.).

На **городище** сложнее найти следы иранцев. При оседании материальная культура сарматов менялась самым радикальным образом. И если погребальный обряд консервативнее и хранит в себе этническую традицию, то античный город ее тщательно перерабатывал.

Для выявления комплексов сарматов следует использовать в первую очередь тамги. Помимо них, надо обратить внимание на наличие кавказской керамики. Кавказская сероглиняная керамика (происходящая с раннеаланских памятников Центрального Предкавказья) встречается практически во всех помещениях на момент гибели Танаиса в середине III в. н.э. (Гугуев, Ильяшенко, Казакова 2007: 434). Ее появление связано с волной переселенцев II в. н. э. Соотношение местной, т. н. меотской керамики к кавказской Ю.К. Гугуев определяет как 1 к 2, 1 к 4, и это связано с культурными предпочтениями и экономическими связями переселенцев. Конечно, такая керамика могла быть и греков. Поэтому внимание нужно обратить на те комплексы, где есть оружие (как будет показано в 3 параграфе этой главы, сарматы были связаны с военной

деятельностью), тамги, сарматские курильницы.

Курильницы найдены в городских помещениях, погибших в катастрофе начала 50-х гг. III в. н.э. (Арсеньева 1977: 88, рис. 4; Гугуев, Ильяшенко, Казакова 2007: 435, 443, рис. 12; Арсенъева 1983: 103, 106; Арсенъева, Науменко 1992: 64, рис. 85, 6, с. 97, рис. 75, 3).

Можно выделить дома, принадлежащие иранцам. Так, усадьба 2 раскопа IV Танаиса принадлежала выходцу из степей (Гугуев, Ильяшенко, Казакова 2007). Об этом говорит иранское имя владельца усадьбы, известное по дипинти на амфорах. Интересно сохранение старых связей и предпочтений жителей усадьбы, поскольку в поместье встречена кавказская керамика.

Отдельно стоит остановиться на **тамгах из Танаиса**. Появление тамг в Танаисе говорит нам о контактах с номадами и проникновении сарматов в город. Во II в. н. э. после погрома, который устроили мигранты – носители позднесарматской культуры, в Танаис вливается волна переселенцев. Следы иранского влияния мы видим в погребальном обряде, именах жителей города, распространении новых традиций, чуждых грекам, изменении религиозной ситуации. Распространение тамг в городе связано, видимо, с этой волной, хотя есть тамги и в подвале I в. н. э. Тамги в Танаисе встречаются преимущественно в комплексах II-III вв. Также тамги встречаются в позднеантичном Танаисе – в слоях IV-V вв.

Использование тамг однозначно говорит о присутствии сарматов в Танаисе. Традиция тамгопользования была абсолютно чуждой греческому населению Боспора. В настоящий момент известно около 180 знаков в Танаисе и его округе. Среди находок тамг преобладают изображения на плитах – т. н. «энциклопедиях тамг» (рис. 2.3; рис. 3 Приложения). Тамги встречаются на глиняных сосудах (Ильяшенко 2007: 38; Яценко 2001: Рис. 6, 28), бронзовой обкладке деревянных сосудов (Яценко 2001: Рис. 6, 23), серебряном канфаре (Яценко 2001: Рис. 7, 26,27), свинцовых гириях (Яценко 2001: Рис. 6, 35),

бронзовых зеркалах (Яценко 2001: Рис. 6, 27), оберегах (свиные челюсти с прочерченными тамгами – Рис. 2.1 Приложения), конской упряжи (рис. 2.2 Приложения), ткацких грузиках и пр.

По мнению С.А. Яценко помещение на плиты нескольких (иногда десятков) тамг свидетельствует о проведении общественных акций, политических мероприятий (заключение союза, переговоры и т.п.). В этих акциях могли участвовать и сарматы из степной зоны, обладающие значительной военной и политической мощью. Поэтому тамги позднесарматского круга на плитах не обязательно говорят об этнокультурном составе населения Танаиса, но могут быть свидетельством политических и культурных контактов с позднесарматскими племенами. Переговоры предполагают несколько сторон, и одной из этих сторон являются степные племена, другой, вероятно, представители города (и, наверняка, Боспора). Поэтому знаки на плитах могут относиться как городскому, так и степному населению.

Тамги можно разделить на три группы: знаки городского населения, сарматов по происхождению; «знаки союзников», т.е. тех групп номадов, которые участвовали в составлении «энциклопедий тамг»; так называемые царские тамги – знаки боспорских царей. Тамги на отдельных предметах с городища и некрополя Танаиса дают более адекватное представление о культуре и происхождении сарматской общины города, нежели «энциклопедии», поскольку их принадлежность его жителям более вероятна (хотя для ряда находок мы не можем исключать их проникновение в город и иными путями, т.е. в результате торговли, дарообмена и т.п.).

Как определить знаки именно жителей Танаиса? Это, конечно, находки на отдельных предметах с городища и некрополя. Во-вторых, помещение этих же знаков (с отдельных предметов) на плиты со скоплениями тамг. Например, тамга в виде якоря – обнаружена на свиной челюсти в слое мостовой III в. н. э.

(рис. 2.1 Приложения) и на нескольких плитах (например, рис. 2.3 Приложения, верхнее изображение в центре).

Следует обратить внимание на так называемые царские тамги Боспора. Их появление связывают с сарматизацией Боспора и династическими связями правящей верхушки с сарматскими племенами (Яценко 2001; Шаров 2013). Для функционирования знаковых систем необходимы определенные социальные условия, в частности, наличие потенциальных «носителей» и «потребителей» знаков. Носитель в данном случае – царь Боспора, а потребители – сарматы, живущие на окраинах государства.

Культ боспорского царя, выраженный, в том числе, изображением царских тамг, наверняка находил отклик в сознании переселенцев. Представления о царском фарне подкреплялись родственными связями царя с сарматскими группировками и знатными кланами. Символом этой связи выступали царские тамги, ставшие популярными именно в той части Боспора, где иранцы обладали высоким удельным весом и влиянием.

Следует выделять собственно царские тамги – и тамги, близкие царским. Их происхождение можно связывать с кланами, родственными боспорским царям. Так, на рис. 1 Приложения показаны царские тамги из Танаиса (1.1. – знак Рескупорида III; 1.2. – Тиберия Эвпатора; 1.3 – Реметалка). На двух изображениях на рис. 2.3 – три так называемых триденса, два из которых близки царским знакам, а левый триденс на верхнем изображении – предположительно знак Савромата II.

Проблема этнокультурной принадлежности новой группы населения Танаиса, появившейся здесь в середине II в. н. э., довольно сложна. По материалам девяти плит «энциклопедий тамг» С.А. Яценко приходит к выводу, что большая часть знаков относится к типам, имевшим основное хождение в степной зоне в I-II вв. н.э. (Яценко 2001: 73-74). См., например, плиту на рис. 3 Приложения, где знаки, типичные для среднесарматской культуры, выделены

контуром. Изучение плит, найденных в ходе раскопок в 1990-х гг. на территории городища, позволили подтвердить мнение С.А. Яценко.

Но встречаются и знаки, характерные для II-III вв., т. е. для позднесарматского периода (рис. 2.1, 2.2 и 2.3 Приложения – выделенный контуром знак в центре верхнего изображения). Тамги на плитах и на предметах с городища и некрополя позволяют, на мой взгляд, сделать вывод о том, что преобладающее большинство танаисских знаков характерны для среднесарматского периода. Но мы видим черты присутствия и поздних сарматов в Танаисе.

Д.Б. Шелов был убеждён в непосредственном воздействии на ситуацию в самом Танаисе новых мигрантов из-за Волги (Шелов 1974: 92). С.И. Безуглов присоединяется к мнению Д.Б. Шелова (Безуглов 2010: 109). Он считает, что в Танаис вливаются носители позднесарматской культуры, которые стали оседать в этом городском центре и на соседних нижнедонских городищах. О волне сарматов–танаитов – носителей позднесарматской культуры говорил С.А. Яценко (Яценко 1993: 101), хотя позже подкорректировал свою точку зрения. Учитывая позднесарматское влияние на культуру Танаиса, а также появление среди танаисского населения традиции деформации черепов, мнение о присоединении к жителям города именно поздних сарматов не случайно. Тем не менее, необходимо рассмотреть вопрос о культурной принадлежности и происхождении танаитов подробнее.

Следует сразу обратить внимание на тот факт, что появление вчерашних кочевников в античном городе, хоть и окраинном – экстраординарное явление. На протяжении многих столетий кочевники и греки сосуществовали, торгуя, заключая договоры, оказывая друг на друга сильное культурное влияние. Но включение кочевников в состав горожан, наделение их правами, участие нового населения в строительстве, религиозной и политической жизни города заставляет нас задуматься о том, кем были эти переселенцы. С.А. Яценко

недаром обратил внимание на важнейшее обстоятельство – то, что для воинственных мигрантов с далёкой периферии, какими, судя по всему, были носители позднесарматской культуры, оседание в городе нелогично (Яценко 2011). Характерно презрительное отношение кочевника к земледельцу, которое подтверждается многими этнографическими примерами.

Вообще седентаризация для кочевников происходит чаще в результате поражения или обнищания. Оседание означает для них разрыв с привычным миром свободы и оценивается как понижение своего статуса. Каждые 100–200 лет в степной жизни происходит очередная катастрофа – вторжение новых завоевателей, которые меняют привычную политическую и этнокультурную расстановку. Судьба проигравших – либо влиться в состав новой группировки кочевников на правах зависимого населения, либо уйти на периферию степного мира. Отход мог осуществляться в предгорья Кавказа, Крым, в Центральную Европу (например, степи Среднего Дуная). На периферии затруднено поддержание традиционного кочевого скотоводства, и как следствие, происходит постепенная седентаризация номадов.

Имеет смысл привести цитату из статьи С.А. Яценко: «действительно ли речь следует вести именно о заселении города недавно разрушившими его «типичными» кочевниками? Или же правильнее предполагать оседание в Танаисе и его округе с разрешения Савромата II каких-то небольших племен, которые обитали здесь и ранее, ещё до середины II в. стали более оседлыми, а затем были побеждены «передовыми» группами «поздних сарматов», переняли часть элементов их культуры и, будучи в стеснённом положении, были рады переселиться под защиту боспорских укреплений?» (Яценко 2009А). Трудно сказать, что могло заставить поздних сарматов с их выраженной воинской спецификой и кочевым бытом без намёков на процессы седентаризации оказаться за крепостными стенами Танаиса. Для Боспора носители позднесарматской культуры – это враги, с которыми связаны разрушения

Танаиса середины II в. И вот через достаточно короткий промежуток времени они уже являются гражданами танаисской общины, если принять точку зрения об их позднесарматском происхождении.

Уже неоднократно обращалось внимание на тот факт, что появление в Танаисе новых поселенцев привело к распространению новых иранских имен. Тем самым читателя подводят к мысли, что эти имена связаны с позднесарматскими завоевателями. У такой позиции есть несколько уязвимых точек, на которые имеет смысл указать. Во-первых, мы знаем очень немного о языке и ономастике сарматов до II в. н.э. Танаисская эпиграфика даёт нам сразу большой массив имен, который сложно сопоставлять с имеющимися несколькими упоминаниями в надписях и у античных авторов предшествующего времени, поэтому трудно уверенно говорить о том, что до II в. эти имена не использовались европейскими сарматами. Во-вторых, имена могли заимствоваться под влиянием моды и этнокультурных контактов (как это потом происходило в годы Великого переселения народов).

Следует использовать также антропологические данные. Е.Ф. Батиева, проанализировав материалы танаисского некрополя, пришла к выводу о сильном влиянии кочевников на население города: «В Танаисе основным морфологическим типом становится мезокранный череп со среднешироким лицом, высокими орбитами и резко выступающим носом, обладающий сходством со среднесарматской поздней группой» (Батиева 2007: 401). Иначе говоря, по антропологическим данным новое население в Танаисе – это выходцы из среды носителей среднесарматской культуры. Необходимо учесть тот факт, что в исследовании Е.Ф. Батиевой отражены не все данные по некрополю Танаиса, исследование которого продолжается. Поэтому вывод об антропологической близости населения Танаиса II–III в. среднесарматскому населению не может быть распространён на всех жителей города.

Мы можем предположить, что в числе переселенцев были не только

сарматы, но и меоты. Но в настоящий момент у нас нет оснований вводить меотов в состав общины переселенцев. Дистанция между сарматами, доминирующими в военном отношении, и зависимыми от них или Боспора меотами слишком велика. Признавая факт участия оседлого местного населения в жизни Танаиса с момента его возникновения, мы не видим следов их активного включения в Танаис. В полукилометре к юго-востоку от юго-восточного угла основного четырёхугольника городища были найдены самые южные погребения некрополя (Ильяшенко 2001). Их всего пять. В одном из погребений сосуд размещен под головой. Эта традиция соотносится с меотами. Бедные погребения, помещенные на непрестижном месте – на берегу реки – говорят о месте, которое занимали выходцы из меотских поселений в Танаисе.

§ 3. Танаиты и их культурная и социальная трансформация

Вопрос о сарматизации Танаиса тесно сопряжён с проблемой существования общины танаитов, известной по эпиграфическим данным. Впервые упоминание архонта танаитов встречается в надписи 188 г. (КБН 1242). Там же упоминается эллинарх. Таким образом, мы видим разделённую систему управления, что свидетельствует о существовании двух общин – танаитов и эллинов. Характер этих понятий, их состав, формирование, соотношение не раз уже рассматривались в литературе. Принципиальным является решение проблемы о времени появления в Танаисе танаитов и эллинархов. В литературе встречаются две точки зрения. Согласно первой, две общины – танаитов и эллинов – сосуществуют с момента возникновения Танаиса, согласно второй появляются во II в. н. э.

Первая точка зрения отражена в работах Д.Б. Шелова. Данные археологических изысканий показали, что Танаис с момента своего образования был разделён на две части. Западная часть города, находящаяся за пределами

основного четырёхугольника городища и отделённая от него крепостной стеной, отличается менее регулярной застройкой, здесь больше лепной керамики, считающейся негреческой, реже встречается черепица. Остатки культурного слоя раннего Танаиса на территории основного четырёхугольника более характерны для греческой культуры (Шелов 1970: 211). Эти наблюдения позволили прийти к выводу о соответствии танаитов западной, «варварской» части города, а эллинов – восточной. После разгрома города на рубеже эр этот западный участок не был восстановлен, и, по мнению Д.Б. Шелова, в дальнейшем смешанное население проживало совместно на территории основного четырёхугольника Танаиса, однако формальное разделение оставалось в силе (Шелов 1970: 215). Т.Н. Книпович на основании анализа материала надписей приходит к выводу о том, что во II–III в. никакого реального деления на две этнические группы быть не могло (Книпович 1949: 98–100).

Ещё один аргумент привел А.И. Иванчик, исходя из реконструкции слова «эллинарх» из надписи на одной из самых ранних плит в Танаисе (Иванчик 2008: 61–62). Эта плита, судя по характеру надписи, относится им ко II – первой половине I в. до н.э. Как предполагается, название «эллинарх» актуально только в связи с противоположным наименованием «архонт танаитов» – следовательно, танаиты могли присутствовать в Танаисе уже во II–I вв. до н.э. Против такой датировки этих надписей, впрочем, решительно выступил В.П. Яйленко, который отнес их ко II в. н. э. (Яйленко 2010: 598-599).

Однако недавние раскопки показали наличие рядом с западной частью раннего Танаиса другого западного района, вполне греческого по облику (Ильяшенко 2007: 24). Исследователи предполагают, что появление западных районов города, отделённых стеной от основного четырёхугольника, может быть связано не только с варварским населением, но и с характером формирования города, когда первопоселенцы закрепляют за собой лучшие

места, а вторая волна колонистов вынуждена селиться за пределами цитадели. Этим можно объяснить тот факт, что основной четырёхугольник Танаиса уступает по площади остальной территории городища.

Против существования в III–II в. до н.э. общины танаитов выступил Д.И. Даньшин. Он привёл следующие доводы. Во-первых, мы должны учитывать смешанный характер некрополя, не позволяющий определить группу танаитов в раннем Танаисе, и явное преобладание эллинистической традиции в погребениях. Мы не можем игнорировать сообщения античных авторов, которые делают упор на эллинский состав населения города (Strabo Geogr. XI. 2. 3) в то время, когда присутствие иных этносов в поселениях обычно фиксируется – например, Страбон об Алопекии (Strabo Geogr. XI. 2. 3). Наконец, первое достоверное упоминание архонта танаитов приходится на 188 г., как и эллинарха. Д.И. Даньшин резюмирует – танаисская община, вопреки распространенному мнению, приобретает греко-варварский характер только с середины II в. (Даньшин 1990: 52–53). Появление новых жителей в городе происходит в третьей четверти II в. н.э.

А.И. Иванчик обращает внимание на тот факт, что танаиты и архонты упоминаются в официальных строительных надписях (КБН 1242, 1243, 1245-1251a, 1256, 1258), и в посвящении пресбевта (КБН 1237). В частных же надписях – надписях фиасов эти официальные должности не упоминаются, за исключением 1260a, где эллинарх упоминается как член фиаса. Т.е. сам характер источниковой базы, по мнению исследователя, может предопределять отсутствие названий этих должностей до II в. (Иванчик 2008: 63).

В двух этих подходах к проблеме появления танаитов в Танаисе мы видим разное понимание исследователями слова «танаиты». В первом случае под этим названием имеется в виду негреческое население Танаиса (позиция Д.Б. Шелова). Во втором случае проникновение какой-то группы (групп) ираноязычных степняков в город приводит к тому, что термин «танаиты»

получает этническое содержание: это название пришлого иранского населения.

Значительная часть надписей Танаиса создана от имени частных объединений. По ним существует уже весьма значительная литература, наиболее полный обзор см.: (Завойкина 2013). За этими союзами, религиозными по форме, стоят какие-то реалии. Мнения исследователей по вопросу их предназначения разошлись. «Надписи Танаиса не содержат никаких данных, которые могли бы дать конкретное представление о целях и задачах синода» (Книпович 1949:107). Вопрос о значении фиасов поднимали практически все исследователи Танаиса, но однозначного ответа до сих пор не найдено. Подробней всего вопрос рассмотрен в монографии Н.В. Завойкиной.

Из всех версий о предназначении союзов нам наиболее вероятной представляется версия о военном значении этих объединений (Шкорпил 1908: 43-44; Блаватский 1964: 213-214; Ростовцев 1989: 128; Яйленко 2010: 592). В этих союзах нет женщин. Скульптурные изображения членов фиаса II в. в Пантикапее показывают нам воинов (Шкорпил 1908). В частных союзах, по расчетам Д.Б. Шелова, состояли все свободные мужчины Танаиса – 250-300 человек (из 1500-2000 жителей) (Шелов 1972: 277-278). Таким образом, в фиасы входило все взрослое гражданское население города.

Тотальная вовлечённость населения Танаиса легко объясняется с точки зрения военного значения этих организаций. Союзы играли значительную роль в военной системе Боспора. Упоминание лохагов танаитов говорит о наличии у них военной организации. Строительная деятельность союзов, известная по надписям, легко связывается с военной функцией, поскольку строятся в основном оборонительные сооружения (Яйленко 2010: 592). На одной стеле (КБН 1286) изображена стрела и кольцо для наведения в цель. Упоминание лохага танаитов подтверждает мысль о том, что их приоритетной задачей была военная служба. Я не вижу причин отказываться от версии военно-сакральной природы фиасов, как это делает Н.В. Завойкина (в публикации – Н.В.

Смирнова) (Смирнова 2001: 263).

Наличие общины танаитов и религиозных объединений с военной функцией, вовлекающих в свой состав всех жителей Танаиса, позволяет нам связать эти два факта. Союзы – это форма военной организации как прежнего населения, так и нового. При этом роль танаитов в военно-политической сфере могла быть более значимой – не только в связи с их военными навыками, но и в силу их связей с сарматским миром. Упоминание лохага танаитов подтверждает мысль о том, что приоритетной задачей танаитов была военная служба.

Появление танаитов следует, видимо, связать с политикой усиления военного потенциала Танаиса, проводимой Боспором после военного разгрома середины II в. н. э. По моему мнению, танаиты – это группировка, набираемая из местных, преимущественно ираноязычных племен для несения военной службы. Н.В. Завойкина говорит о включении варваров в состав полисной структуры Танаиса для укрепления города и борьбы с враждебными племенами (Завойкина 2004: 167). Как заключил С.А. Яценко: «Можно предполагать, что подвергшиеся военно-политическому давлению и культурному влиянию «поздних сарматов» племенные группы прежней эпохи естественным образом получили убежище на соседнем Боспоре в качестве, в первую очередь, военных поселенцев» (Яценко 2011: 204).

Именно среди жителей Танаиса известный иранист В.И. Абаев отметил специфическую группу иранских имен-прозвищ, связанных с предполагаемой дружиной: «Состоящий в том же боевом отряде», «Получающий первую награду» и т.п. (Абаев 1979: 289, 298; Яценко 1998: 54-55). В первой трети III в. в Танаисе оказалось около 60 граждан, носивших сарматские имена нового типа, совершенно уникальные и явно связанные с окрестными «поздними сарматами». Среди них – имена, связанные с тотемными животными (особенно кабаном), а также «героические», вроде «Попирающий стрелой», «Имеющий силу 10 мужей», «Чья речь полна отваги» и т.п. (Абаев 1979: 278, 287, 309).

Предположение, что поздние сарматы разгромили Танаис и силой навязали ему свое ближайшее соседство, поселившись в пределах крепостных стен, не очень убедительно. Две общины в Танаисе существуют именно на паритетных началах, при этом подчиняясь Боспору и развиваясь в русле боспорской и эллинистической политической традиции. Сарматизация меотских городищ проходила иначе в силу того, что фильтр между ними и сарматским кочевым миром намного слабее. Танаис защищали как крепостные стены, так и вся мощь политической организации Боспора.

Следует обратить внимание на то, что новые иранские имена появляются не с середины II в., а ближе к его концу. Это тоже аргумент в пользу того, что переселение сарматов в Танаис – не результат разгрома середины II в., или, по крайней мере, не прямое следствие разгрома.

Существуют две гипотезы об истоках танаисских союзов. Ю.Б. Устинова и Н.В. Завойкина считают наиболее вероятной связь союзов (по крайней мере их части – в Танаисе существовало несколько типов союзов) с институтом возрастных классов. Гипотеза Ю.Б. Устиновой предполагает возникновение фиасов из иранских мужских союзов, сильно эллинизированных (Ustinova 1999: 280-282). По мнению Н.В. Завойкиной, в основе возрастных союзов Танаиса доминировало греческое начало (Завойкина 2007: 303-305). Н.В. Завойкина считает, что существует связь между возрастными классами, союзами приемных братьев и военными акциями правящей династии. Кто из них прав, покажут дальнейшие исследования, но в любом случае, существование особых форм военной организации в виде мужских объединений было весьма актуальным на пограничье двух миров – античного и степного иранского.

Объем проделанной работы Н.В. Завойкиной и изданная ею монография склоняют к ее точке зрения. Все же система союзов была вписана в боспорский социально-политический контекст. По моему убеждению, общества Танаиса играли в первую очередь военную роль и были той системой, в рамках которой

проходила военная подготовка жителей Танаиса. Они способствовали инкорпорации новых жителей в военную систему Боспора. Следует отметить также факт, что в фиасах участвовали как эллины, так и танаиты, что способствовало вхождению переселенцев в состав городской общины.

Но предполагаемое мною наличие аналогичных институтов у сарматов (Вдовенков 2002; 2004; 2013) позволяет выдвинуть предположение, что это облегчало вхождение сарматов в подобные союзы.

Следует обратить внимание и на политическое значение Танаиса в Боспорском царстве, находящегося в стратегическом центре Сарматии, где пересекались интересы разных сарматских группировок, Боспора и Рима.

У погребенных с деформированными черепами в некрополе Танаиса прослежен низкий уровень травматизма (Батиева 2007а: 99). В это же время – то есть во II – III вв. – кочевники с деформацией черепа имеют значительное количество травм (Балабанова 2014). Это может свидетельствовать о том, что военная деятельность хоть и могла подразумеваться, но в реальности не была элементом повседневной жизни. Впрочем, есть интересные размышления В.П. Яйленко о значительных потерях среди танаитов, чему свидетельство, как он считает, постоянная смена состава союзов (Яйленко 2010: 591-593).

Количество плит с тамгами («энциклопедий») наводит на мысль, что с сарматскими объединениями активно проводился переговорный процесс. Танаис – главный посредник между Боспором и сарматским миром. Этим и объясняется, видимо, появление здесь пресбевта и большое количество «энциклопедий тамг». Их предназначение, по мнению С.А. Яценко – быть официальными свидетельствами коллективных акций местных и приезжих людей (договоры, пиры, визиты). Наличие знаков царских кланов и знаков царей говорит нам о важности этих акций, их государственном характере (Яценко 2001: 80).

Обращает на себя внимание, что в надписях, где эллинарх и архонт

танаитов упоминаются вместе, архонт танаитов стоит перед эллинархом (КБН 1242, 1237, 1245). Объяснение этого факта может быть следующим: политическое значение архонта танаитов было большим, поскольку именно танаиты доминировали в военной сфере. Поэтому он значился первым. Что касается участия в строительстве, которое активно проводится в Танаисе во второй половине II – первой трети III в., то эта обязанность могла ложиться как на эллинов, так и танаитов.

Идея М.И. Ростовцева о том, что союзы граждан организовывались и поддерживались при помощи царской власти, помогает понять реальные механизмы взаимодействия города и Боспора (Ростовцев 1989). Царская власть играла в Танаисе особую роль в условиях разделения города на две общины – танаитов и эллинов. Со второй половины II в. н.э. в Танаисе присутствует царский пресбевт – посол-легат, наместник царя, играющий важную роль в управлении городом. Главной его функцией следует признать военную, тем более что упоминания пресбевта чаще всего связаны с надписями о восстановлении оборонительных укреплений. Связь между появлением пресбевта в Танаисе и общины танаитов уже отмечена Н.В. Завойкиной (Завойкина 2004: 168-169). Пресбевты присутствовали только в Танаисе, что говорит об его особом значении. Такое положение Танаиса в структуре Боспорского государства определялось не фактом позднего вхождения и не отдаленностью (Шелов 1972: 264), а в первую очередь военной значимостью города. Он находился на важнейшем в военно-стратегическом отношении участке, рядом с главным политическим центром сарматов в низовьях Дона. Город играл в первую очередь военно-политическое, а не торговое значение.

Постоянная связь оседлых центров и кочевых группировок возле них довольно типична. Союзнические отношения возникали с соседями, которые находились достаточно близко, и в то же время которых невозможно подчинить, или же выгодно было иметь в союзниках. По-видимому, союзником

аланов выступал Боспор. Интересна точка зрения С.А. Яценко, который сообщает: «Похоже, что это сосуществование (не считая упомянутого короткого конфликта около 113-114 гг. из-за римского нажима) было чем-то вроде взаимовыгодного (хотя и вынужденного) симбиоза» (Яценко 2009: 299). О союзах говорят тамги, письменные источники, пусть и такие спорные, как «Токсарид, или дружба» Лукиана (Лис. Тох. 51).

В позднесарматское время мы можем предполагать союз Боспора и некоторых сарматских орд. Об этом говорит размещение могильников сарматов у самого Танаиса. Можно предположить существование взаимовыгодного военного сотрудничества Танаиса – форпоста Боспора, и сарматов, которое исходило из идеи стратегического союза этих двух сил.

Таким образом, сарматизация происходит в первую очередь из-за переселения сарматов на территорию Танаиса для военно-политического усиления города. Военная мощь танаитов как таковая не столь велика – 200-300 человек по сравнению с мобилизационным потенциалом сарматского мира явно недостаточны. Здесь следует скорее учитывать их политическое влияние и связи с сарматским миром.

Следует обратить внимание на то, что в Танаисе II-III вв. в религиозной сфере проявлялась значительная специфика. Так, посвятельные надписи греческим богам встречаются только у префектов, назначаемых из Боспора, а ключевую роль в религиозной жизни играл культ Бога Высочайшего. Культ Бога Высочайшего неоднократно привлекал к себе внимание (см. историографический очерк – Ємець 2000), он известен в таких регионах античного мира, как Причерноморье, Малая Азия, Фракия и другие. За этим именем исследователи видят разных богов, поэтому следует изучать конкретную религиозную ситуацию в каждом регионе.

В настоящее время известно 19 надписей фиасов почитателей Бога Высочайшего на Боспоре, пятнадцать из них происходят из Танаиса. Надписи

из Танаиса попадают в промежуток от середины II в. н. э. до первой половины III в. н. э., тогда как надписи на манумиссиях из Горгии датируются с 41 г. н.э. по рубеж I – II вв. н. э. Надписи из Танаиса посвящены «Богу Высочайшему», «Богу Высочайшему по обету», «Богу Высочайшему, внемлющему», «Богу Высочайшему, внемлющему, по обету». В них содержатся списки фиасов, включающих в себя и перечисление должностей фиасов: священника, синагога, филагата, парафилагата, гимнасиарха и неанискарха.

Основной массив надписей, упоминающих Бога Высочайшего, происходит из Танаиса, находящегося на крайнем ирано-боспорском пограничье. При изучении культа Бога Высочайшего на Боспоре и в Танаисе нужно учитывать социальный и культурный контекст эпохи. В середине II в. Танаис переживает крупное потрясение – в Танаисе обнаружены следы разрушений. Эти разрушения соотносятся исследователями с миграцией новой волны кочевников с востока, приведшей к появлению позднесарматской культуры. После этого в Танаисе происходят культурные изменения, связываемые с проникновением нового – видимо, варварского – населения в город.

Культ Бога Высочайшего, судя по всему, охватывал все население города и был центральным для гражданской жизни Танаиса. При анализе этого культа целесообразно использовать функциональный подход и задаться вопросом – какую роль выполнял этот культ в пограничном военном городе на краю Ойкумены. Появление большого количества переселенцев на территории Боспора вызывает очевидную потребность их аккультурации и приспособления к боспорским реалиям. Я могу предположить, исходя из этого, что принятие ими культа Бога Высочайшего – способ их встраивания в религиозную – и политическую! – систему Боспора. Таким образом, распространение нового культа было во многом связано с потребностями Боспора в новой идеологии, ориентированной на слои военных переселенцев.

Основными претендентами на доминирующую роль в формировании этого боспорского культа являются Зевс, Сабазий, Митра, некое солярное иранское божество, выступавшее в виде бога-всадника, иудейский бог. Многие исследователи делают упор на синкретический характер культа Бога Высочайшего, имеющего черты Зевса, Сабазия, фракийского всадника, Митры, иудейского бога и др. (Гайдукевич 1949: 434; Шелов 1972: 279; Wlawatsky, Kochelenko 1966: 8 и др.).

Культе Бога Высочайшего на Боспоре рассматривается рядом исследователей как пример распространения иудаизма (Левинская 1992). Ключевые аргументы в пользу этого – использование формы «Бог Высочайший» для определения иудейского бога («Нам известно лишь очень незначительное количество примеров достоверного употребления этого титула в языческом контексте» – Левинская 2000: 185); словесная формулировка, применяемая только к иудейскому божеству – «приемные братья, чтущие Бога Высочайшего» (Левинская 1992; КБН 1281, 1283, 1285, 1286); факт пребывания иудеев на Боспоре и в Танаисе. Таким образом, И.А. Левинская приходит к выводу о том, что культ Бога Высочайшего связан был преимущественно с иудейской религией (Левинская 2000: 181). И.А. Левинская говорит о квазипрозелитах в Танаисе – т.е. фиасотах, которые восприняли иудаизм, но не стали прозелитами (Левинская 1992). Она отрицает синкретический характер культа и настаивает на его монолитности.

Как считают другие исследователи, Бог Высочайший на Боспоре не идентичен иудейскому божеству (Ustinova 1999; Gibson 1999; Яйленко 2010: 377). Число иудеев в Танаисе – городе, где культ получил самое широкое распространение – невелико. Нам известно всего три иудейских имени (на 570 имен фиасотов, нам известных, а если учитывать отчества, то имен более 1000 – Завойкина 2013: 268-285) – два в надписи, одно на керамике (Яйленко 2010: 389).

Бог Высочайший в манумиссиях из Горгииппии может быть оспорен как иудейский бог – отпускаемых рабов посвящают греческим богам (КБН 1123; Яйленко 2010: 373). В боспорских манумиссиях, совершенных при синагоге, имя бога не упоминается вообще. Один из аргументов против участия иудейского божества в формировании культа Бога Высочайшего – использование образа орла. Пять стел в Танаисе (КБН 1260, 1261, 1277, 1281, 1285) украшены изображениями орлов, что рассматривается как свидетельство культа Зевса. Вообще, стрелы, орлы, гирлянды, венки на стелах трактуются как атрибуты Зевса-Сабазия (Яйленко 2010: 595).

Таким образом, в настоящее время данные не позволяют поставить точку в вопросе о роли иудаизма в формировании этого культа на Боспоре. Необходима дополнительная аргументация в пользу иудейского характера культа, почему именно в пограничном варваризированном городке культ иудейского бога получил столь широкую популярность. Лингвистических аргументов, используемых И.А. Левинской, здесь явно недостаточно.

Вполне возможно, что корни культа надо искать также в кочевом иранском мире, как это утверждает Ю.Б. Устинова (Ustinova 2000). Мнение Ю.Б. Устиновой о том, что это иранское солнечное божество, заслуживает внимания и отдельного исследования. М. Тачева-Хитова считала, что этот культ развивался под влиянием солярного иранского божества (Тачева-Хитова 1978: 140-142).

Ю.Б. Устинова предположила, что орлы – это символ царской власти на Боспоре, а не только символ Рима, для чего их и помещали на боспорские монеты (Ustinova 1999: 276). Орел на стелах, по мнению М.И. Ростовцева – символ Митры (Ростовцев 1914: 431). Но орел – это образ, известный и в сарматской среде. Стоит обратить внимание на орла из Липецкого кургана I в. н. э. из разграбленного богатого комплекса среднесарматской культуры (Медведев, Сафонов, Матвеев 2008).

Если посмотреть на отличительные черты культа Бога Высочайшего, на его параметры, то довольно близко к нему стоит образ Митры. Признаки Митры – связь с солярным культом, с царской властью и военной сферой, функция гаранта социального и космического порядка, охранителя границ, соблюдения договоров и клятв, покровителя коней (Яценко 2014: 54, 56). Ю.Б. Устинова указывает такой еще любопытный признак, как связь культа Митры и иранских возрастных классов (Ustinova 1999: 98). Нам известны у иранцев божества, сближаемые с Митрой – Уастырджи осетин, Гойтосир скифов. О культе Митры у саков говорят А.К. Акишев и С.А. Яценко (Акишев 1984: 76, 80-81; Яценко 2010: 19). Ю.Б. Устинова рассматривает Митру как патрона правящей династии на Боспоре (Ustinova 1999: 113).

Но пока версия о связи Бога Высочайшего с Митрой – это не более чем осторожное предположение. Эта тема требует отдельного обстоятельного исследования. Хочу обратить внимание на то обстоятельство, что мы очень плохо знаем религиозную ситуацию в степи в сарматское время. Это тот фактор *икс*, который мы не можем не учитывать в связи с этнокультурной ситуацией в Танаисе. Кстати, особое внимание следует обратить именно на религиозные представления среднесарматской культуры, поскольку танаиты во многом – выходцы из среднесарматской среды. Возникновение среднесарматской культуры тесно связано с несколькими импульсами с востока, наложившимся в европейских степях на раннесарматский субстрат. Характер этих изменений еще предстоит понять, но истоки культов этой эпохи ведут в Центральную Азию.

В образе Бога Высочайшего иранское население города должно было видеть знакомые для себя черты. В этом – залог эффективности этого культа. Поэтому мы можем предположить сведение иранского божества и греческого Зевса/Сабазия (или иудейского божества?) к единому божеству, читаемому по-разному людьми двух культур – античной и иранской степной.

Анализ религиозной ситуации в Танаисе помогает нам понять процесс взаимодействия сарматского и античного миров на боспорском пограничье. Это взаимодействие приводит к сарматизации Боспора, однако происходит она не линейно. Боспор, начиная с I в. до н. э., эффективно усвоил принципы митридатизма – использование варваров-переселенцев для усиления своей экономической и военной мощи (Сапрыкин 2006: 238-240). Привлечение сарматов и прочих варваров предполагало их вовлечение в орбиту влияния Боспора, подчинение и встраивание их в политическую систему Боспора. Как об этом пишет С.Ю. Сапрыкин: «мы должны говорить ... об эллинизации варварского населения царства...» (Сапрыкин 2006: 240).

Акультурация пришельцев – важнейший элемент этой политики, неременное условие продвижения своей идеологии и встраивания варваров в боспорский социум. Именно так создавались условия для межкультурного диалога. Но это не могло быть политикой навязывания своих культов пришлым варварам. Необходимо было находить то общее, что сближало иранцев и греков. Одной из таких практик и стал культ Бога Высочайшего. Другой практикой, тоже весьма эффективной, был культ боспорского царя, который наверняка находил отклик в сознании переселенцев. Представления о царском фарне подкреплялись родственными связями царя с сарматскими группировками и знатными кланами. Символом этой связи выступали царские тамги, ставшие популярными именно в той части Боспора, где иранцы обладали высоким удельным весом и влиянием. Впрочем, эта перспективная тема – культ царя и его восприятие варварским населением – требует отдельного исследования.

Эллинизация варварского населения, конечно, была неполной. Постоянный диалог, взаимодействие разнокультурных групп населения приводили к изменению облика Боспора, формированию новой культуры и новых, синкретических, культов. Играя все большую роль в политической, экономической и культурной жизни Боспорского царства, варвары фактом

своего существования – вольно или невольно – способствовали сарматизации Боспора.

При изучении сарматов в Танаисе возникает важный вопрос – как же номады встраивались в жизнь города. Нам еще не вполне ясны механизмы седентаризации номадов и включения их в оседлые общества, особенно города. Что происходит после того, как кочевник переселяется за стены?

В социальной антропологии этот вопрос нельзя признать решенным. Например, кочевники массово оседали в XX в. в Средней и Центральной Азии, в других уголках планеты. Но этот опыт не всегда был прослежен, не всегда осмыслен. Внимание советских исследователей было обращено больше на пережитки прошлого, а не миграционные трансформации и закономерности седентаризации номадов (Чвырь 2009: 247-248).

Не следует преувеличивать пропасть, лежащую между оседлым миром и миром кочевым. Ограниченность ресурсов у номадов предполагает высокую адаптивность кочевников, поскольку в противном случае кочевникам не выжить в суровых условиях экстенсивного кочевого скотоводства. При необходимости часть племени могла перейти к оседлому образу жизни, земледелию, но при возможности старались возвращаться к более престижному номадизму. Можно, пожалуй, предположить цикличность седентаризации-номадизации в рамках происходящих экономических процессов, климатических колебаний, политических событий.

Закономерно, что прямых соответствий между культурой сарматов и комплексами Танаиса мы не увидим. Это неудивительно – активнейшее усвоение оседающими кочевниками новых элементов культуры неизбежно. Материальный мир оседлого населения, тем более города несоизмеримо богаче такового у номадов. От прежней жизни у мигрантов остаются только наиболее значимые предметы, символы, связывающие настоящее людей с их прошлым. Попав в город, кочевники вынуждены встраиваться в новую систему

социальных отношений, хозяйствования.

В глаза бросается смешанный характер погребального обряда. В комплексах с деформированными черепами наблюдается восточная ориентировка (типичная для Боспора). В погребениях с сарматскими чертами попадаются «оболы Харона» (в виде обрывков золотой фольги, оттисков монет), погребальные венки, сделанные из золотой и серебряной фольги. Совершенно естественно пришлым населением усваивается керамический комплекс, характерный для местного населения Танаиса, а также стеклянная посуда и тому подобные элементы материальной культуры.

С.Ю. Внуков заметил одну важную особенность танаитов – неоднородность их общины. Он предположил, что общину танаитов сформировали: а) сарматы, проживавшие в городе еще до его разгрома, б) выходцы из эллинизированной племенной верхушки среднесарматского населения Подонья, лишившейся своих кочевий в связи с приходом в регион носителей позднесарматской культуры, в) представители собственно позднесарматской волны кочевников (Внуков 2007, 168). Эта неоднородность может проистекать от того, что проникновение сарматов в город было поэтапным и уровень аккультурации был разным. Другой, еще более важный момент, на котором ещё остановимся – вхождение в состав Танаиса разных сарматских общин, только объединённых именем танаиты. Обычно в надписи упоминается только один эллинарх и один архонт танаитов, но в надписи КБН № 1245 упоминаются сразу четыре архонта. Не исключена возможность того, что несколько административных должностей обозначают необходимость руководить несколькими подразделениями танаитов, и свой архонт мог быть у каждой группировки.

Сразу после переселения начинается эллинизация пришлых иранцев – усваивается греческий язык, детям даются новые имена, усваивается новая материальная культура. Греческие имена танаитов хорошо известны (Шелов

1972: 266). В надписи о строительстве Деметрий сын Аполлония называет себя танаитом (КБН 1249). Сарматское происхождение этого человека с греческим именем не столь невероятно. Например, вождь аорсов I в. н. э. имел греческое имя – Эвнон (Tacit Ann. XII. 15. 18-20). В городских условиях аккультурация происходила, без всякого сомнения, намного интенсивней, и греческие имена могли охотно заимствоваться сарматами.

Взаимодействие культур – всегда встречное движение, и культура греков менялась под воздействием переселенцев. Так, есть точка зрения о процессах сарматизации греческого языка – иранское влияние на греческий язык приводило к его искажению даже в официальном языке надписей (Шелов 1972: 255). «Ошибки» в надписях настолько типичны и своеобразны, что К.М. Колобова увидела в них не только слабое знание греческой речи, но результат влияния сарматского языка (Колобова 1933).

Танаиты известны не только в Танаисе. Это название имело широкое распространение. Анализ сообщений о танаитах в античной традиции показывает, что они упоминаются в I–IV вв. О танаитах сообщает Плиний Старший (Plin. NH. VI, 22); Птолемей (Ptol. Geogr. III, 5, 24); Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXXI, 3), а также боспорские надписи (КБН, 39, 40).

Танаиты в этих источниках – скорее этническое наименование. Впрочем, термин может быть и географическим – производным от названия реки. Например, Сенека использует для амазонки эпитет «танаитянка, или меотиянка», имеющий у него, очевидно, географическое содержание (Seneca. Thyestes 401). Привязка амазонок к отдалённому Танаису вполне традиционна.

Более информативны другие упоминания танаитов. Плиний Старший говорит о том, что скифские племена авхетов, атернеев и ассампатов вторглись в район Северного Кавказа-Приазовья и уничтожили поголовно танаитов и инапеев (Plin. NH. VI, 22). Птолемей упоминает танаитов и офлонов у излучины Танаиса (Ptol. Geogr. III, 5, 24). У Аммиана Марцеллина сообщается о том, что

гунны разгромили «аланов, которые сопредельны с гревтунгами и обыкновенно называются танаитами» (Amm. Marc. XXXI, 3).

По большому счету, как загадочны племена авхетов и офлонов, так и неясен контекст упоминаний танаитов. Насколько возможно их существование как одного этноса (или ряда родственных) в условиях постоянной смены населения, культур, миграционных волн на территорию Нижнего Подонья? Или же это название связано с именем реки? Нам известны минимум три миграционных потока номадов в это время – в I в. н.э., в середине II в., а также в середине III в., в результате которых этническая ситуация менялась самым серьёзным образом. Первая по времени информация Плиния Старшего (которая может совпадать хронологически с данными надписи КБН, 40) относится, скорее, к волнам миграций рубежа эр – I в. н.э., приведших к значительной этнокультурной трансформации в Нижнем Подонье, появлению в регионе аланов и продвижению племен языгов, аорсов, роксоланов на запад. Здесь танаиты, бесспорно, этноним, и можно предположить, что в данном случае они являются одним из племенных объединений раннесарматской эпохи. Географически привязка к низовьям Дона танаитов Плиния и из титулатуры Аспурга весьма вероятна.

Информация Птолемея может относиться как ко II в. н.э., так и к более раннему времени. Скорее, это среднесарматское население, но уверенности быть не может. Сообщение Аммиана Марцеллина об аланах–танаитах относится к IV в. н.э. и наименее определено по месту, поскольку гревтунги находились в Северо-Западном Причерноморье. То, что аланы «обыкновенно называются танаитами», не дает нам оснований однозначно видеть здесь этноним.

Эти сообщения говорят нам об танаитах как конкретном этносе (или этносах), который известен на определённой территории и может находиться в зависимости от Боспора. Насколько вероятно сохранение танаитов как

раннесарматской общности в среднесарматскую эпоху, а затем и позднесарматскую (сообщение Аммиана Марцеллина)? Данные о поголовном истреблении, относящиеся, возможно, к рубежу эр – I в. н.э., возможно, преувеличены, и какая-то часть могла войти в коалицию племён, находящихся в зависимости от аланов, установивших свое господство на Нижнем Дону после середины I в. Сложнее с танаитами в IV в. Миграция кочевников с Северного Кавказа в III в. (Малашев 2010: 128) привела к кардинальному изменению этнополитической ситуации, поэтому трудно представить себе, что танаиты как часть среднесарматского населения сохранили свое положение лидирующей группировки аланов до второй половины IV в.

Есть еще одно сообщение, наименее определенное по времени, и относящееся к танаитам весьма предположительно. Это данные Певтингеровой карты, по которым около Танаиса фиксируется народ Tanasis (надпись красной краской, в отличие от надписей названий рек, сделанных черной краской) (Tabula Peutingeriana. VII. 5; Подосинов 2002: 338-339). Соотнесение танаитов и этого названия весьма предположительно. Но время формирования исходной части Певтингеровой карты – начало III в. (Подосинов 2002: 295), а также расположение этого народа в верхней части течения Танаиса заставляет нас внимательней отнестись к этой информации. Если наше предположение верно, то ближе всего к данным карты сообщение Птолемея.

Другой вариант происхождения имени танаитов – от названия реки (т. е. кочевники Подонья могли называться танаитами независимо от этнической принадлежности). По мнению С.А. Яценко: «танаитами называли (по принципу проживания на р. Танаис) другие этносы (в частности – племя, кочевавшее в первой половине II в. восточнее аланов (Ptol. Geogr. III. 5. 10), эллинизированных меотов и сарматов, в правление Савромата II поселённых в г. Танаисе, а также нижнедонских аланов–танаитов III–IV в.)» (Яценко 2009: 296, прим. 17).

Вполне вероятно, что танаитами могли называться несколько объединений. В иранском кочевом мире есть примеры использования близких или одинаковых названий для разных племён. Широчайшее распространение получил этноним «аланы». Источниками фиксируются две волны аланов – I и II в. н.э., за которыми С.А. Яценко обоснованно видит разные этносы. В дальнейшем мы фиксируем аланов на Северном Кавказе, аланов–танаитов и т.п. К этнониму «аланы» можно добавить и близкий ему по происхождению (или хотя бы этимологически), но ставший известным чуть ранее этноним «роксоланы». С.Р. Тохтасьев, анализируя данные языка, пришёл к выводу, что названия «сарматы–савроматы–сирматы» имеют общее происхождение и означают «люди, вооружённые (метательным) оружием» (Тохтасьев 2006: 296). О популярности этих названий нет необходимости говорить.

Можно ли предположить, что танаитами называлось оседлое население Подонья? Такое предположение нельзя исключить (в конце концов, именно на рубеже эр в устье Дона появляются так называемые меоты), но письменные источники позволяют более уверенно связать это название с иранским кочевым миром. Танаиты из сообщения Плиния Старшего и танаиты из надписи № 40, КБН могут быть как кочевым, так и оседлым населением. На мой взгляд, поголовно истреблять оседлое население для кочевников нет особого смысла, поэтому в сообщении Плиния мы видим скорее борьбу кочевых группировок. Но это всего лишь мнение, подкрепить которое аргументами сейчас не представляется возможным. Танаиты из Танаиса были выходцами из кочевой среды, которую уже затронули процессы седентаризации.

Следует обратить внимание на одно важное обстоятельство. Упоминание танаитов в надписях 39 и 40 КБН – явление исключительное – в эпиграфике они больше не значатся как подчиненное Боспору племя (мы не берем надписи с танаитами Танаиса – с ними ситуация сложнее). Что, если танаиты – это остатки разгромленных танаитов Плиния Старшего, которые в силу своей слабости

отошли под власть Боспора? Это предположение, которому трудно найти подтверждение, но под власть оседлых цивилизаций подпадают обычно ослабевшие номады. В дальнейшем это население могло откочевать в район излучины Дона.

Были ли танаиты Танаиса этносом? Этот вопрос очень сложен. Община танаитов складывалась на разных этапах из нескольких группировок сарматов. Жизнь в пределах крепостных стен и объединяла, и разделяла. С момента включения в состав горожан образ жизни вчерашних кочевников менялся с катастрофической скоростью, оставляя от прежнего только предания и определённые традиции. Но при этом вхождение в экономическое, культурное и политическое пространство не обязательно означает стирание этнических границ, тем более что они были подкреплены политическими практиками.

Само понятие «танаиты» могло эволюционировать. Возможно, танаитами называли не только осевших сарматов. «Прописку» среди танаитов могли получить и кочевники, связанные с Танаисом союзническими отношениями. И соответственно, упоминаться в материалах надписей, участвовать в жизни города, при этом, однако, сохраняя свой традиционный образ жизни.

Можем ли мы предполагать сохранение племенной структуры у пришлых номадов? Упоминание нескольких архонтов танаитов (КБН № 1245), по-моему, явно свидетельствует о том, что в Танаисе было несколько объединений танаитов, различие между которыми было различием между племенами и родами.

Любопытны выводы В.П. Яйленко о гунно-болгарах в степях Европы со II в. н. э. и их именах в надписях Танаиса II-III вв. (Яйленко 2002). Среди новых имен упоминаются 17 гунно-болгарских. Если он прав, то эти данные показывают нам этническое разнообразие среди пришлого населения Танаиса. Но важно отметить доминирование иранцев в городе. За последние 60 лет существования города (конец II в. – первая половина III в.) упоминаются 395

полных имен, и греческие имена и отчества носили чуть более 100 человек (Завойкина 2013: 288, прим. 111).

Особое положение Танаиса как самого крайнего города Боспора сказалось на его судьбе. Более подверженный влиянию сарматов, после разрушительных по своим последствиям событий середины II в. н.э. город был вынужден включить в свой состав новых жителей, наделенных гражданскими правами, с целью упрочения своего военно-политического положения в регионе. Переселенцы оказывали религиозное, этническое, культурное влияние на греков, способствуя варваризации Боспора. В свою очередь, сами переселенцы подвергались сильнейшему воздействию античной культуры, осваивали греческий язык, получали новые имена. Сосуществование двух культур в стенах одного города порождало новые практики и институты, такие как фиасы Бога Высочайшего и новые религиозные культы.

Переселение кочевников в город, их быстрая эволюция показывает нам высокую адаптивность номадов, способность быстро встраиваться в новые изменившиеся условия существования, способность усваивать новые практики и приспособлять к боспорским реалиям свои.

Танаис не является «плавильным котлом» – мы видим сохранение своеобразия пришлым населением. Но при этом можно зафиксировать подчинение своему ритму и своим задачам сарматами далекого города на пограничье Боспора. Создается впечатление, что сарматы появились в городе на условиях, продиктованных боспорской верхушкой, вписались в систему боспорских союзов, организованных, возможно, при участии государства. Но это новое население, появившееся в Танаисе и заполонившее его улицы, изменило облик города и этнокультурную и политическую ситуацию на Боспоре.

Какова бы ни была структура населения Танаиса, разгром города в середине III в. закрыл эту страницу в истории и изменил жизнь танаитов и

эллинов. Судьба жителей позднего Танаиса, возобновившегося в IV в. и в какой-то степени связанного с прежним населением, может быть прослежена преимущественно на археологическом материале, что позволяет сдержанно относиться к вероятности этнических реконструкций этого этапа жизни города.

Заключение

Данное исследование является первой попыткой системного анализа этносоциальной истории и структуры сарматского общества отдельного региона. Эта тема еще не была предметом монографического исследования. В какой-то степени, работа была облегчена тем обстоятельством, что аналогичные исследования проводились на центральноазиатском материале и при изучении скифского общества.

Но, тем не менее, в диссертации приходилось прорабатывать многие вопросы, не освещенные в литературе. Сарматологи традиционно ставят перед своим материалом – погребальными комплексами – определенный круг вопросов – публикация материала, проблемы датировки, периодизации, политической истории и этнокультурных реконструкций. В последнее время в вопросе изучения сарматского общества произошли заметные подвижки. Это не только введение в научный оборот новых материалов, это и привлечение новых источников (тамги) и новых методов (естественнонаучные подходы, акторно-сетевая теория).

В первой главе были определены методология и подходы к проблеме социальной реконструкции сарматского общества и истории. Также был проанализирован феномен этничности у сарматов и его специфика, поставлен вопрос о собственно этничности, этносе у сарматов, о его существовании. Отдельно была рассмотрена проблема соотношения археологической культуры и этничности.

Всестороннее изучение письменных свидетельств и памятников археологии изучаемого региона позволило связать все три сарматские эпохи с четырьмя последовательными миграциями, меняющими политическую и культурную ситуацию в регионе. Эти миграции лишь частично отображены письменными источниками, что приводит к необходимости обработки

археологических материалов.

В третьем параграфе была предпринята статистическая обработка погребальных комплексов самого крупного сарматского могильника Подонья – у х. Новый. Могильник Новый является довольно специфическим памятником с большим разнообразием погребальных сооружений и смешанными традициями, что заставило пересмотреть ряд представлений исследователей. Были выявлены особенности женской и мужской субкультур, возрастные различия, статусные признаки. Также предпринята первая попытка анализа уровня сложности сарматских обществ Подонья при помощи кросс-культурного метода.

В четвертом параграфе первой главы приводится очерк экономики донских сарматов. Экономика – это одна из важнейших тем при изучении древних обществ, но при этом слабо исследованная. У сарматов выявлено две модели экономики – экстенсивное кочевое скотоводство и экзополитарный способ производства, связанный с эффективной военно-политической деятельностью сарматов. Особенно успешен экзополитарный способ производства был в среднесарматскую эпоху.

На сарматское общество сильное влияние оказывали природные условия, в том числе климат, который особо значим для кочевого номадизма. Климат имел существенное воздействие на социум сарматов Подонья. Период наибольшего могущества донских сарматов в I в. н. э. совпадает с гумидным периодом. Периоды аридизации (III-II вв. до н.э., II-III вв. н. э.) отмечены резким сокращением численности кочевников и ослаблением их политического влияния.

Вторая глава посвящена анализу потестарных и социальных институтов, а также характеристике сарматского общества. Показаны критерии выделения элиты на археологическом материале. Особое внимание уделено институту миграции, а также институту молодежных союзов, предполагаемому у сарматов.

В литературе существуют устойчивые штампы, расходящиеся с действительностью. К таким социальным фантомам можно отнести амазонок и сарматских жриц. Особенно популярен у исследователей образ сарматской жрицы, несмотря на то, что материал не позволяет так трактовать археологические комплексы.

В четвертом параграфе третьей на основе античной традиции и археологии анализируются потестарные отношения у сарматов, а также такие институты как «вторичное племя», «вождество», «кочевая империя».

В третьей главе я намерено отказался от попытки выстраивания последовательной череды событий, опираясь на фрагменты письменных источников. Они слишком обрывочны, чтобы можно было прийти к положительному результату. Упор был сделан на анализ экзополитарных отношений и на миграции и вызванные ими изменения, и связанную с ними социальную динамику сарматского общества.

Так, много внимания в первом параграфе третьей главы уделено феномену «странных комплексов», поскольку исследование того явления помогает понять обстоятельства формирования Сарматии и особенности освоения пространства номадами.

Во втором параграфе в центре внимания ожидаемо оказались аланы, а также те социальные трансформации сарматского общества, которые сильно изменили жизнь номадов и их отношения с оседлым миром.

Что касается позднесарматского населения, то внимание было обращено на предполагаемую политическую слабость сарматского общества этой эпохи, несмотря на вооруженность и активное участие в военной деятельности.

В последней главе уделено ключевое внимание переселению сарматов в Танаис и политическим, культурным, социальным и религиозным последствиям этого явления. Прослежена специфика седентаризации сарматов в Танаисе. Седентаризация номадов – это вынужденные шаги, а не закономерный итог

развития общества номадов. Показано, что процесс оседания является следствием военного давления или климатических изменений, которые делают для части номадов невозможным дальнейшие перекочевки.

Специфическая организация Танаиса – деление на танаитов и эллинов связано с сарматской миграцией в город. Причиной миграции стало ослабление Танаиса и политика Боспора по усилению переселенцами военного и политического потенциала Танаиса. Выдвинуто предположение о том, что частные союзы – фиасы и культ Бога Высочайшего могут быть связаны с политикой инкультурации пришлого населения.

Исследуется также взаимодействие между сарматскими группировками и меотскими поселениями на Нижнем Дону. Показано, что сложилась особая система взаимодействия между оседлым и кочевым населением, которая просуществовала от рубежа эр до середины III в.

В связи с общей неразработанностью анализируемых в диссертации проблем нельзя сказать, что эта работа ставит точку в проблеме реконструкции обществ и истории сарматов. Из важнейших проблем, требующих своего решения, следует обозначить следующие:

Анализ половозрастных субкультур донских сарматов (работа, уже проведенная волгоградскими коллегами – Балабанова 2016);

Статистический анализ погребальных комплексов всех трех сарматских культур Подонья;

Анализ проблемы культурного и социального континуитета на протяжении как всей сарматской эпохи, так и иранских сообществ древности и средневековья;

Системный анализ экономики номадов Сарматии и их роли в экономической мир-системе того времени;

Изучение тамг требует дальнейшей разработки и монографических публикаций тамг и тамгообразных знаков по регионам;

Системное исследование сарматских миграций – регионов исхода, миграционных трансформаций и т.п.

Особо следует отметить перспективы изучения поселений Нижнего Дона. Сейчас готовятся к публикации материалы исследований некрополя Танаиса и Нижнегниловского городища. В последнее время опубликованы материалы по некрополю Кобякова городища (Косяненко 2008; Ларенок 2013; Ларенок 2016) и Крепостного городища (Косяненко, Горбенко 2011). Обработка этого массива данных и выявление сарматского влияния в этих некрополях и поселениях – отдельная и большая задача.

Список источников и литературы

Источники

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского. СПб., 1994.

Геродот. История. Пер. и прим. Г.А. Стратановского. М., 1972.

Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998.

Латышев, В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. В 2 т. В 5 вып. Т. 1-2. Вып. 1-5. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893-1906.

Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.

Подосинов А.В., Скржинская М.В. Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: «Индрик», 2011.

Отчеты

Арсеньева Т.М., Беспалый Г.Е., Ильяшенко С.М. Охранно-спасательные археологические исследования на западном участке некрополя Танаис, Ростовская область, Мясниковский район, х. Недвиговка в 2009 г. // Архив ИА РАН. Без номера.

Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М. Отчет о спасательных работах на западном участке некрополя Танаиса в июне-июле 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 20476-20479.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А., Толочко И.В. Отчёт о раскопках Нижне-Донской экспедиции на западном участке грунтового некрополя Танаиса (осень 2001 г., весна 2002 г.) // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 23224-23231.

Беспалый Е.И. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в Ростовской области. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12382.

Максименко В.Е. Отчёт о раскопках кургана у х. Недвиговка в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3725.

Максименко В.Е. Отчет о раскопках Сладковского курганного могильника в Тацинском районе Ростовской области в 1978 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7094.

Мамонтов В.И. Отчет о работе Приволжского отряда Волго-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР и Волгоградского обл. отделения ВООПИК в Волгоградской области (Калачевский, Октябрьский, Суровикинский, Средне-Ахтубинский, Иловлинский р-н) за сезон 1974 г. // Архив ВОКМ. № 33.

Мамонтов В.И. Отчет о раскопках Жутовского курганного могильника Астраханской экспедиции в 1965 г. // Архив ВОКМ. № 20.

Чалый В.В. Отчёт об археологических спасательных раскопках курганного некрополя Танаиса в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. №№ 6602, 6602а.

Исследования

Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. [Отв. ред. В. С. Расторгуева]. Т. 1: Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.

Абаев В.И. Геродотовские SKYTHAI GEORGOI // ВЯ. 1981. 2: 74-76.

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I, А-

К. М.: «ВИКОМ», 1996.

Агбунов М.В. Проблемы и перспективы изучения античных авторов о Причерноморье. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982 год. Отв. ред. В.Т. Пашуто. М., 1984. С. 239—246.

Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э. – IV в. н. э.). Уфа: ИИИ РБ, 1999.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. М., 1984.

Акишев К.А. Социально-экономические отношения у древних усуней (уйсуней) в I-V вв. н. э. // Самашев З. (отв. ред.). Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-М.: Гылым, 1998. С. 65-71.

Аланский всадник. Сокровища князей I – XII вв. Каталог выставки. М., 2005.

Алейников В.В. Исследования курганных могильников «Садовый II» и «II курганный могильник у Аксайского поворота» // ИАИИИД в 2007-2008 гг. 2010. Вып. 24.

Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII-IV веков до н.э. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003.

Алексеев В.П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. № 2. 1991.

Алексеева Е.М. Царская тамга на золотом перстне из Горгиипии // Проблемы античной культуры. М., 1986.

Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетейа, 2004.

Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н.э. (Этнополитический аспект). Запорожье: ЗГУ, 1995.

Анохин В.А. Монеты скифского царя Атея. Нумизматика и сфрагистика. 1965. № 2. С. 3-15.

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М.: Наука, 1992.

Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды // МИА. 127. 1965.

Арсеньева Т.М. Раскопки Танаиса в 1977 – 1980 гг. // КСИА. 1983. №174.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981 – 1995 гг. М., 2001.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Раскопки Танаиса в центре восточной части городища // Древности Боспора. Вып. IV. М., 2001.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы (От появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л.: ЛГУ, 1974.

Арутюнов С.А., Хазанов А.М. Проблема археологических критериев этнической общности // СЭ. 1979. № 6. 79–89.

Афанасьев Г.Е. Спорные вопросы в методике интерпретации разрушенных скелетов в памятниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2012. № 2.

Базилевич Л.О., Гугуев Ю.К. О средне- и позднесарматских компонентах в составе населения Танаиса в сер. II – первой пол. III в. н.э. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XVII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012. С. 159–162.

Балабанова М.А. Роль восточных миграций в формировании савромато-сарматского населения Восточно-Европейских степей. В: Яблонский Л.Т., Савельев Н.С. (отв. ред.). Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». УАВ 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 20-29.

Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // НАВ. Вып. 6. Волгоград, 2003. С. 66-88.

Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья // 2009. РА. № 3. С. 79-88.

Балабанова М.А. Отражение боевых столкновений на костях человека (по материалам погребений сарматского времени) // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26–27 сент. 2014 г. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. С. 13-25.

Балабанова М.А., Клепиков В.М., Коробкова Е.А., Кривошеев М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология / отв. ред.: М.А. Балабанова, А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–48.

Барфильд Т. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3 / Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова (ред.). Улан-Удэ, 2009. С. 14-57.

Батиева Е.Ф. Искусственно деформированные черепа в погребениях нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. Отв.ред. М.Б. Медникова /OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М., 2006. С. 53 – 72.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). Отв. ред. М. М. Герасимова. Ростов-на-Дону, 2011.

Батиева Е.Ф. Население Танаиса по антропологическим данным // Вестник Танаиса. Вып. 2. 2007А. С. 98–115.

Батиева Е.Ф. Искусственно деформированные черепа в погребениях

нижнедонских могильников (первые века нашей эры) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. Отв.ред. М.Б. Медникова /OPUS: междисциплинарные исследования в археологии, Вып.5. М., 2006. С. 53-72.

Батиева Е.Ф. К вопросу об искусственно деформированных черепах из нижнедонских могильников сарматского времени // Человек в культурной и природной среде: труды Третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения В.П. Алексеева. М., 2007. С. 400-406.

Батиева Е.Ф. Костный фрагмент из могильника Крепостного городища // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2003г. Азов, 2004. Вып. 20. С. 464-465.

Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н. э. (палеоантропологическое исследование). Население Нижнего Дона в IX в. до н. э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование) / отв. ред. М. М. Герасимова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Баукова А.Ю. Пам'ятки з сарматськими знаками з розкопок 1947 р. у Керчі // Археологічні дослідження Львівського університету. 2009. Вип. 12. С. 155–163.

Беглова Е.А. Парадный конский убор в искусстве меотов // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009.

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. 1988. № 4. № 103–115.

Безуглов С.И. Военское позднесарматское погребение близ Азова // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов, 1997. С. 133-142.

Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону: «Терра», 2000. С. 169-193.

Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса, III в. до н.э. – V в. н.э. Дисс. на соиск. ... к.и.н. М., 2001.

Безуглов С.И. Курганные погребения позднеармавского времени из могильника Козинка VIII // ИАИАИАНД за 2001 г. 2002. Вып. 18.

Безуглов С.И. Позднесарматская культура и Нижний Дон // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 93-116.

Безуглов С.И. Склеп из Танаиса (1972 г.) и проблемы степной хронологии II-III вв. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Керчь, 2014. 30-33.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I). Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009.

Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв. н. э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории (тезисы докладов конференции). Азов, 1988. С. 19-27.

Безуглов С.И., Захаров А.В. Богатое погребение позднеармавского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1989. С. 67-75.

Белоусов В.В. Копья в погребениях сарматов II века до нашей эры – IV века нашей эры на территории Верхнего и Нижнего Подонья // НАВ. 2010. Вып. 11. С. 335-344.

Берлизов Н. Е. Сарматы на Великом шёлковом пути // Кочевники Евразийских степей и античный мир. Ч. II. Новочеркасск, 1993. С. 29–37.

Берлизов Н.Е. Отражение возрастной стратификации савромато-сарматских племен эпохи раннего железа в погребальной обрядности // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 255-258.

Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. 1990. № 1.

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник Высочино. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. 1. Ростов-на Дону: ЮНЦ РАН, 2009.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983.

Блаватский В.Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М. Изд. АН СССР, 1954.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.

Богаченко Т.В. Женщины-воительницы южнорусских степей: Исторические основы сказаний. Saarbrucken, 2011.

Болтрик Ю.В. Территориальные центры Скифии // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. научных трудов, посвященных 65-летию профессора В.П. Копылова. Отв. ред. А.Н. Коваленко. Ростов-на-Дону: 2013. С. 193-202.

Болтунова А.И. Греческие надписи в донских музеях // Нумизматика и эпиграфика V. М., 1965.

Бондаренко Д.М. Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть. М.: Институт Африки РАН, 1995.

Ботяков Ю.М. Аламан. Социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX - первая половина XX века). СПб.: МАЭ РАН, 2002.

Бочаров В.В. Антропология насилия // Антропология права. Статьи, исследования. СПб.: Издательство СПбГУ, 2013. С. 185-229.

Браунд Д. «Препарируя сарматов»: проблемы источниковедческой и археологической методологии // ВДИ. 1994. № 4. С. 168-173.

Бруяко И.В. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. SP 2005—2009.

№3. С. 329—370.

Бужилова А.П. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV-III вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1985.

Быковская Н.В. К вопросу о поясных наборах с тамгообразными знаками // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво – погляд крізь віки». Киев, 2008.

Вандкилде Х. Воины и воинские институты в энеолитической Европе // SP 2005-2009. №2. С. 268-298.

Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX-XIII вв. н. э.). Владивосток, 2006.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Алт. ун-т, 2009.

Васютин С.А., Коротаяев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Методологические проблемы реконструкции социальных структур в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005.

Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов. В: Попов В. А. (отв. ред.). Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. 182-201.

Вдовченков Е.В. Алания I – первой половины II в. н. э. – вождество, кочевая империя, раннее государство? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2011 г.): материалы конференции / Отв. ред. Е. А. Мельникова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2011. С. 26–31.

Вдовченков Е.В. «Незамеченные революции» в антропологии и археология, или почему археологи не читают Бруно Латура // Антропологический форум. 2015. № 24. С 37-43.

Вдовченков Е.В. К проблеме социальной и этнической истории сарматов на Среднем Дунае в IV в. н. э. // Рубикон. 2000. Вып. 7. Ростов-на-Дону: 20-25.

Вдовченков Е.В. Молодежные союзы у сарматов: постановка проблемы // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Вып. 3. Т. 3. Ростов-на Дону, 2004. С. 133-139.

Вдовченков Е.В. Ардараганы и лимиганы (к вопросу об отношениях зависимости у сарматов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение/ Вопросы теории и практики (11). 2012. Ч. II. С. 59-61.

Вдовченков Е.В. Кем были танаиты (к вопросу об этнической принадлежности нового населения Танаиса II-III в. н. э.) // Вестник Танаиса. Выпуск 3. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. С. 163-171.

Вдовченков Е.В. Молодежные союзы у сарматов: постановка проблемы // Социально-экономические и технико-технологические проблемы развития сферы услуг. Сб. научных трудов. Вып. 3. Том 3. Ростов-на Дону. 2004. С. 133-139.

Вдовченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов // Ранние формы потестарных систем. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 182-201.

Вдовченков Е.В. Религиозные практики сармато-боспорского пограничья (на примере культа Бога Высочайшего) // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно–историческое пространство / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М., 2015. Вып. IV.

Вдовченков Е.В. Сарматизация Танаиса как частный случай взаимодействия цивилизации и варварства // Цивилизация и варварство:

трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 197-219.

Вдовченков Е.В. Сарматы в Танаисе: культурные последствия седентаризации // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. XIV Боспорские чтения. Керчь, 2013. С. 81-85.

Вдовченков Е.В. Сарматы и оседлый мир Нижнего Подонья: политические модели взаимодействия // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа, 2014. С. 48-53.

Вдовченков Е.В. Танаис: античный город на ирано-боспорском пограничье // Фронтири міста: історико-культурологічний альманах / ред.: В.В. Грибовський. – Дніпропетровськ: Герда, 2013. – Вип. 2. С. 8-25. 0,7 п.л.

Вдовченков Е.В. Уровень сложности сарматских обществ Подонья // На пороге цивилизации и государственности (по археологическим и иным источникам). Тезисы докладов Всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2014. С. 18-20.

Вдовченков Е.В. К вопросу о молодежных союзах у племен скифо-сарматского круга // Исторические этюды. Сборник статей памяти Ю.В. Кнышенко. Ростов-на-Дону, 2002.

Вдовченков Е.В. Катафрактерии и сарматский социум: постановка проблемы // Политическая антропология традиционных и современных обществ: материалы международной конференции / отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 71-81.

Вдовченков Е.В. Образы мира в археологических памятниках среднесарматской эпохи // Известия Ростовского государственного

строительного университета (материалы конференции Южно-Российского форума «Архитектура, дизайн и искусство в пространстве культуры»). 2015. № 19. С. 56-62.

Вдовченков Е.В. Социальные трансформации в сарматском обществе в I в. н. э. // *Stratum plus*. 2015. №4. Время перемен: «на рубеже эр». С. 85-100.

Вдовченков Е.В. Кочевнические жертвенно-поминальные комплексы («странные комплексы») III—I вв. до н. э.: социальная интерпретация явления // *Stratum plus*. 2016. №3. Третий до... потерянное столетие. С. 197-215.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989.

Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // *ВДИ*. 1994. №2. С. 151–170.

Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // *ВДИ*. 1997. № 3. С. 104-124.

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // *СА*. 1991. № 1. С.145-155.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.,1989.

Винокуров Н.И. Находки культовых предметов в слое пожара первой половины I в. н.э. в боспорской крепости Артезиан // *Боспорский феномен. Сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы научной конференции*. Ч. 1. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2007.

Винокуров Н.И. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // *Древности Боспора*. Вып. 7. М., 2004.

Власкин М.В. Уздечный набор с тамгообразными псалиями из могильника «Царского» // *ИАИНД* в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9.

Власкин М.В., Ларенок П.А. Сарматские курганы в Северо-Восточном

Приазовье // ИАИАНД в 1990 г. 1991. Вып. 10.

Внуков С.Ю. Время и политические последствия появления племен позднесарматской культуры в Причерноморье // ВДИ. 2007. № 4. С. 163-177.

Воронятов С.В. Погребение с зубово-воздвиженскими чертами на Южном Буге // Матишов Г.Г., Яблонский Л.Т., Лукьяшко С.И. (отв. ред.). Погребальный обряд ранних кочевников Евразии: материалы VII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону-Кагальник: ЮНЦ РАН, 2011. С. 170-172.

Воронятов С.В., Еременко В.Е. «Плавильщики» царя Фарзоя. В: Смынтина Е.В. (отв. ред.). Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С. 51-63.

Воронятов С.В. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии // Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию А.В. Симоненко. Киев, 2012. С. 417-432.

Воронятов С.В. О назначении сарматских тамг в церемониальном конском снаряжении // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013.. С. 296-302.

Воронятов С.В. О функциях сарматских тамг на сосудах // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб., 2009. С. 80-98

Воронятов С.В. Оселки с сарматскими тамгами // Культуры степей Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М.П. Грязнова. СПб., 2012.

Воронятов С.В., Мачинский Д.А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Германия–Сарматия II. Калининград; Курск, 2010. С. 57-77.

Воронятов, С.В., Еременко, В.Е. «Плавильщики» царя Фарзоя // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиговского / Отв. ред. Е.В. Смынтина. Киев: Видавець Олег Філюк, 2013. С. 51-63.

Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, Иристон, 1999.

Гаврилова А.А. Пятый Пазырыкский курган. Дополнение к раскопчному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб., 1996.

Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989.

Гаврилюк Н.А. Скотоводство Степной Скифии (препринт). Киев, 1995.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии. Киев: ИА НАНУ, 1999.

Гаврилюк Н.А. Степная Скифия: палеоэкономический подход // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.А. Тишкин, А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета: 2005. С. 88-106.

Гаврилюк Н.А. Об особенностях верований фракийского субэтноса нижнеднепровских городищ III в. до н. э. – II в. н. э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2012. С. 21-33.

Гаврилюк Н.А. Экономика степной Скифии VI–III вв. до н.э. / научн. ред. Б.А. Шрамко. К.: Видавець Олег Філюк, 2013.

Гаглойти А.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, Мецниереба, 1966.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.-Л., 1949.

Геннинг В.Ф., Бунатян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рачков Н.Р. Формализованно-статистические методы в археологии. К., 1990.

Гишинский Я.И. Социальное насилие: Монография / Я.И. Гишинский. – ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. СПб.

Глебов В. П. Тираспольская группа памятников – сарматы, сираки, скифы. // Толочко П. П. (отв. ред.). Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя. 2004. XI, С. 74-77.

Глебов В.П. Специфика становления раннесарматской культуры на Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры: материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Ред. И. В. Сергацков. Волгоград: ВГУ. 2007. С. 59–82.

Глебов В.П., Дедюлькин А.В., Гордин И.А. Шлемы восточнокельтского типа в погребальных и ритуальных комплексах на территории Сарматии. В: Яблонский Л. Т., Савельев Н. С. (отв. ред.). Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. 14. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 77-83.

Глебов В.П. К дискуссии о хронологии среднесарматской культуры (ответ на рецензию А.В. Симоненко) // ДА. 2002. № 3-4. С. 131-140.

Глебов В.П. К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 59-68.

Глебов В.П. Курильницы раннесарматской культуры Нижнего Подонья II - I вв. до н.э. // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции.

Астрахань 2010.

Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н.э. Диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.06. М., 2010.

Глебов В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". Т. 2. Краснодар, 2004а.

Глебов В.П., Гордин И.А. Раннесарматские погребения могильника Пирожок // ИАИАНД в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.

Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматский могильник Кичкинский I // ИАИАНД в 1999-2000 гг. Вып. 17.

Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса // Древности Боспора. 2005. Том 8. М. 520 с. С. 52-97.

Глухов А.А. Глиняные курильницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона // ДА. 2000. №2. Ростов-на-Дону.

Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998.

Гороховский Е.Л. Хронология ювелирных изделий первой пол. I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Побужья. Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1989.

Граков Б.Н. Γυνακκοκρατοῦμενοι: пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 100-121.

Граков, Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 231-312.

Грантовский Э. А. О некоторых материалах по общественному строю скифов. «Родственники» и «друзья» // Литвинский Б. А. (отв. ред.). Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 59-79.

Грантовский Э.А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Международный

конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М.: Издательство АН СССР, 1960.

Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. №4. С. 128-154.

Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. Отв. ред. Б.А. Литвинский. М., 1981. С. 59-79.

Грантовский Э.А., Иванчик А.И. «Вестники» при дворах иранских царей // ВДИ. 1995. № 2. С. 162-169.

Грацианская Л.И. 1988. «География» Страбона: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1986 год. М.: Наука.

Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. Санкт-Петербург, 1999.

Гречко Д.С. К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н. э. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. №2. С. 350-358.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Гос. Эрмитаж, 1950.

Гугуев В. К. Парадный конский убор из кургана 10 Кобяковского могильника // Донские древности. Азов, 1992. Вып. 1.

Гугуев В.К. Новые подкурганые захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983. С. 77-79.

Гугуев В.К. Кобяковский курган. (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. — начала II в. н.э.) // Вестник древней истории. 1994. №4. С. 116-129.

Гугуев В.К. Новые подкурганые захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность // проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1983.

Гугуев В.К. Структура погребального ритуала Нижнее-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры) // *Novensia*. 2008. № 18-19. С. 129-137.

Гугуев Ю. К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – первой половине III в. н. э. // *Вестник Танаиса*. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Гефест, 1994. С. 114–139.

Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе // *Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой*. М., 2007. С. 432–457.

Гугуев Ю.К., Глебов В.П. Рец.: И.В. Сергацков. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000 // *Донская археология*. 2002. № 1-2.

Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2006.

Гуляева Н.П. Социальные реконструкции в археологии: проблема глазами социолога // *Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин*. Барнаул:Изд-воАлт. ун-та, 2006. Вып. 2. С.193-215.

Гутнов Ф.Х. Ранние аланы: Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001.

Гуцалов С.Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала) // *Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья*. Гуляев В. И. (отв. ред.). М.: ИА РАН, 2005. С. 437—447.

Гуцалов С.Ю. К проблеме стыка прохоровской и сусловской культур в степях Южного Урала // *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. I / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 69-88.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн, 1994.

Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. М. 1989. Вып. № 70. С. 71-141.

Гущина И. И., Засецкая И. П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н. И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. М. 1989. Вып. № 70.

Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ, 2004.

Даньшин Д.И. Танаис и танаисцы II-III вв. н.э. // КСИА. 1990. № 197. С. 51-56.

Дедюлькин А. В. К вопросу о генезисе и хронологии наплечных фаларов эллинистической эпохи // Восток 2015. № 5. С. 128-137.

Дедюлькин А.В. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевского могильника. Проблемы хронологии // Тельнов Н.П. (отв. ред.). Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции. Тирасполь, 2012. С. 34-45.

Демиденко С.В., Демиденко Ю.В. К вопросу о связях Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии в последние века до н.э. // Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. (отв. ред.). Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. 2012. Вып.191. С. 79-89.

Демкин В. А. Природная среда волго-уральских степей в савромато-сарматскую эпоху (VI в. до н.э. – IV в. н.э.) / В. А. Демкин, А. С. Скрипкин, М. В. Ельцов, Б. Н. Золотарева, Т. С. Демкина, Т. Э. Хомутова, Т. В. Кузнецова, С. Н. Удальцов, Н. Н. Каширская, Л. Н. Плеханова. Пушино: Ин-т физ.-хим. и

биол. проблем почвоведения РАН, 2012.

Демкин В.Н., Демкина Т.С., О чем могут поведать степные курганы? // ДА. 1999. № 1. С. 24–34.

Дёмкин В.А., Дёмкина Т.С., Алексеев А.О., Хомутова Т.Э., Золотарёва Б.Н., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н., Алексеева Т.В., Борисов А.В., Дёмкина Е.В., Журавлёв А.Н. Палеопочвы и климат степей Нижнего Поволжья VI-IV вв. н.э. Пушино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2009.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Золотарева Б.Н., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Удальцов С.Н. Почвенный покров и климат Азиатской Сарматии // НАВ. 2010. Вып. 11.

Демкина Т.С., Хомутова Т.Э., Каширская Н.Н., Стретович И.В., Демкин В.А. Характеристика микробных сообществ степных подкурганых палеопочв сарматского времени (I-IV вв. н. э.) // Почвоведение. 2009. № 7. С. 836-846.

Десятчиков Ю. М. Сатархи // ВДИ. 1973. №1. С. 131-144.

Десятчиков Ю.М. Появление катафрактариев на Боспоре // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных студенческих конференциях. М., 1968. С. 44–51.

Дженито Б. Археология и современные концепции социальной организации кочевников // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха. М., 1994. С. 11–17

Дзиговский А.Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель. Одесса: Гермес, 2003.

Дзиговский А.Н., Островерхов А.С. О семантике предметов и памятников в целом // Stratum plus. 2010. № 3. С. 145-174.

Дзис-Райко Г. А., Синичук Е. Ф.. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Черняков И. Т. (отв. ред.). Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. С. 148—161.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975.

Древнейшие государства Древнейшие государства Восточной Европы

1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.: Наука, 1999.

Древности степной Скифии. Киев, 1982.

Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования ус. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995.

Дьяченко А.Н., Мэйб Э., Скрипкин А.С., Клепиков В.М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // НАВ. 1999. Вып. 2.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990.

Дюмон Л. Homo hierarchicus. Опыт описания системы каст. СПб.: Издательская группа "Евразия", 2001.

Елагина Н.Г. О родоплеменной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // СЭ. 1963. № 3. С. 76-82.

Ельницкий Л.А. 1977. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск: Наука.

Емец И.А. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 2005.

Емец И.А., Петерс Б.Г. Граффити из поселения Михайловка // РА. № 2. 1994.

Ємець І.А. Історіографічний аспект у вивченні культу Бога найвищого на Боспорі // Археологія. 2000. № 1, 49-57.

Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Ждановский А.М. Подкурганые катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н.И. Кирей. Краснодар: Изд. Кубанского

государственного университета, 1984. С. 72-98.

Жебелев С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953.

Житников В.Г. Раскопки в Цимлянском районе // ИАИАНД в 1990 г. 1991. Вып. 10.

Завойкина Н.В. К вопросу о так называемых царских тамгах Боспора (154–238 гг.) // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.

Завойкина Н.В. Частные сообщества Пантикапея в первые века нашей эры // Древности Боспора. 2003. Вып. 6. М., 120-137.

Завойкина Н.В. *Ταναίται* в истории Боспорского царства // Древности Боспора. 2004. 7, 163-199.

Завойкина Н.В. Частные сообщества Танаиса (104-244 гг. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 299-315.

Завойкина Н.В. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М., 2013.

Завойкина Н.В. К вопросу о так называемых царских тамгах Боспора (154–238 гг.) // Боспор киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003.

Завойкина Н.В. Частные сообщества городов Боспорского царства в I - первой половине III вв. н. э. по материалам эпиграфики : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2006

Завойкина Н.В. Частные сообщества Танаиса (104-244 гг. н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. 17, 299-315.

Зайцев Ю. П. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл регионов, памятников, находок. 2007. 2, 258—268.

Зайцев Ю.П. Вотивные клады Северо-Западного Причерноморья III—I вв.

до. н. э. Хронология и культурная принадлежность // Немченко И.В. (отв. ред.). ДП VIII. 2008. Одесса, 146—152.

Зайцев Ю.П. Северное Причерноморье в III–II вв. до н. э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы). В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции (Тирасполь 2012), 2012. С. 67-72.

Зайцев Ю.П. Античная керамика в ритуальных (вотивных) кладах Северного Причерноморья. В: Тельнов Н.П. (отв. ред.). Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции (Тирасполь 2012), 2012. С. 55-66.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н. э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2013. С. 499-506.

Засецкая И.П., Шаров О.В. Декоративные наборы конского снаряжения III–IV вв. н.э. // Сокровища сарматов. Каталог. СПб., 2008.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2011.

Засецкая И.П. Декоративное оформление больших фаларов из погребения I века нашей эры у станции Жутово (к вопросу о происхождении сарматского звериного стиля) // НАВ. 2010 Вып. 11.

Зуев В.Ю. К вопросу о «савроматской» культуре. СПб., 1997.

Зуев В.Ю. Раннесарматская культура IV – III вв до н.э. Статистический феномен и археологическая реальность. СПб., 1998.

Зуев В.Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы международной конференции. СПб., 1996. С. 53-68.

Иванеско А.Е. Реалии воинского быта осетинских нартовских сказаний и проблема датировки ядра нартиады // Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки. 2003. N2. С. 34-40.

Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1975Т. 34. № 5. С. 400 – 411.

Иванов А.А. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII - первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: дис. на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.06. Волгоград, 2000.

Иванчик А.И. Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса: (новые данные о греко-иранском взаимодействии в Танаисе допалеонтологической эпохи) // ВДИ. 2008. – 2. – С. 57–72.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.-Берлин: Палеограф, 2001.

Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.-Берлин: Палеограф.

Иванчик А.И. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. № 5. 1988. С. 38-48

Иванчик А.И. Накануне цивилизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.-Берлин, 2005.

Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона. Вып. I. Ростов-на-Дону, 2000. С. 100-140.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону, 1992.

Ильяшенко С.М. Шурф 1994 года в юго-восточной части грунтового

могильника Танаиса // ИАИНД 1999-2000. Отв. ред.: А.А. Горбенко. Азов: Азовский краеведческий музей, 2001. С. 250-257.

Ильяшенко С.М. Керамический импорт в Танаисе эллинистического времени. В печати.

Ильяшенко С.М. Стандартные *diporti* на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его окружи III-IV вв. н.э. Боспорские исследования. № XXIX. Симферополь-Керчь: КОИВ им. А.Е. Крымского НАНУ; ЦАИ БФ "Деметра", 2013.

Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М., 1990.

Исаенко А.В. Миграции североиранцев в Румынию, на Средний Дунай и в Венгрию // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993. С. 156-202.

Иштванович Э., Кульчар В. Проблема "первого поколения" в изучении сарматов Карпатского бассейна // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции "Проблемы сарматской археологии и истории". Вып. 2. Самара, 2000. С. 205 – 209.

Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.

Калиновская К.П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М., 1976.

Каллистов Д. П. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ 1969. № 1. С. 124-130.

Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999.

Кардонов В.Т. История сарматов в советской историографии // Из истории Древнего мира и Средневековья. М., 1987. С. 3-17.

Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. СПб., 1996.

Клейн Л.С. История археологической мысли. Т. 2. СПб.: Издательство

СПбГУ, 2011.

Клейн Л.С. Стратегия синтеза в исследованиях по этногенезу (интеграция наук и синтез источников в решении проблемы этногенеза) // СЭ. 1988. № 4. с. 13-23.

Клейн Л.С. Глубина археологического факта и проблема реконверсии // *Stratum plus*. № 6. СПб. Кишинев. Одесса. 1999. С. 337-361.

Клейн Л.С. Миграция: археологические признаки // *Stratum plus*. № 1. СПб. Кишинев. Одесса, 1999. С. 52-71.

Клейн Л.С. Археологическое исследование. Методика кабинетной работы археолога. Кн. 2. Донецк, 2013.

Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.

Клейн Л.С. Новая археология (Критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк, 2009.

Клейн Л.С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // *Античный мир и археология*. Вып. 4. Саратов, 1979. С. 204-221.

Клепиков В. М. (Отв. ред.). Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I. Отв. ред. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV-III вв. до н. э. Волгоград: Издательство ВГУ, 2002.

Книпович Т.Н. Танаис. М.-Л., 1949.

Кожухов С.П. Закубанские катафрактерии // *Материальная культура Востока*. М.: Наука, 1999. С. 159-189.

Козыренко И.И. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея // *Материалы по археологии*

Северного Причерноморья. Вып. I. Одесса. Костромичев, 2006.

Колесник В. И. Демографическая история калмыков в XVII–XIX вв. : учеб. пос. Элиста, 1997.

Колобова К.М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. ИГАИМК. Вып. 100. М.-Л., 1933, 416-436.

Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае. I – IV вв. н. э. М., 2000.

Коротаев А.В., Оболонков А.А.. Родовая организация в социально-экономической структуре классовых обществ // 1989. СЭ. № 2. С. 36-45.

Косяненко В.М. Комплекс находок из разрушенного погребения в г. Ростове Н/Д // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. (Вып. 9). Азов, 1990.

Косяненко В.М. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Донские древности. 2008. Вып. 9. Азов.

Косяненко В.М., Горбенко А.А. 2011: Некрополь Паниардиса // Донские древности. Вып. 11, Азов.

Косяненко В.М., Флеров В.С. Бронзовые литые котлы Нижнего Подонья (к вопросу о типологии и хронологии) // СА. № 1. 1978.

Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992.

Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.

Крадин Н.Н. Комплексные общества номадов в кросс-культурной перспективе // Монгольская империя и кочевой мир / Ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин, Т. Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 20–49.

Крадин Н.Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Раннее государство, его альтернативы и аналоги (Под ред. Л.Е. Гринина и др.). Волгоград, 2006.

Крадин Н.Н. Кочевники Евразии. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Крадин Н.Н. Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований: сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2009. Вып. 5. С. 9-19.

Кривошеев М.В. Импортная металлическая посуда как маркер знатных погребений позднесарматского времени // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г. / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (Уфимский археологический вестник. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 105-112.

Кудрявцев М.К. Кастовая система в Индии. М.: Наука. 1992.

Кузнецов В. Д. Тамга Савромата II из Фанагории // ДБ. 11, 2007.

Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985.

Кулланда С.В. Скифы: язык и этнос. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016.

Кулланда С.В. *Scythica obsoleta* (По поводу книги А.И. Иванчика «Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература и история». Москва-Берлин, 2005 (*Pontus septentrionalis* II)) // ВДИ. 2008. № 1. № 1. С. 204-210.

Курасова М.В. Половозрастные особенности погребального обряда курганного могильника «Новый» (погребения ранне- и среднесарматского времени) // Рубикон. Сборник работ молодых ученых. № 59. Ростов-на-Дону, 2011.

Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

Ларенок В.А. Погребальные комплексы с ровиками в некрополе Кобякова городища первых веков нашей эры // Историко-археологические

исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. Вып. 25. Азов, 2011. С. 302-334.

Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 годов. Ч. 1. Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом», 2013.

Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000-2001, 2002, 2004 годов. Ч. 2. Ростов-на-Дону: ООО «Донской издательский дом», 2016.

Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери. В честь Роберта Фокса / пер. с англ. Н. Мовниной // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. С. Вахштайна. М: Территория будущего, 2006. С. 199-223.

Латур Бруно. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Левинская И.А. Чтущие бога высочайшего в надписях из Танаиса // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 129-145.

Левинская И.А. Деяния Апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.

Леонтьев П.М. Разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. ПроPILEI. Сборник статей по классической древности. IV. Москва, 1854. С. 397-524.

Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. 2013 // Меоты Закубанья IV – III вв. до н.э.: Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Государственный музей Востока.

Максименко В.Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // Сарматы и Скифия. Донские древности. Азов, 1997. Вып. 5. С. 41-49.

Максименко В.Е. О савроматской этнической принадлежности язаматов и языгов // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье (тезисы докладов к семинару). Новочеркасск, 1987. С. 38-40.

Максименко В.Е. О стоянках кочевого населения Нижнего Дона в скифское время // Известия СКНЦ ВШ. 1974. № 3. С. 101-104.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону (проблемы этнической интерпретации памятников) // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 109-117.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории). Донские древности. Вып. 6. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998.

Максименко В.Е., Ли Джи Ын. Сарматские погребения с восточными предметами на Нижнем Дону (Юго-Восточная Европа). География региона, его особенности и краткая историческая справка о сарматах // International symposium “The 60-th anniversary of Dong-A University. The 30-th anniversary of the death of Seokdang”. Busan, 23.11.2006. С. 106-113.

Максименко В.Е., Проценко Б.Н. Паниардис, Патарва и река Марубий (попытка историко-лингвистического анализа сведений Птолемея о некоторых древних топонимах в низовьях Дона) // Историческая география Дона и Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1992. С. 31-37.

Малашев В. Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Гугуев Ю. К. (ред.). Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона I. Ростов-на-Дону, 2000. С. 194—232.

Малашев В. Ю., Яблонский Л. Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. Москва: «Восточная литература» РАН, 2008.

Малашев В.Ю. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) / А.С. Скрипкин (ред.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 117-142.

Малашев В.Ю. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э // КСИА. 2014. Вып. 234. С. 72-83.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. 2009. № 1. С. 47-52.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. М., 2008.

Мамонтов В.И. Материалы из раскопок курганов у с. Ивановка // НАВ. 1999. Вып. 2.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.

Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. 2009. Пластинчатые налобники из Прикубанья. Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (39), 69-74.

Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы-М., 1995. С. 213-224.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н. э. М., 1990.

Матаев В.В. Материалы из погребений могильника Первомайский IX // НАВ. 2011. Вып. 12.

Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. АСГЭ. Вып. 13. Л.: «Аврора», 1972. С. 30-54.

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. АСГЭ . 1974. 16, 122-132.

Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в

Поднепровье по данным античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30-55.

Медведев А.П. К исторической оценке скотоводческих обществ на юге Восточной Европы II—I тыс. до н. э.: Поиск новых подходов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Воронеж, 2001. № 2. С. 159—180.

Медведев А.П. Очерк этнографии сарматов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2009. № 2. С. 3 - 14.

Медведев А.П. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред.: Н. Н. Крадин, Д. М. Бондаренко. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 98–111. (Цивилизационное измерение; т. 5).

Медведев А.П. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. 2010. Вып. 10. С. 140-146.

Медведев А.П. «Постмодернистский вызов» истории: ответ археологии // Вестник ВГУ, серия: история, политология, социология. 2007. № 1. С. 41-51.

Медведев А.П. Исследования по археологии и этногеографии лесостепной Скифии. Воронеж: ВГУ, 1999.

Медведев А.П. О возникновении иерархических социальных структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века на юге Восточной Европы (диахронный анализ). Фундаментальные исследования в области гуманитарных наук. Екатеринбург: 2003. 45-48.

Медведев А.П. Сарматы в верховьях Танаиса. М., 2008.

Медведев А.П. Сарматы и Лесостепь. Воронеж, 1990.

Медведев А.П., Матвеев Ю.П., Сафронов И.Е. Сарматское «княжеское» погребение у южной окраины г. Липецка // Медведев А.П. Сарматы в верховьях

Танаиса. М.: Таус, 2008. С. 116-125.

Медведев А.П., Сафонов И.Е., Матвеев Ю.П. Сарматское “княжеское” погребение в кургане у г. Липецка // РА. 2008. №4. С. 97-107.

Медведская И.Н. Заключение дискуссии // РА. 1994. №1. С. 123-133.

Мещанинов И.И. Загадочные знаки Причерноморья. М., Л., 1933.

Минасян Р. С., Шаблавина Е. А. Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида // Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., 2009.

Мисюгин В.М. Три брата = Three brothers / В.М. Мисюгин; [вступ. ст. Е.А. Резван и др.]/ Санкт-Петербург: Наука, 2009.

Мозолевский Б.Н. Товста могила. Киев: Наукова думка, 1979.

Молев Е.А. Локализация царства Гатала: историография вопроса и новые аргументы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 2 (1), С. 216–219.

Мордвинцева В.И. К проблеме семейно-родовых отношений у сарматов (по материалам сарматских погребений последних веков до нашей эры) // Вопросы краеведения. Материалы краеведческих чтений. Вып. 2. Волгоград, 1993. С. 31-34.

Мордвинцева В.И. Импорты в сарматских погребениях (из фондов ВОКМ) // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1994. С. 29-31.

Мордвинцева В.И. Комплекс предметов из Булаховки и «ритуальные клады» Северного Причерноморья III-I вв. до н. э. ПИФК. 2013. 2 (40). С. 144-156.

Мордвинцева В.И. Так называемый “греко-бактрийский стиль” в эллинистической торевтике // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Скрипкин А.С. (отв. ред.). Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного ун-та, 1999.

Мордвинцева В.И. Культурные изменения в Нижнем Поволжье по материалам комплексов с предметами из драгоценных металлов (III в. до н.э. – сер. III в. н.э.) // Античный мир и археология. Саратов: СГУ, 2011. С. 332-365.

Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989:202-214.

Мошкова М.Г. Проблема миграций в сарматской археологии и работах К.Ф. Смирнова // Сарматы и Скифия. Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 67-78.

Мошкова М.Г. О назначении пряслиц в погребениях мужчин // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М, 2012. С. 338-350.

Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984.

Мурзин В.Ю. Происхождение скифов: Основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка, 1990.

Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев: Видавець Олег Філюк, 2014.

Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В.. Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1989.

Наглер А.О., Чипирова Л.А. К вопросу о развитии хозяйственных типов в древних обществах // Магомедов А.Х. (отв. ред.). Античность и варварский мир. Орджоникидзе: Северо-Осетин. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 1985. С. 87-91.

Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989.

Нефедкин А. К. Под знаменем дракона. Военное дело сарматов II в. до н. э. – V в. н. э. СПб., М.: Филоматис, 2004.

Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011.

Нефедова Е. С. Бубуечский комплекс. // Раев Б.А. (отв. ред.). Античная цивилизация и варварский мир 2. Новочеркасск, 1993. С. 15—20.

Ольховский В.С. Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 2001. Вып. 7. С. 100-109.

Ольховский В.С., Яценко С.А. О знаках-тамгах из святилища Байте III на Устюрте (предварительное сообщение) // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. Отв. ред. В.С. Ольховский. М., 2000.

Орехова Н.А. Социально-политический статус скифского общества Северного Причерноморья в контексте политогенеза кочевых социумов Евразии. Дисс. ... к.и.н. Волгоград, 2003.

Очир-Горяева М. А. Предметы конской узды и конь в погребальном обряде кочевников Евразии в скифскую эпоху // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. СПб., 2002.

Очир-Горяева М.А. Ориентация по странам света по данным археологии и этнографии (постановка проблемы) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. 2010. С. 191-197.

Перевалов С.М. Сарматский контос и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–76.

Перевалов С.М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С. 203-210.

Перевалов С.М. Аланы: мираж кочевой империи // Вестник Владикавказского научного центра. 2014. № 2. С. 2–9.

Перевалов С.М. Аланская эпиграфика 1. Каталог греческих надписей // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. №1, 2–10.

Перевалов С.М. Аланская эпиграфика 2. Каталог латинских надписей // Вестник Владикавказского научного центра. 2011а. № 3. С. 15-23.

Перевалов С.М. Военное дело у аланов II в. н.э. // ИАА. Вып.3. М.

Армавир, 1997.

Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX—первой трети XX в. М.: Издательство АН СССР, 1961.

Петров М.А. Концепция раннеклассового общества и современное состояние вопроса о переходном этапе от первобытности к цивилизации // Cogito 1. Отв. ред. А.В. Кореневский. Ростов-на-Дону, 2006. С. 53-70.

Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Савроматы и скифы // Сарматы и Скифия. Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997.

Подосинов А.В. *Ex oriente lux*. Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев: ИА НАНУ, 1992.

Полин С.В., Карнаух Е.Г. Гордашевский «клад» // Тельнов Н. П. (отв. ред.). Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Междунар. науч. конф., Тирасполь, 16–19 окт. 2012 г. Тирасполь: Приднестр. гос. ун-т им. т.г. Шевченко, 2012, 134-144.

Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения проф. Б.Н.Гракова. Запорожье, 1994.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.

Пьянков И.В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов. Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Отв. ред. В.М. Массон. Л., 1975. С. 84-91.

Пьянков И.В. Аристей: путешествие к исседонам. Исседон: альманах по древней истории и культуре. Отв. ред. А.В. Зайков, В.Т. Звиричев. 2005. № 3. С. 15-35.

Раев Б.А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши. Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы: Дайк-Пресс, 2008. 124-133.

Раев Б.А. Меоты и степь: к взаимоотношениям кочевого и оседлого населения в Прикубанье на рубеже эр. В: Деревянко А.П., Макаров Н.А. (отв. ред.). Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.: ИА РАН, 2008. С. 55-57.

Раев Б.А., Симоненко А.В. 2007. «Странные комплексы» от эпохи латена до Могилы неизвестного солдата // Боспорский феномен: сакральный смысл регионов, памятников, находок. 2, 268—272.

Раев Б.А. Итальянские и восточно-эллинистические предметы в сарматских курганах Нижнего Подонья// Сокровища сарматов: каталог выставки. СПб., Азов, 2008. С. 53-57.

Раев Б.А. Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества. Новочеркасск, 1979.

Раев Б.А. Ранние аланы и горные системы Евразии: выбор экологической ниши // Вклад кочевников в развитие мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Алматы, 21-23 ноября 2007 г. Алматы, 2008. С. 124-133.

Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы). // Вахтина М.Ю. (отв. ред.). Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти М.И. Ростовцева). Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 1993. С. 111-125.

Раев Б.А., Яценко С.А. Плиты со скоплениями сарматских тамг из Танаиса в собрании Новочеркасского музея // Боспорский феномен: колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. СПб., 2001.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт

реконструкции скифской мифологии. М.: Наука, 1977.

Раевский Д.С. Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. 1995. № 4. С. 87-96.

Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М.: «Языки славянских культур», 2006.

Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце Античности – начале Средневековья. Тезисы докладов международного научного семинара. М.: ИА РАН, 2013.

Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. М. , 1990.

Редина Е.Ф., Симоненко А.В. «Клад» конца II—I вв. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 2. Марченко И. И. (отв. ред.). Краснодар, 2002. С. 78—96.

Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

Ременников А.М. К истории сарматских племен на Среднем Дунае в IV веке н. э. // Казанский Государственный Педагогический институт. Ученые записки. 1957. Вып. 12. С. 389-418.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975.

Ростовцев М.И. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. ИАК 1913. 49. С. 1-62.

Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1. Текст. Описание и исследование памятников Санкт-Петербург, 1914 год. Издание Императорской Археологической Комиссии, 1914.

Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград, 1918.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Ростовцев М.И. Государство и культура Боспорского царства // ВДИ. 1989. № 4. С. 124-133.

Русанова И.П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. Черновцы, 2002.

Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.: Наука, 1979.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова: сб. статей / отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 241-252.

Савельев О.К. Оружие дальнего боя из «странных комплексов» // Stratum plus. 2010. № 3. С.175-186.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения больших пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.,1996.

Самашев З., Кушербаев К., Аманшаев Е., Астафьев А. Сокровища Устюрта и Макыстау. Алматы, 2007.

Сапрыкин С.Ю. К вопросу о сарматизации Боспора рубежа нашей эры // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Труды ГИМ. Вып. 159: памяти Н.П. Сорокиной. Д.В. Журавлев (ред.). М.: 2006. С. 236–244.

Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Граффити и дипинти с хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007.

Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф. Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. 3. С. 64-80.

Сарматы и внешний мир: Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» /

отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев. Уфимский археологический вестник. Вып. 14. Уфа, 2014.

Сатеев О.И. Социально-экономические факторы формирования военно-демократического комплекса в сарматском обществе (к вопросу о раннеаланской стадии) // Первая Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1989. С. 91 – 94.

Свод этнографических понятий и терминов: Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986.

Семёнов Ю.И. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития. Ч. I. // ЭО. 1993. № 1. С. 52-70.

Семёнов Ю.И. Общество, страны, народы // ЭО. 1996. № 2. С. 3-18.

Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.

Сергацков И.В. «Клад» II в. до н. э. из окрестностей станицы Качалинской // РА. 2009. № 4. С. 149-159.

Сергацков И.В. Проблема становления среднесарматской культуры // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I / Отв. ред. В.М. Клепиков. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. С. 37-58.

Сергацков И.В. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград: ВГУ, 1999. С. 137-155.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.

Симоненко А. В. О позднескифских налобниках // Тереножкин А.И. (отв. ред.). Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка, 1982. С. 237—245.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев, 1991.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, 1993.

Симоненко А. В. «Клады» снаряжения всадника II—I ст. до н. э.: опыт классификации и этнической интерпретации // Марченко И. И. (отв. ред.). II-я Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1993А. С. 89—90.

Симоненко А.В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107—122.

Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков н. э. // НАВ. 2001. № 4. С. 92—104.

Симоненко А.В. Китайские и центральноазиатские элементы в сарматской культуре Северного Причерноморья // НАВ. 2003. № 6. С. 45-65.

Симоненко А. В. Конский убор из большого кургана Васюриной горы // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.

Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев: Издатель Олег Филюк, 2015.

Симоненко А.В. Тираспольские курганы, «странные комплексы» и сираки на Днестре // Марченко И.И. (отв. ред.). Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар, 2005. С. 255-260.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави // Археологія. 1999. № 1. С. 106-118.

Синика В. С., Тельнов Н. П. Миски из скифских погребальных памятников конца IV-II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*. VIII [XXIII]. 2014. №1.

Синика В., Тельнов Н. Миски из скифских погребальных памятников конца IV-II в. до н. э. на левобережье Нижнего Днестра // *Tyragetia*, s.n., vol. VIII [XXIII], nr. 1, 2014, 287-316.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. Еще раз о хронологии "киммерийских" и раннескифских древностей. Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Отв. ред. В.И. Гуляев. М, 2005. С. 201-227.

Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.

Скржинская М.В. О степени достоверности числовых данных в Скифском рассказе Геродота // ВДИ 1989. № 4. С. 79-91.

Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 1998.

Скржинская М.В. Будни и праздники Ольвии в VI-I вв. до н. э. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. 1989. № 4. С. 172-181.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1990.

Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. Вып. 7, Армавир, 2001. С.15-40.

Скрипкин А.С. О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк). Историко-археологический альманах 7, Армавир, 2001. С. 15-40.

Скрипкин А.С. К критике источников исследований, посвященных реконструкции торговых путей в скифо-сарматское время // ВДИ. 2003. № 3. С. 194-203.

Скрипкин А.С. К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // Сарматы и Восток. Сборник избранных трудов А. С. Скрипкина.

Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 159-178.

Скрипкин А.С. К проблеме политической организации сарматов // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия: материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (г. Астрахань, 18–21 октября 2010 г.) / сост. и отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2010. С. 208-211.

Скрипкин А.С. Сарматы (проблемы происхождения, расселения и политической организации) // НАВ. 2014. Вып. 14. С. 7-20.

Скрипкин А.С. О политической организации сарматов на рубеже эр // Stratum plus. 2015. №4. Время перемен: «на рубеже эр». С. 73-84.

Смагулов Е.А., Яценко С.А. Святилище Сидак – один из религиозных центров доисламского севера Средней Азии (некоторые культовые объекты V – нач. VIII вв.) // Transoxiana. Número 13. Buenos Aires. – <http://www.transoxiana.org/13/>, 2008.

Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М.: Издательство ГИМ, 1934.

Смирнов А.П. Скифы. М.: Наука, 1966.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК XXXIV. 1950. С. 97-114.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984.

Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Смирнова Н.В. Частные микросообщества Боспора: полтора века исторического поиска // ПИФК. 2001. Вып. X. Москва-Магнитогорск, 252 - 268.

Снесарев Г.П. Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в

1958-1961 гг. Материалы Хорезмской экспедиции, выпуск 7. М., 1963. С. 155-205.

Соколова З.П. Этничность: и конструкция, и реальность // ЭО. 2012. № 2. С. 19-26.

Сокровища сарматов. Каталог выставки. СПб.-Азов, 2008.

Соломонік Е.І. Новіпам`ятки з сарматськими знаками// Археологічніпам`ятки УРСР. Том XI. Київ, 1962.

Соломоник Э.. О таврении скота в Северном Причерноморье (по поводу некоторых загадочных знаков) // История и археология Древнего Крыма. Киев, 1957. С. 210-218.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Сорокина Н.П., Усачева О.Н. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Погребальный обряд. Труды Государственного Исторического Музея. Вып. 93. М.: ГИМ, 1997.

Социальная структура ранних кочевников Евразии. Под ред. Н.Н. Крадина, А.А. Тишкина, А.В. Харинского. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного технического университета, 2005.

Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев (Великая Степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия). М.: РГГУ, 2002.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. I: Савроматская эпоха. М., 1994.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. II: Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.). М., 1997.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. III: Среднесарматская культура. М., 2002.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., Наука,

1989.

Стефанович П.С. «Большая дружина» «варварской Европы» // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 73 (3-4). С. 27-57.

Стрижак М.С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // НАВ, Вып.8. Волгоград, 2006. С. 35-49.

Субботин А.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. К., 1990.

Суриков И.Е. «Несвоевременный» Геродот (Эпический прозаик между логографами и Фукидидом) // ВДИ. 2007. № 1. С. 143-151.

Тайна золотой маски. Каталог выставки. СПб., 2009.

Тачева-Хитова М. О культе *teos upsistos* на Боспоре // ВДИ. 1978. № 1. С. 133–142.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Тельнов Н.П. (отв. ред.). Древности Северного Причерноморья III-II вв. до н.э. Материалы Международной научной конференции. Тирасполь, 2012. С. 5-15.

Темирханов Л. Восточные пуштуны в Новое время (этносоциальная характеристика) М.: Наука, 1984.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. 1966. 2. С.33-49.

Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка, 1988.

Титов В.С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 89-145.

Токарев С.А. Происхождение общественных классов на островах Тонга. 1958. СЭ. № 1. С. 120-152.

Толочко И.В. Два мраморных рельефа из Танаиса // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. Акимова Л. И. (отв. ред.). Москва: Языки русской культуры. 2000. С. 287—293.

Толочко И.В. О топографии некрополя Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2001. № X. С. 227 - 251.

Толочко И.В. Некрополь Танаиса (начало III в. до н. э. - V в. н. э.): опыт сравнительного изучения : Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 М., 2004.

Толочко И.В. Об одной находке 1908 г. из Танаиса // Вестник Танаиса 3. X. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис». 2012. С. 102-107.

Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК 103. М.-Л., 1934. С. 165-199.

Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. №1 (2). С. 72-81.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Толстова Л.С. Исторические предания южного Приаралья. М., 1984.

Топоров В.Н. О происхождении нескольких русских слов (к связям с индо-иранскими источниками) // Этимология 1970. М., 1972. С. 21-45.

Тохтасьев С.Р. *Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae* // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь, 2005. С. 291–306.

Тохтасьев С.Р. Рец. на кн.: Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII-VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Москва-Берлин: Палогграф, 2005. 312 с. (*Pontus septentrionalis III*). ВДИ. 2008. № 1. С. 193-204.

Тохтасьев С.Р. Предисловие редактора // Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб. 2004.

Тревер К.В. Древнеиранский термин «*rapna*» (к вопросу о социально-возрастных группах) // Известия АН СССР. Серия истории и философии. № 1.

1947. С. 73-84.

Трейстер М.Ю. Ювелирная мастерская I в. н.э. в Северном Причерноморье (К находке из сарматского погребения в Петриках) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Тр. ГИМ. М., 2006. Вып. 159. С. 245-258.

Трейстер М.Ю. Бронзовые и золотые пряжки и наконечники поясов с тамгообразными знаками — феномен боспорской культуры II в. н. э. // Древности Боспора. Том 15. М., 2011. С. 303-340.

Туаллагов А.А. К вопросу о происхождении ранних алан // Stratum + ПАВ. СПб. – Кишинев, 1997. С.147-153.

Туаллагов А.А. Тамгообразные знаки боспорских царей // Археология. 2002. № 1. С. 9-24.

Туаллагов А.А. Закавказский поход алан 35 г. н. э. // Вестник СОГУ. 2008. №4. С. 105-110.

Туаллагов А. А. Аланы или «аланы» // Европейская Сарматия. XIV чтения памяти Анны Мачинской. Сборник посвященный Марку Борисовичу Щукину. Мачинский Д. А. (отв. ред.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 131-157

Туаллагов А.А. Катафрактерии и Боспор // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Часть 2. СПб.: Государственный Эрмитаж, Музей Религии, ИИМК, 2004. С. 276-285.

Успенская Е.Н. Антропология индийской касты. СПб.: Наука, 2010.

Федоров В.К. О функциональном назначении так называемых «савроматских жертвенников» Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 49-69.

Фиалко Е.Е. Погребения амазонок из могильника Мамай-Гора // Stratum plus. 2010. № 3. С. 187-196.

Фиалко Е.Е. Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2005. С. 242-247.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. (Труды Клин-Ярской экспедиции. Вып. III). М., 2007.

Хазанов А.М. Материнский род у сарматов // ВДИ. 1970. №2. С. 138-148.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.: Наука, 1975.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.

Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002.

Хазанов А.М. Кочевые государства и государства кочевников. Тавтология или история? // Ерофеева И.В., Масанова Л.Е. (отв. ред.). Феномен кочевничества в истории Евразии. Номадизм и развитие государства. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 9-16.

Халдеев В.В. Сколько было сарматов? // СА. 1987. № 3. С. 230–231.

Харитонов М.А. Образ волка в социокультурной традиции народов Центральной Азии. Дисс. на соискание уч. степ. к.и.н. Улан-Удэ, 2000.

Хлопин И.Н. Сегментация в истории первобытного общества // ВИ. 1968. № 8. С. 99-111.

Хохлова О.С., Хохлов А.А., Олейник С.А., Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Особенности палеопочв курганных могильников, вовлеченных в современное землепользование (на примере курганов ранних алан на Северном Кавказе) // Почвоведение. 2007. № 10. С. 1179-1189.

Хохлова О.С., Хохлов А.А., Гольева А.А. Приложение 1. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия-Алания // Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009. С. 309–323.

Цыбикдоржиев Д.В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-

Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 334-363.

Чвырь Л.А. Этнографические заметки о проблеме миграций // КСИА. 2009. № 223. С. 243-259.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев: Наукова думка, 1981.

Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наукова думка, 1984.

Чернышев А.Н. К вопросу о формировании античного цикла легенд об амазонках // Боспорский феномен. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2007. С. 213-220.

Четвериков И.А., Синика В.С. Катакомбы II типа в Тираспольской группе. // Яровой Е. В. (отв. ред.). Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тирасполь, 2002. 299-305.

Шаров О.В. О сходстве и различии конских парадных уборов из погребения с Золотой маской 1837 г. и погребения в Аджимушкае 1841 г. // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного международного круглого стола, посвящённого 10- летию конференции «Боспорский феномен». СПб., 2008. С. 258-262.

Шаров О.В. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // От римского лимеса до Великой китайской стены. *Stratum plus*. 2012. № 4. С. 201-237.

Шаров О.В. Тамга конского убора из погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 161-166.

Шаров О.В. Боспорские этюды: к вопросу о появлении царских тамг // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 43-49.

Шаров О.В. Погребения «сарматской знати» на Боспоре в позднеримскую эпоху // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород — Старая Русса. Т. I. СПб, М., Великий Новгород: 2011. С. 327-328.

Шевченко Н. Ф. Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н.э. //

Историко-археологический альманах. Мунчаев Р. М. (отв. редактор). Вып. 10. Армавир, Краснодар, Москва, 2011. С. 44-62.

Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // ВДИ. 2006. № 1. С. 141-154.

Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.). М., 1961.

Шелов Д. Б. Тамга Римиталка // Культура античного мира. М., 1966.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I веках до нашей эры. М.: Наука, 1970.

Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.

Шелов Д.Б. О датировке северокавказских подражаний римским денариям // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. 190-196.

Шелов Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II-III вв. н.э. по данным танаисской ономастики // ВДИ. 1974. № 1. С. 80-93.

Шилов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА АН СССР. 1973. № 138. С. 60-65.

Шкорпил В.В. Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // Известия императорской Археологической комиссии. 1908. Вып. 27. С. 42–54.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997.

Щеглов Д.А. Аристей из Проконнеса: факты и интерпретации // Аристей: Классическая филология и античная история. Отв. ред. А.В. Подосинов. 2010. № 1. М., С. 9-34.

Щукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии Зубовско-Воздвиженской группы и проблеме ранних алан. // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Раев Б.А. (отв. ред.). Часть I. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского

казачества, 1992. 119-121.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. – I в.н.э. в Восточной и Центральной Европе. СПб: Фарн, 1994.

Щукин М.Б. О военных контактах сарматов и германцев в римское время (по материалам вооружения) // *Stratum plus*. 2011. №4. Европейская Сарматия и Херсонес. С. 165-178.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат, 1934.

Яйленко В.П. Гунно-болгары II-V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимики // *Древности Боспора*. 2002. № 5. С. 303-333.

Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 2010.

Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Яровой Е.В. (отв. ред.). Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья (материалы полевого семинара). Тирасполь. РИО ПГУ, 2000. С. 3-28.

Яхтанигов Х.Х. Северокавказские тамги. Нальчик, 1993.

Яценко Е.Г. Стекланные бальзамарии I — середины III вв. н.э. из Танаиса и меотских поселений его округа. // *Известия Ростовского областного музея краеведения*. Выпуск 17. Ростов-на-Дону. 2010. С. 55-78.

Яценко Е.Г. Стекланные чаши-фиалы второй половины II — середины III в.н.э. из Танаиса // *Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья*. Труды ГИМ. Вып. 159: памяти Н.П. Сорокиной. М., 2006. С. 130-152.

Яценко И.В. Скифия VII—V вв. до нашей эры. М.: Наука, 1959.

Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в

сарматскую эпоху // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 14-20.

Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н.э. // Петербургский археологический вестник. 1993. № 3. СПб. С. 60-72.

Яценко С.А. Основные волны появления новых элементов костюма в Сарматии и политические события I в. до н.э. – III в. н.э. Происхождение стиля «клуазонне» // ПАВ. Вып. 4. СПб., 1993А. С. 97–105.

Яценко С.А. Германцы и аланы: О разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // Stratum + ПАВ., СПб-Кишинев. 1997. С. 154-163.

Яценко С.А. Имена аланов из Танаисов второй половины II – первой половины III в. н. э. как исторический источник // ДА. 1998. № 1. С. 54-55.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература, 2001.

Яценко С. А. Об этносе – противнике Плавтия Сильвана в Северо-Западном Причерноморье около 62 г. н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Копылов В. П. (отв. ред.). Материалы IX международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Издательство РГПУ, 2001А. С. 115-117.

Яценко С.А. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах. // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Цивилизационное измерение. Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М. (отв. ред.). Т. 5. М.: Институт Африки РАН, 2002. С. 126-135.

Яценко С.А. О последовательности нанесения серии тамг на надгробные плиты из некрополя Пантикапея // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1. Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2002А. С. 79-82.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006.

Яценко С.А. К дискуссии о механизмах формирования среднесарматской

археологической культуры. // Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Клепиков В.М. (отв. ред.). Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. I. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006А. С. 118-129.

Яценко С.А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – III в. н.э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 1. / отв. ред. П.К. Дашковский. Барнаул: Азбука, 2007. С. 58-65.

Яценко С.А. Алания I-II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.). (отв. ред.). Книга 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. С. 281-310.

Яценко С.А. К дискуссии об оформлении позднесарматской этнокультурной общности 2-й половины II — 1-й половины III века нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 12, 2011. С. 197–213.

Яценко С.А. Миграции идей в мире ранних кочевников (на примере «кочевых империй» Средней Азии и сармато-аланов) // IX Международная археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции. Вдовченков Е. В. (отв. ред.). Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. С. 196-198.

Яценко С.А. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I—III вв. н.э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. 6. Сб. / М.М. Чореф (ред.). Севастополь-Тюмень, 2014А. С. 40-63.

Яценко С.А. Древние орудия в культуре сарматов и поздних скифов // НАВ. 2009. Вып. 9. С. 117-126.

Яценко С.А. Знаки собственности сарматского облика (gakk/nishan) в сельских районах Боспорского царства I-III вв. н.э. // Древности Боспора. Т. 13.

М., 2009А. С. 539-552

Яценко С.А. К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях // Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. Москва, 2014. С. 300-302.

Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография // РА. 1998. № 3. С. 67-74.

Яценко С.А. Тамги и эпиграфика Боспора: новые версии // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции (Отв. ред. В.Ю. Зуев). СПб., 2005.

Яценко С.А. 2009А. К дискуссии об оформлении этнокультурных общностей кочевников Азиатской Сарматии 2-й пол. II – 1-й пол. III вв. н.э. // <http://www.formuseum.info/2009/03/28/jacenko1.html>; <http://www.formuseum.info/2009/03/28/jacenko2.html>

Яценко С.А. Сидящий мужской персонаж с сосудом в руке на сакской бронзовой "курильнице" из Семиречья // Seating Male Personage with the Vessel in the Hand on Saka Bronze 'Censer' from Semirechye [Jetysu]. Almaty. 2010. С. 3-22.

Яценко С.А. Заметки по истории и культуре сармато-аланов // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 304-317.

Яценко С.А. Характер древних ограблений курганов двух групп сарматской элиты I-II вв. н.э. В печати.

Яценко С.А. Предполагаемые воины-побратимы в кочевых среднесарматских некрополях Нижнего Дона // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 3. В печати.

Яценко С.А., Добжаньска Г. Германские парадные копьё II-III вв. н.э. с сарматскими знаками // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины

Ивановны Гущиной (Отв. ред. Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов). Труды Гос. Исторического музея. Вып. 191. М.: ГИМ, 2012. С. 275-282.

Яценко С.А., Вдовченков Е.В. Ограбление сарматских курганов в древности: методы и цели // НАВ. 2013. № 13. С. 78-90.

Яценко С.А., Вдовченков Е.В. О некоторых сторонах военной организации древних кочевников европейской Степи // Знание, понимание, умение. 2015. № 1. С. 171-182.

Adams R. Energy and Structure. A Theory of Social Power. Austin, TX and London, 1975.

Alberti B., Marshall Y. Animating Archaeology: Local Theories and Conceptually Open-ended Methodologies // Cambridge Archaeological Journal. 2009. No19. P. 344-356.

Alberti B., Fowles S., Holbraad M., Marshall Y., Witmore C. "Worlds Otherwise": Archaeology, Anthropology, and Ontological Difference // Current Anthropology. 2011. Vol. 52. No. 6 (December 2011). P. 896-912.

Bartucz L. Anthropologische Beiträge zur I. und II. Periode der Sarmatenzeit in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest. P. 157-229.

Blawatsky W., Kochelenko G. Le culte de Mithra sur la côte septentrionale de la Mer Noire. Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire Romain. Leiden, 1966. 1—36.

Fried M. The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology. New York, 1967.

Gibson E.L. The Jewish Manumission Inscriptions of the Bosphorus Kingdom. Tübingen, 1999.

Mielczarek M. Cataphracti and Clibanarii. Studies of the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź. Oficyna naukowa MS. 1993.

Murdock G., Provost C. Measurement of Cultural Complexity // Ethnology.

1972. 12, 4. P. 379–392.

Raev B.A. Roman imports in the Lower Don basin. (BAR Intern. Ser., 278.)
Oxford: Reeder, E. 1986.

Treister M.Y. Some classical subjects on the Late Hellenistic Sarmatian phalerae (to the origin of phalerae) // *Ancient Greeks West and East*. Ed. Leiden: E.J. Brill, 1999. P. 565-604.

Ustinova Yu.B. The Supreme Gods of the Bosporian Kingdom. Celestial Aphrodite and the Most High God. Leiden; Boston; Koln, 1999.

Ustinova Yu.B. The Bosporian Kingdom in late Antiquity: ethnic and religious transformations // *Ethnicity and culture in late Antiquity. Ethnicity and Culture in Late Antiquity*. S. Mitchell and G. Greatrex (Eds). Swansea, Duckworth and the Classical Press of Wales. 2000. P. 151-172.

Ustinova Yu.B. Lycanthropy in sarmatian warrior societies: the Kobyakovo torque // *Ancient West and East*. 2002. № 1. P. 102-123.

Vlaskin, M. Ein Schwertdepot aus Tanais // *Eurasia antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 1997. Vol. 3. P. 489-506.

Widengren G. *Die Religionen Irans*. Stuttgart, 1965.

Wikander S. *Der Arische Mannerbund*. Diss. Lund, 1938.

Yatsenko S.A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples of Iran, Eastern Europe, Transoxiana and South Siberia // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* / edited by Joám Evans Pim; Sergey A. Yatsenko and Oliver T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 133-154.

Yatsenko S.A. Problems and Study Methods of the Ancient and Early Medieval Iranian-speaking Peoples' Nishan-Signs // *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey* / edited by Joám Evans Pim ; Sergey A. Yatsenko and Oliver T. Perrin. – London ; Dover : Dunkling Books, 2010. P. 111-132.

Harmatta J. *Studies on the History and Language of the Sarmatians*. Seged, 1950.

Harmatta J. *Studies in the History and Language of Sarmatians: Acta Universitatis de Attila Jozsef nominate. Acta Antiqua et Archaeologica. Tomus XIII.* Szeged, 1970.

Список сокращений

- АА – Археологический альманах
 АДУ – Археологічні дослідження в Україні
 АОН – Археологические открытия на новостройках
 АП – Археологічні пам'ятки
 ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
 ВГСПУ – Волгоградский государственный социально-педагогический университет.
 ВГУ – Воронежский государственный университет.
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ВНИИВиВ – Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия.
 ВолГУ – Волгоградский Государственный Университет
 ВХУ – Вестник Харьковского университета. Харьков.
 ВЯ – Вопросы языкознания
 ГЭ – Государственный Эрмитаж.
 ДА – Донская археология. Ростов-на-Дону.
 ДД – Донские древности. Азов.
 ЕГУ – Елецкий государственный университет
 ИА РАН – Институт археологии российской академии наук
 ИАК – Известия археологической комиссии. СПб.
 ИАИНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов.
 ИИМО - Институт истории и международных отношений ЮФУ
 ИПЦ - Индекс пищевой ценности.
 ИРАИМК - Известия Российской академии истории материальной культуры. Пг.
 КГУ – Курский государственный университет
 КПС - кости плохой сохранности.
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР, Москва-Ленинград.
 МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
 МАКСиА - Международная археологическая конференция студентов и аспирантов. Ростов-на-Дону.
 МАО – Московское археологическое общество
 МАЭСУ – Музей археологии и этнографии Слободской Украины
 МГУ - Московский Гуманитарный Университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.

МКВ – Международный конгресс востоковедов

МКК - минимальное количество костей.

МКО - минимальное количество особей.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.

НМЦА - Научно-методический центр археологии

ОВД – Область войска Донского.

ПНО – Проблемы исследования Ольвии

РА – Российская археология. М.

РАН - Российская Академия Наук

РГУ – Ростовский государственный университет

СА – Советская археология. М.

СЭ – Советская этнография.

СМАА — Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.

СПбГУ - Санкт-Петербургский государственный университет

Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея.

ЭО – Этнографическое обозрение.

ЮФУ - Южный федеральный университет

Приложение

Таблицы и иллюстрации

**Таблица 1. Курганный могильник Новый.
Местоположение погребенного в кургане. Женские погребения**

возраст	Женщина +ребенок	Женщины			
		16-20 лет	21-35 лет	36-50 лет	Старше 50 лет
Основные	10	1	14	1	-
Впускные	10	5	11	7	4
Процент основных погребений, %	50	16	56	12,5	-

**Таблица 2. Курганный могильник Новый.
Местоположение погребенного в кургане. Мужские погребения.**

возраст	Мужчины			
	16-20 лет	21-35 лет	36-50 лет	Старше 50 лет
Основные	4	17	17	3
Впускные	5	19	6	4
Процент основных погребений, %	44	47	74	42

**Таблица 3. Курганный могильник Новый.
Распределение основных категорий находок. Женские погребения.**

возраст	Женщина + ребенок	Женщины			
		16-20 лет	21-35 лет	35-50 лет	Старше 50 лет
Количество комплексов	15	6	25	8	4
Керамика кружальная	11	3	19	4	3
% ⁵	55	50	76	50	75
Керамика лепная	4	1	5	1	-
%	20	16	20	12	
Нож	13	4	6	8	3

⁵ Здесь и далее – процент находок от общего количества комплексов этой группы

%	65	66	24	100	75
Бусы	12	5	12	5	-
%	60	83	48	62	-
бисер	5	4	4	2	1
%	25	66	16	25	25
пряслице	5	4	5	2	-
%	25	66	20	25	-
зеркало	3	2	5	1	1
%	15	33	20	12	25
бронзовый сосуд	1	-	1	1	-
Алебастровые сосудики	2	1	6	-	-
Курильницы	5	-	4	2	-

**Таблица 4. Курганный могильник Новый.
Распределение основных категорий находок. Мужские погребения.**

возраст	Мужчины			
	16-20 лет	21-35 лет	35-50 лет	Старше 50 лет
Количество комплексов	9	36	23	7
Керамика кружальная	3	26	11	1
%	33	72	49	14
Керамика лепная	3	6	3	1
%	33	16	13	14
Нож	7	19	10	1
%	77	52	43	14
Бусы	1	4	-	1
%	11	11	-	14
бисер	-	2	-	-
%	-	5	-	-
пряслице	-	-	1	-
%	-	-	4	-
зеркало	-	3	3	1
%	-	8	13	14
бронзовый сосуд	-	7	1	-
Алебастровые сосудики	-	1	-	-
Курильницы	-	3	-	-

**Таблица 5. Курганный могильник Новый.
Распределение вооружения. Мужские погребения.**

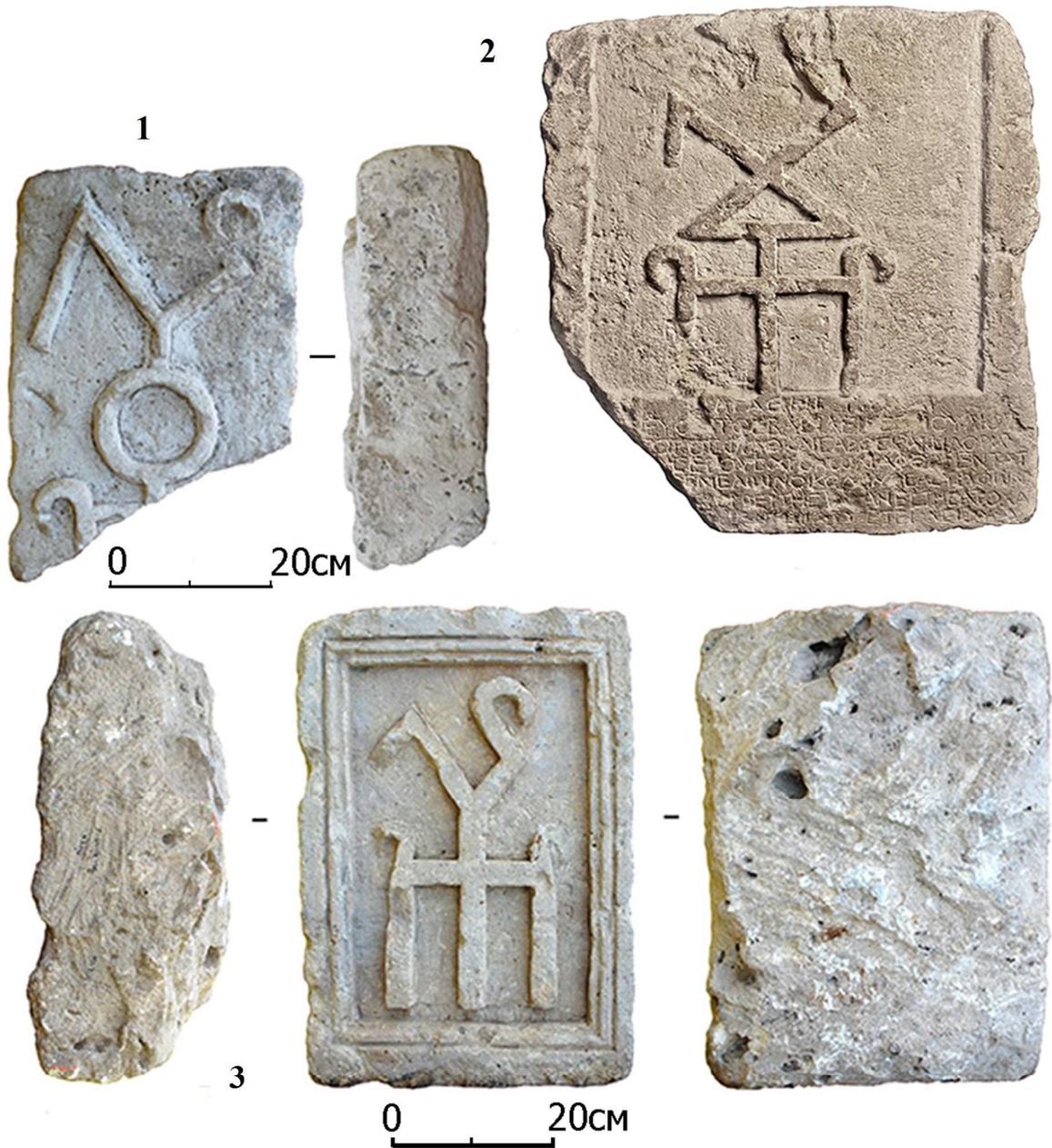
возраст	Мужчины			
	16-20 лет	21-35 лет	35-50 лет	Старше 50 лет
Количество комплексов	9	36	23	7
Стрелы	7	18	10	3
%	77	50	43	42
Меч	7	27	6	4
%	77	75	26	57
оселок	-	-	4	1
конская сбруя	1	5	1	-

Таблица 6. Курганный могильник Новый. Распределение вооружения. Женские погребения.

возраст	Женщина +ребенок	Женщины			
		16-20 лет	21-35 лет	35-50 лет	Старше 50 лет
Количество комплексов	15	6	25	8	4
Стрелы	4	1	4	-	-
%	20	16	16	-	-
Меч	3	-	4	-	-
%	15	-	16	-	-
оселок	-	-	-	-	-
конская сбруя	-	-	1	-	-

Таблица 7. Три стадии миграции номадов.

Стадии миграции первой волны	«Разведка боем»	Миграция	Стабильные перекочевки		
Стадии миграции второй волны			«Разведка боем»	Миграция и вытеснение субстрата на периферию. Оседание субстрата	Стабильные перекочевки новых мигрантов

Рис. 1. Плиты с тамгами из Танаиса. 1. Танаис, 1972, № 163. 2. НМИДК, КБН 1241. 3. Танаис, 1964, IV раскоп, № 2210.

Рисунки выполнены В.К. Гугуевым в рамках проекта РГНФ № 01 (а1) – 12-31-01054.

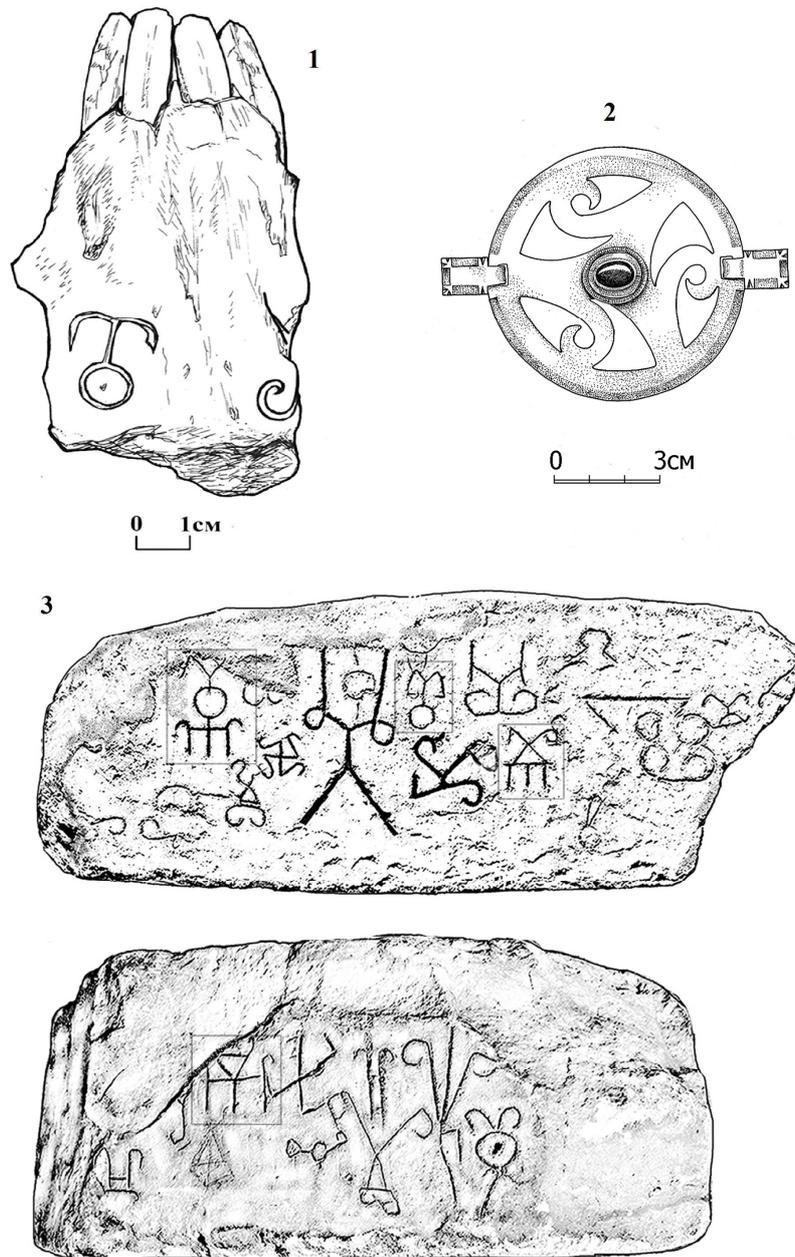

Рис. 2. 1. Свиная челюсть с тамгой, Танаис, 2009/3 № 258. 2. Танаис, 2008, погребение 186. 3. НМИДК, КП 3843 П-207 (2 стороны плиты, без масштаба).

Рисунки выполнены В.К. Гугуевым в рамках проекта РГНФ № 01 (а1) – 12-31-01054.

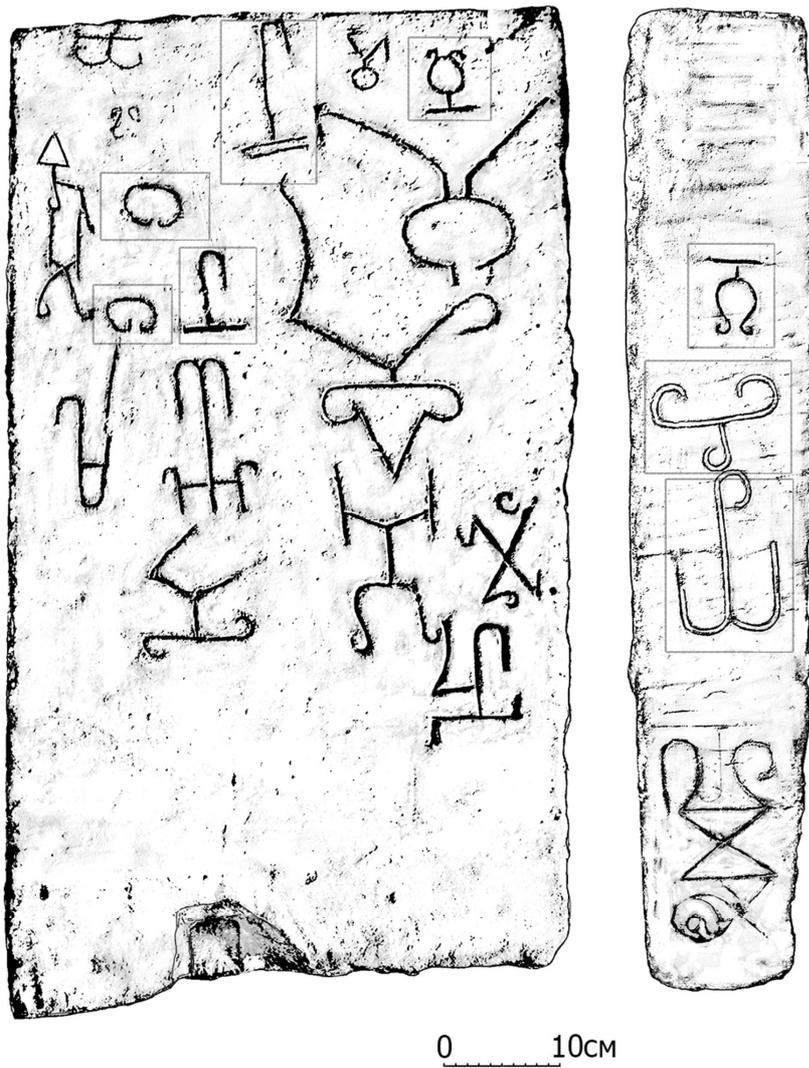

Рис. 3. Тамги, характерные для среднесарматской культуры, на плите из НМИДК, КП 3845 П-205. Рисунки выполнены В.К. Гугуевым в рамках проекта РГНФ № 01 (а1) – 12-31-01054.

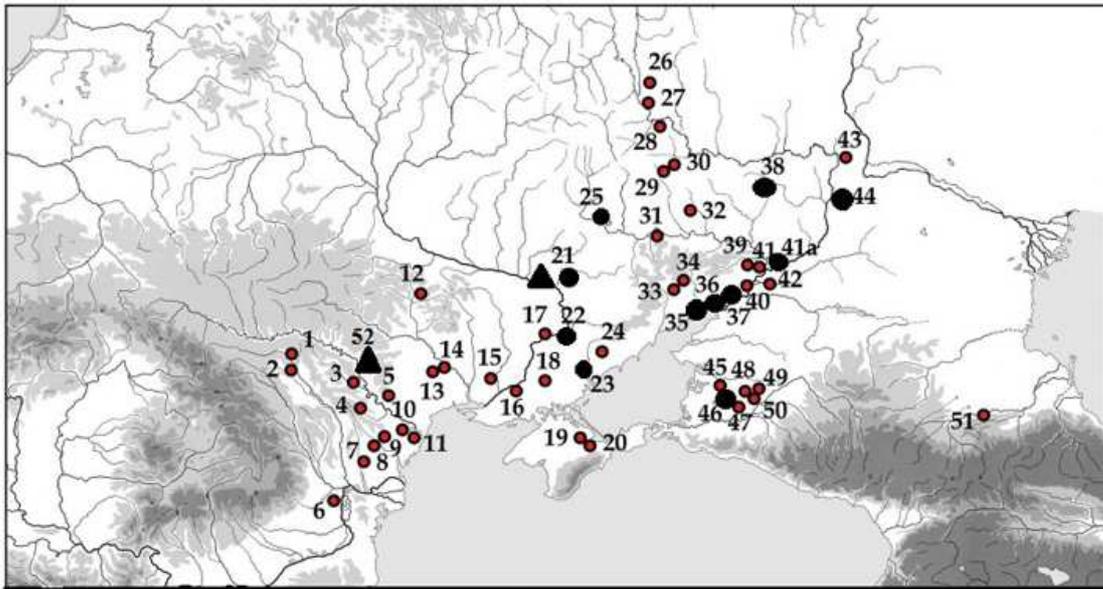

Рис. 4. Карта северного Причерноморья с обозначением странных комплексов (по Зайцеву 2012: 68, рис. 1, с добавлениями). I– ритуальные/вотивныеклады III-Пвв. до н.э. (маленькие красные кружки); II– ритуальные/вотивныеклады II-Ивв. до н.э. (большие черные кружки). 1 – Новые Бедражи, 2 – Трушешть, 3 – Бравичены, 4 – Бубуечь, 5 – Великоплатское, 6 – Гэвани, 7 – Тараклия, 8 – Твардица, 9 – Весёлая Долина, 10 – Семеновка, 11 – Беленькое, 12 – Гордашевка, 13 – Нововасильевка, 14 – Марьевка, 15 – Снигиревка, 16 – Каменка, 17 – Никополь, 18 – Нижние Серогозы, 19 – Ногайчинский курган, 20 – Новоивановка, 21 – Булаховка, 22 – Приморский, 23 – Янчокрак, 24– Токмак Могила, 25 – Балаклея, 26 – Усманский курган, 27 – Левая Россошь, 28 – Антиповка, 29 – Ездочное, 30 – Клименков, 31 – Приволье, 32 – Старобельск, 33 – Острый, 34 – Квашино, 35 – Таганрог, 36 – Царский, 37 – Недвиговка, 38 – Рестумов, 39 – Новопрохоровка, 40 – Красный, 41 – Грушевский, 41а – Веселый, 42 – Федулов, 43 – Качалинская, 44 – Жутово, 45 – Роговская, 46 – Бойко Понура, 47 – Пластуновская, 48 – Верхний (3 клада), 49 – Сергиевская, 50 – Кореновск, 51 – II-е Ханкальское городище.

Треугольниками выделены находки с тамгами: 21 – Булаховка, 52 – могильник у с. Глиное.